

БУРЖУАЗНЫЙ СУД: ПОКУШЕНИЕ
НА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.

ЗАПАДНОСИБИРСКОЕ
УСКОРЕНИЕ.

У НАС В ГОСТЯХ —
ШАВАРШ
КАРАПЕТЯН.

№ 22 (1404) ноябрь 1985

ISSN 0131-6656

СМЕНА

МАСТЕРА

Анатолий ГОЛУБЕВ

Она не родилась во мне. Эта тема родилась со мной. И живет с того самого дня, который помню. Понял я это давно. Только осознал до конца, что близка мне та тема, понятна и органична, когда столкнулся с работой не за письменным столом, а готовясь к телевизионным передачам цикла «Честь и слава — по труду». Тот самый пример, когда его величество случай срывает имен-

но в силу неизбежной закономерности...

Дед мой по материнской линии, плотник-краснодеревщик из села Шаталовка Воронежской, а ныне Белгородской области, пожалуй, главный виновник того, что во мне, человеке сугубо городском, так сказать, гуманитарном, осталась жить и развиваться эта всевластная страсть делать нечто своими руками.

«Мужик, который сам ничего путного не смастерил, — зря небо коптил», — говаривал дед. По рассказам моей бабушки Секлети Степановны, имевшей тринадцать детей и овдовевшей в тридцать девять лет от роду, дед был великим

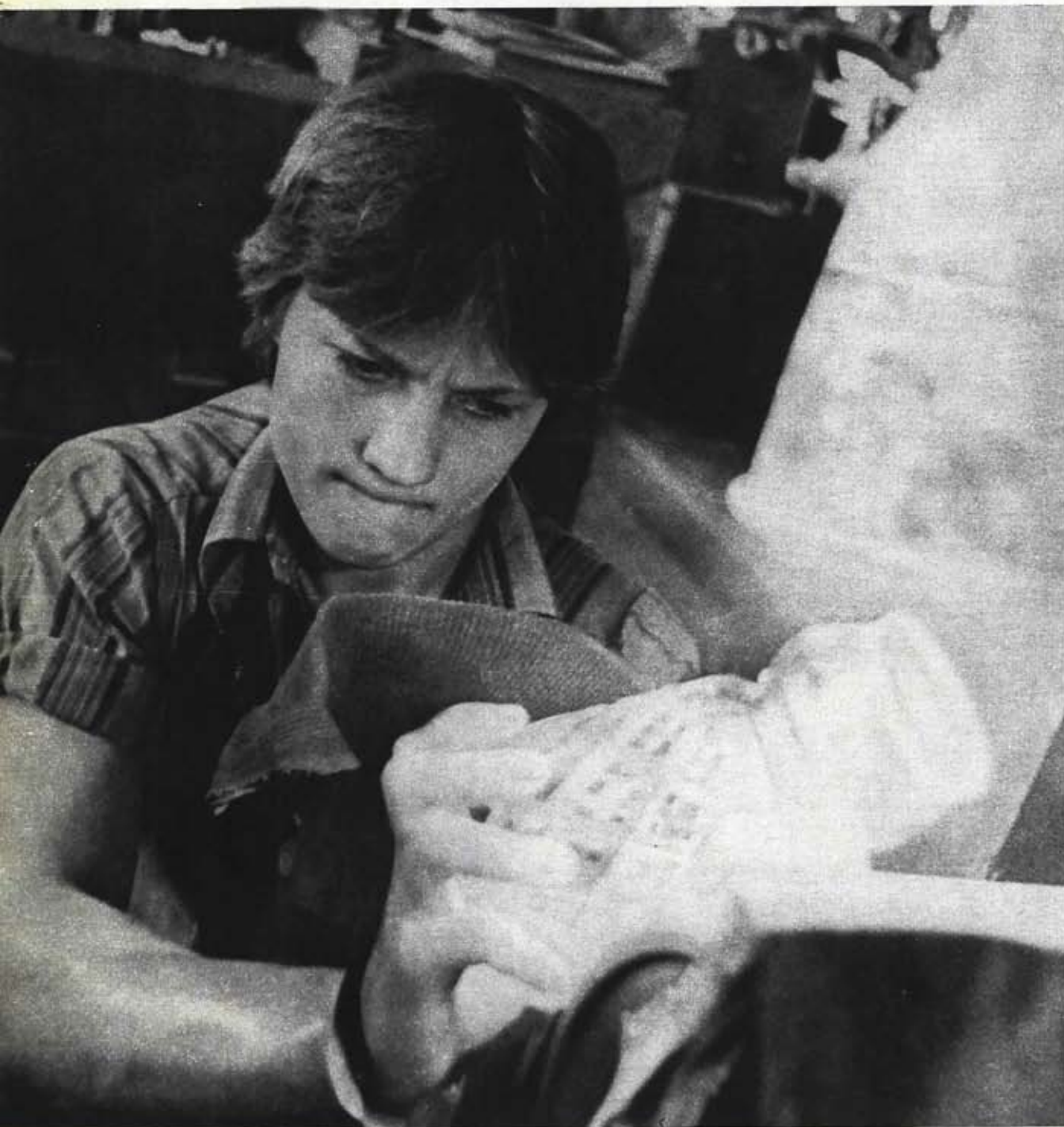
мастером — в округе лучшие наличники у затейников-хозяев мастерил он. Мебель делал простую и удивительно уютную, любую избу озарявшую неким светом красоты.

«Иметь бы сундук денег да год праздников», — любил повторять дед и всю жизнь с малолетства работал не покладая рук.

С лихвой побродив по земле, я с каким-то особым чувством всегда относился к людям, которые делают свое дело первоклассно. Профессия тут не играла особой роли.

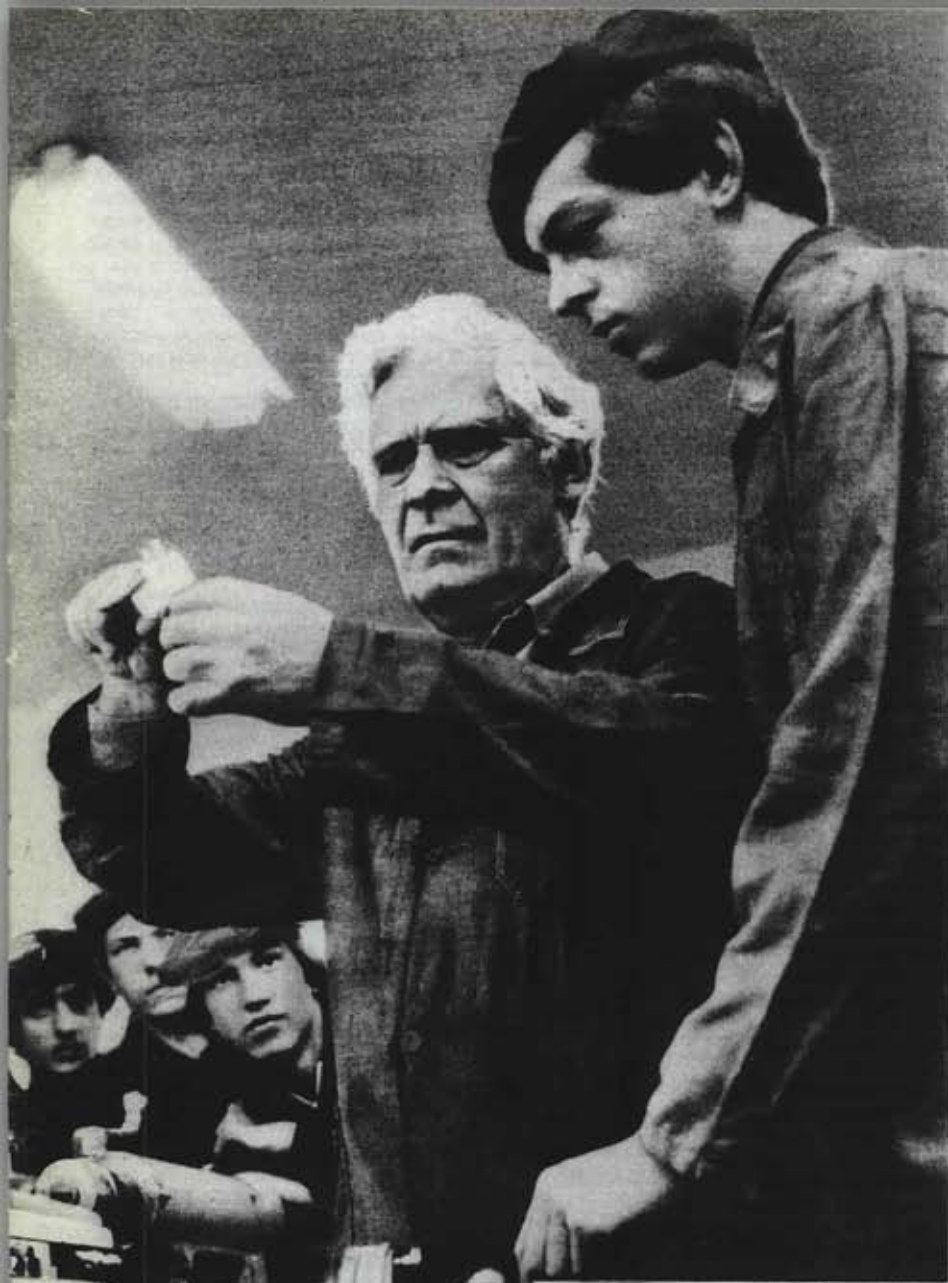
Вспоминаю Петра Григорьева, тюменского охотника-промысловика с Демьянки. В памяти не выстрелы его, скупые и

Прогресс в науке и технике, в производстве немислим без мастеров своего дела, без истинных профессионалов на каждом рабочем месте. Смысл, который мы сегодня вкладываем в понятие «мастер», не ограничивается совершенством навыков, глубиной знаний. Оно включает в себя и обостренное чувство ответственности, рабочей чести, коллективизма, активную жизненную позицию...

меткие, не капканы на соболя, поставленные так, будто растворилось железо в пуховом снегу: видел, как он ставил капкан в снег, видел, где ставил, а вот уже и не найти глазом. Помню прежде всего руки Петра Григорьева. Они всегда были в работе. Рассказывал ли он что, сам спрашивал — руки его не знали застоя: вечно что-то мастерили, мяли, кроили, точили. Профессионализм — категория всеохватная. Она касается не только тех, кто что-то создает своими руками, но и руководителя.

Готовясь к передачам «Честь и слава — по труду», встречался с разными людьми на разных московских предприятиях. Тут и швея, и строгальщик, и электромонтер, и печатник. Но всех их объединяет удивительное человеческое качество — ненасытная заинтересованность в своем деле, полная трудовая отдача. И тогда мастерство, про-

«От жиру,— скажет некий sereneкий человек, замкнутый только в своих личных заботах.— От жиру!» А жира нет. И здоровья не так уж много. С одной из съемок увезла Мальцева от нас, из-под камеры, неумолимая «скорая»... Но Мальцев не может жить иначе. Он профессионал.

Итак, мастерство— не просто производственная категория, оно прежде всего категория нравственности, без которой невозможно достижение вершин в любой профессии, без которой сегодня немислимо наше народное хозяйство.

Мы давно и законно гордимся решением такой социально-экономической проблемы, как обеспечение полной занятости рабочих ресурсов. Но жизнь— а не чье-то волевое решение— поставила сегодня вопрос ребром: «А как заняты эти рабочие руки, что и сколько они производят?»

Сорок лет прошло с той поры, как отгремела самая страшная из войн нашего тысячелетия, когда цвет нации своей жизнью заплатил за жизнь Родины. Вряд ли когда затянутся душевные раны народа. И он никогда не забудет великого ратного подвига своих сынов и дочерей.

Но кто бы мог подумать, что спустя четыре десятилетия взорвется эта своеобразная военная бомба замедленного действия и страна окажется на краю гигантской демографической воронки. И мы будем вынуждены считать каждую пару рабочих рук— и в городе, и на селе. А подсчитав, поймем, что числовая поверка может дать только основу для размышления, но никак не прибавит и пары рабочих рук к тому, что имеем. А имеем мы сегодня и в ближайшее время будем иметь значительно меньше того, что требуется нашему народному хозяйству. Есть над чем задуматься. И принять меры срочные и действенные.

Говорим с директором совхоза имени Ш. Руставели, что близ Гагры, Романом Владимировичем Джугелия. Он сетует, качая головой:

— У меня дворов около семисот. Жи-

вет народу свыше четырех тысяч человек. А работает в совхозе всего двести семнадцать. Вот и приходится крутиться. И ветеранов не обидеть, и новых работников как-то привлечь.

Мы все убеждены, что не работать взрослому человеку нельзя, ибо труд в нашей стране является единственным источником существования. Не работать, по нашим этическим нормам, аморально. К сожалению, с юридической точки зрения еще не оформлено достойным образом положение, что не работать в нашем обществе нормальному взрослому человеку еще и преступно. Помножьте-ка убыток от каждого отдельного тунеядца на миллионы случаев иждивенчества за счет государства и вы увидите конкретный ошеломляющий ущерб, который наносит безделье. Ущерб экономический, ущерб нравственный, который завтра опять-таки обернется еще большим ущербом материальным. Ведь недаром говорят, что удержаться на одном уровне добра еще можно, но никому никогда не удавалось удержаться на одном уровне зла. А что выпадение людей из сферы общественного производства— зло, нет сомнения. Ибо тунеядство страшно уже тем, что резко понижает показатели реальной трудовой занятости населения.

Но оставим в стороне, пока оставим, этот разлагающий рабочую силу фактор тунеядства. Мы говорим сегодня о профессиональном мастерстве рабочего человека. И хотя работающих вполсилы, так, для отбытия номера, сиречь, получения зарплаты, нельзя назвать тунеядцами, понижение общей квалификации рабочего класса нашей страны во многом лежит на их совести. Ведь те, кто работает абы как, к сожалению, сегодня черпают из государственной казны благ столько же или почти столько же, сколько и мастера. Справедливо ли это?! Тем, кто работает мастерски, кто достиг высот в своей профессии, независимо от стажа и возраста, надо платить не просто больше, надо платить значительно больше. Надо и в моральном поощрении таких представителей

Фото Владимира МАТЫЦИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

фессиональное мастерство, что обычно измеряется в разрядах и званиях, превращается сразу в более существенную— нравственную категорию, измерять степени которой гораздо труднее.

Скажем, как расценить поступок Иннокентия Ивановича Мальцева, строгальщика завода «Красный пролетарий». Кудесник гигантского строгального станка, Герой Социалистического Труда, заслуженный человек принимает решение, которое не каждому по плечу. Жил он в пяти минутах ходьбы от «Красного пролетария». И вдруг строится филиал завода. Далекое от дома. Вместо пяти минут полтора часа на дорогу уходит. Но он перебирается в новые, еще в стадии строительной незавершенки цеха, вместе со своим стареньким, испытанным станком. Надо родному заводу, надо делу, а он— мастер...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1404) НОЯБРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
осенний мотив.

Фото
Льва ВЕЙСМАНА.

- 1** НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
Анатолий ГОЛУБЕВ. «МАСТЕРА».
- 4** С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРИБУНЫ XII ВСЕМИРНОГО.
Александр УРБАН. «СУД НЕПРАВЫЙ».
- 6** Поэма ШУКРУЛЛО «ДИАЛОГИ ВЕКА».
- 8** Рассказ Николая ВОРОНОВА «КРИК О ПОМОЩИ».
- 12** РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.
«ЭКИПАЖ». Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА и
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 15** ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ —
ЛЮДИ, ПРОБЛЕМЫ, ФАКТЫ.
«ЛУГИНЕЦКАЯ НЕФТЬ». Фотоочерк Виктора ЛОЙШИ и
Альберта ЛЕХМУСА.
- 18** НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Борис БАЛКАРЕЙ. «ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬ».
- 20** «СТОЛЕТИЯМ ВОПРЕКИ».
Фоторепортаж Олега ДЗЮБЫ и
Альберта СИБИРЯКОВА.
- 22** ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ.
ШАВАРШ КАРАПЕТЯН: «ВЕРИТЬ В СЕБЯ».
- 24** КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
Нина ТОЛЧЕНОВА. «ДЕНЬ В ТЕАТРАЛЬНОМ ДОМЕ».
- 25** КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ».
- 26** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказ Нормана СПИРАДА «ТВОРЕНИЕ ПРЕКРАСНОГО».
- 28** БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Александр КОБЕЦ. «КАК ОДОЛЕТЬ «СЕРОГО ЗМИЯ»?».
- 29** Повесть Сергея ПЛЕХАНОВА «ЗОЛОТАЯ БАБА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНУКОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

нашего рабочего класса и крестьянства идти дальше. Я прекрасно понимаю, что одними рублями вознаграждения не увеличишь. Реального вознаграждения. Важно еще и то, что можно приобрести на рубли. А это решить посложнее, чем механически, скажем, повысить зарплату мастеру. Но при всех трудностях в нашей экономике мы можем найти возможность так перераспределить блага, чтобы сказать с чистой совестью: «Ты даешь обществу больше, ты и получишь от него больше для себя!»

«Золотые руки, но пьют...» — сколько раз слышал я эти расхожие слова, то ли всепрощение пьющему, то ли наивысший комплимент мастеру. Полноте, не верю я в золотые руки пьющего, потому как золото это относительное. Даже по сравнению с полной дисквалификацией или нехваткой обыкновенной мастерской. Конечно, исключения возможны. Но мне, честно говоря, не доводилось видеть «пьющих золотых рук».

Перебирая в памяти уже слегка притупленные давностью лица старых знакомых, перелистывая страницы блокнотных записей, наоборот, вспоминаю о виденных, встреченных мною мастерах как о людях незаурядных, личностях нравственно насыщенных, как крепкий бульон. В застолье они от рюмки не откажутся, коль по делу. Но превратить питье в смысл жизни, в некий ореол могущественности своей натуры?! Не было на моем пути таких мастеров... Ибо высочайший профессионализм есть не просто сумма усвоенных производственных навыков, которыми мастерски овладел человек, мастерство — его жизненная позиция. Когда перебираю в памяти вехи становления такого мастера, не устаю поражаться цельности здания, название которому — высокая рабочая судьба. Кирпичик к кирпичику, как правило, укладывал в него человек, мудрая, мужая, набираясь мастерства, утверждаясь в сознании ответственности своей профессии, своего умения, своего места под солнцем.

На московском заводе «Фрезер» работает шлифовщик Александр Григорьевич Бардин. Человек, величать которого без отчества не могу. И не потому, что разница в возрасте, а из чувства глубочайшего уважения к этому рабочему человеку. Может, я ошибаюсь в своей завышенной оценке?! Ну, шестой разряд, ну, все может... А вы поговорите с людьми, работающими рядом с ним, и вы согласитесь со мной.

Первый раз придя к нему в цех, я Бардина на месте не нашел. Станок стоит, хозяина нет, время рабочее. «Хорош мастер», — подумал я. Но сосед пояснил:

— Только что был... Григорич на бюллетене — зубы прихватило. Так он сначала пришел, дело сделал, а потом, наверно, к врачу подался.

Сосед сказал это все с такой простотой, что стало ясно: иначе и не могло быть с Бардиным.

Потом, когда познакомился с ним ближе, посидел за одной партией в подшефной школе, порассуждал о жизни, послушал, как он, застенчиво и искренне улыбаясь, говорит с мальчишками и девчонками из старших классов, полистал его «дело» в отделе кадров, я только убедился в огромной нравственной силе этого человека.

Завод делает инструменты. Цех, в котором работает Бардин, делает инструменты для производства инструментов. Какова же должна быть мера ответственности человека, его мастерство, чтобы день изо дня выпускать продукцию, по точности равную эталонам. «Ловля микрон», чем занимается Бардин на своем станке, обрабатывая детали, это, если хотите, понятие почти художническое. Я перекачиваю по ладони предметки, назначение которых совсем плохо представляю, всякие там оснастки, шаблоны... Беру в руки сверло. А оно вовсе и не сверло. Это

модель тех миллионов и миллионов сверл, которые будут создаваться заводом по бардинскому образцу. И Александр Григорьевич это прекрасно понимает. Для него сделанная вещь не вещь в себе, это вещь для людей. Разговаривая с ним, ощущаешь, как остро и точно чувствует он место сделанного им в жизни. То же сверло... Мне чудится, будто видит он, как работают его сверла где-то там, в механической мастерской на Камчатке или в судовой мастерской Мурманска.

Надежда Павловна, парторг цеха, как и Бардин, работает на «Фрезере» свыше сорока лет. Кстати, в бардинском цехе 75 человек имеют стаж работы более четверти века. Не бардинское ли это влияние?! Ведь известно, что если рядом с мастером работать плохо — самому себе в душу плевать. Так вот, Надежда Павловна говорит:

— Сорок четыре года работаю, никогда от Бардина не слышала ни слова о деньгах: сколько заработал, мало начислили, не по тем расценкам.

И не от богатства это карманного идет, а от богатства душевного. Ибо жив человек не только рублем, но делом своим. И еще как жив!

Скажут: бросьте, в жизни без рубля не можно... Конечно, заработок есть заработок. Но какой ценой?! И для чего?! Это решать уже не финансистам. Тут каждый для себя должен стать таковым.

Что же главное в мастерстве этого человека? Мне кажется, обостренное ощущение творчества. Бардин не работает — Бардин творит. Недаром на вопрос, запомнил ли ему какой-нибудь особо сложный заказ как вершинный взлет его рабочего мастерства, качает головой.

«Детали такой не помню. Не держу в памяти. Сохраняю лишь тот навык, который принесла работа. Потом, спустя годы, корпя над новым заданием, вспоминаю и удивляюсь, чего тогда так топорно сработал, когда можно было вот этак, по-уменькому...»

Откуда появился такой Бардин? Непростой вопрос... Возьмите его трудовую книжку. В ней одна-единственная запись: «Пришел на «Фрезер» в 1942 году». И, правда, одно дисциплинарное замечание — «самовольно ушел... на фронт». Ну, насчет самовольности — не точно. Ибо дал ему характеристику, необходимую для поступления в военное училище, именно отец. Будучи сам мастером, отец прекрасно знал, что, давая характеристику сыну, возможно, отправляет его на смерть. Сын и здесь, на заводе, делал нужное фронту дело — снаряды. Но все-таки характеристику дал, ибо знал своего сына, знал время, в которое живут оба. Не в такой ли отцовской ответственности исток личности Бардина, один из истоков его профессионального мастерства?!

Экономика, экономичность, экономия... Близкие слова. И по смыслу, и по значимости во всенародном хозяйствовании. Как часто слово «экономию» мы употребляем лишь, когда вместо двух гвоздей забили один, вместо трех тонн угля сожгли две... И как редко, слишком редко, говорим об экономии человеческого труда. Двое работают там, где может работать один, и мы миримся. Этаким туман псевдозанятости окутывает экономическую суть производства. Да, нам нужна продукция. Да, нам она нужна во все возрастающих количествах. Да, нам нужна продукция высокого качества, но нам, наконец, надо научиться считать, какой ценой дается эта продукция.

Одна из главных характерных черт высокого профессионализма — четкое понимание, как надо выполнить работу, умение ее выполнить, выполнить качественно, быстро, экономично. И здесь в технологии нашего производства такие допуски и припуски, что перед ними бледнеют явные, гулливеровские при-

писки. Если производству безразлично, какой ценой дается выполнение задания, безразлично это как бы ничейное—оно оборачивается абсолютно конкретным безразличием каждого отдельного работника на своем месте. И когда годами человеку безразлично, сколько времени он проковырялся над элементарной деталью, а каждая новая, естественно, более сложная, не просто пугает его, а заставляет работать приближительно, по старинке, тогда умирает мастерство. Он не может жить в атмосфере, в которой стимулы совершенствования, постоянного, трудного, настойчивого, не витают в воздухе, не становятся жизненной необходимостью. Причем не просто декларируемой на производственном или профсоюзном собрании, а превращенной в нечто осязаемое, категорию социальную.

Мастерство—это хозяйствование. Мастер не может не быть хозяином. Мы так привыкли к словам популярной песни: «Человек проходит как хозяин необъятной Родины своей». Необъятность страны и впрямь завораживает. Быть хозяином Родины в целом легко—это обеспечено статьями Советской Конституции. А вот каково быть хозяином на своем рабочем месте? Оказываются, куда труднее. Оставаться хозяином завтра, послезавтра. В каждом своем поступке, в каждом своем рабочем жесте. И так долгую трудовую жизнь... Просто ли? Думаю, нет. Но убежден, хозяйствовать по-хозяйски необходимо.

Бригадир московских строителей, чей труд помог воздвигнуть один из красивейших районов столицы—Крылатское, Владимир Терентьевич Кругляк—строитель высочайшей профессиональной квалификации. Его трудовой день насыщен до предела. Он ни минуты не остается без дела. Иду по стройке и слышу: «Тут был... Тут... И там...» Кругляк сам смеется: «Фамилия такая—Кругляк! Вот и катаюсь с этажа на этаж!» Но за шуткой—суть натурой. Идет, обязательно поставит, что упало, поднимет, что кем-то забыто... И все без крика, без команд, только своим примером, своим трудом.

Однажды простенок с окном привезли бракованный. Косой простенок. Рукой контролера написано по нему броско: «Брак!» Плевать, кажется, бригадир, что делали многоотную плиту, что везли издалека. Привезут новую. Но Кругляк думает, по собственному только почину соображает и вот пристраивает плиту в боковой отвод, прикинув, что здесь брак не скажется и будет незаметен. И дело сделано, и деньги государственные сэкономлены. Тихо, без крика. Что Кругляк хозяин истинный, разумный, видно хотя бы по тому, как разложены вокруг здания будущей школы строительные материалы: экономно, сподручно. Отовсюду подойдешь, все, что надо, возьмешь. И в этом тоже мастерство. Вон рядом, на соседнем объекте, черт ногу сломит, пока через дебри панелей к стройке доберется.

Чувство хозяина—это, конечно, прежде всего рачительное отношение к делу. Но считаю первородным проявлением хозяйского духа не только профессиональное исполнение своей работы, но и воспитание собственной смены. Дом, хозяйский дом, а таковым для подлинного мастера является его завод, его колхоз, силен, живуч тем, кому будет оставлен в наследство. Кому будет передано в дар высокое мастерство. Человек, который «копил» по крохам умение творить свою работу, как никто другой, не может относиться к своему мастерству легкомысленно, не может согласиться с тем, что оно умрет вместе с ним. Мастер смертен—это верно. Дело рук его смертно. Но мастерство обязано быть бессмертным.

И вот тут уместно напомнить, что наша рачительность должна быть направлена на создание всех возможных условий для совершенствования тех, кто работает рядом с мастером. Не

всякого возьмет в ученики настоящий профессионал. И это правильно, это логично. Он чувствует в ученике главное—не навыки, а расположенность к их овладению.

Живет в Тушине, работает на тамошней чулочной фабрике мастер Александр Евстафьевич Белов. Давно работает, славно работает. Золотую Звезду Героя Социалистического Труда заслужил. И плюс к тому—глубочайшее уважение своих товарищей по фабрике. Дело его вроде нехитрое—чем меньше работает мастер-наладчик, тем лучше: значит, техника в порядке, и мастеру нечего делать. А ведь свыше двухсот рационализаторских предложений внес Александр Евстафьевич за годы работы. Когда услышал я об этой цифре, вздрогнул: что ж там за технология такая, коль один человек столько додумать может?! Присмотрелся—понял: нет предела совершенствованию. Особенно когда ты по звуку, по пению станка чувствуешь, чем он дышит, сдается ли в своем трудовом напряжении или выдюжит.

Вот одно из предложений Белова. Автостопор на случай поломки иглы-крючка. Раньше, коль случалась, станок «молотил» дальше. Порой шестьдесят крючков из ста шестидесяти с лишним приходилось менять. Только успевай крутиться. И мастер крутился—ведь от того, как работает станок, зависит и его зарплата, и выработка вязальщицы, и выполнение плана фабрикой. Сделал Белов автостопор. И теперь меняет один, от силы два крючка. Просто? Просто и гениально. Экономия времени, материалов и труда можете высчитать сами.

А когда я говорю Белову о бывшей популярности именных профессиональных школ лучших наших мастеров, глаза его теплеют:

— Пусть моим именем называется, пусть другим, но такие школы как воздух нужны. В них рождается коллективная ответственность и мастера, и ученика. Они как личное рабочее клеймо. Жизнь дается человеку только раз, а имя—навечно!

«Человек становится выше ростом оттого, что тянется кверху...» Эти горьковские слова вспоминаются каждый раз, когда думаешь о большом мастере своего дела. Ибо неотъемлемая черта высокого профессионализма—постоянное совершенствование. И в этом общность труда и искусства. Труд становится творческим, даже если ты делаешь только одну из операций в производственном цикле.

Я смотрю на руки депутата Верховного Совета СССР Ларисы Васильевны Шаровой... Обметка, подшивка платья... Незвонкие на слух операции. И вроде немудреные. Но есть в работе Шаровой то, о чем Владимир Даль в своем словаре написал: «Мастер—особенно сведущий в своем деле». Особенно сведущий! Как точно. И дается такая особая сведущность постоянным кропотливым трудом, помноженным на творческий подход к делу. Скажем, Шарова подшивает детское платье, не пользуясь измерительным инструментом. Она на ощупь знает, что если заложить край ткани у второй фаланги указательного пальца, как раз и будет необходимое. И потому пальцы ее будто играют, будто танцуют перед иглой машины. Сложный абрис кружевного детского платья стремительно обрастает новой деталью, точно выверенной, художественно, мастерски исполненной.

Шарова любит ходить в «Детский мир», с которым объединение «Смена» поддерживает тесные деловые отношения. Любит смотреть не на вещи, которые она делает, хотя чаще всего там и может только увидеть плоды своего труда доведенными до товарной готовности. Она предпочитает смотреть на лица людей, которые покупают ее

платья и костюмы. Ей доставляет радость видеть радость на детских лицах. Здесь она черпает вдохновение для своего, может быть, и монотонного труда.

Я спрашивал Шарову:

— А есть ли, что вы не умеете делать в производственном цикле пошива?

— Есть,—не смущаясь, отвечает она.—Ну, что значит не умею? Я могу сработать и вшивание воротничка—не свою операцию. Но сделаю не так, как специализирующаяся на том швея. Сделаю хуже и медленнее. Но убеждена, освою и эту операцию, если понадобится.

Приблизительное производство, приблизительное исполнение своего профессионального долга всегда чужды мастеру.

Мастерство всегда конкретно. Когда Александр Евстафьевич Белов говорит о школе своего имени, добавляет: «Не только молодым будет полезно, но и нам, мастерам, полезно поучиться в своей собственной школе, в школах своих товарищей. Великая польза для общего дела».

Как ни странно, но у нас ведь нет специальных или хотя бы не очень специальных учебных заведений—так ли их надо называть?—которые готовят мастеров экстра-класса. Просто рабочих училищ сколько угодно: прекрасная система профтехобразования. А кто готовит мастеров? Не на самотек ли пушено дело? А если так, то чего же мы сетуем, что куда медленнее, чем требует жизнь, растет количество профессионалов и плодятся множество, мягко говоря, дилетантов. Может быть, настало время подумать о создании элитного отряда—не могу назвать иначе—рабочего класса страны. Отряда, который станет не только призывом к подражанию и поставщиком сидящих в президиумах, но и эталоном той работы, которая требуется сегодня от всего рабочего класса.

И вот что еще подумалось: а не потому ли у нас и техническая оснащенность промышленности отстает от многих мировых стандартов, поскольку ориентируемся мы чаще всего на посредственность? Полагаем, что количественным навалом создадим необходимое, что количество когда-то должно же перейти в качество. Увы, слишком примитивное толкование закона диалектики, когда речь идет о профессиональном уровне рабочего класса. Жизнь усложняется с каждым годом. Она постоянно выдвигает новые задачи, требует и от мастера непрерывного совершенствования. Но вот тот же Александр Григорьевич Бардин уже тридцать пять лет работает на одном и том же станке.

— Неужели не предлагали новых?

— Было.

— Почему же отказались?

— Нерентабельно. К старому станку я подготовил столько остатков, что преимущество нового для меня сводится на нет.

Давайте спросим себя, что делаем мы, чтобы племя мастеров не только жило, но и множилось, разрасталось, становясь основой нашей экономической мощи, залогом нашего постоянного прогресса? Боюсь, меньше, чем следовало. Мы чаще говорим о престижности профессии, но сглосшь и рядом опускаем такое понятие, как престижность мастерства. Не только в сфере производства, но и в сфере обслуживания. Попробуйте попасть к мастеру-парикмахеру или к мастеру-автомеханику. Они известны, они популярны, они нарасхват... Мастерские, где они работают, получают прямую выгоду от наличия такой славы. А наши заводы? Что имеют они от того, что в их цехах трудятся высококлассные профессионалы? Если только чувство гордости. А экономическая категория—мастерство—экономическая, почему же стимулы не соответствуют категории?! Скажем, почему бы, оценивая высокий класс работы

мастеров, не увеличить фонд заработной платы предприятия за счет введения коэффициента классности? Может быть, на профессиональном языке экономистов это следует обозвать иначе, но я говорю о сути. А суть, на мой взгляд, проста, удивительно проста. Мастерство—наше богатство. Мастерство—главный резерв в современном мире высококачественного, высокопроизводительного труда. И я лично убежден, пока коллектив в целом и каждый работающий в отдельности не будут заинтересованы в росте числа мастеров высокого класса, в их профессиональном совершенствовании, в создании для их работы максимально благоприятных условий во всех отношениях, мы будем нести убытки, мы будем напрасно ломиться во многие открытые двери.

Я далек от пессимизма. Жили славные умельцы на родной земле и будут жить. А вот какова от них экономическая отдача—зависит от того, как по-хозяйски мы будем обращаться с ними в масштабах нашей огромной страны.

Думаю, не последняя роль в этом принадлежит и нашей литературе. Что-то попросили со страниц отечественной прозы бывшие гимны во славу профессионального труда. Героического—да, сколько угодно. Там, где с бульдозером под лед нырнуть или вручную теплотход разгрузить, когда краны проставляют... А вот песен труда, грамотному, создающему, мастерскому—таких песен маловато. Не думаю, что мои коллеги-литераторы решат все проблемы. Но мастерство, как и любовь, требует, чтобы о нем говорили, чтобы его замечали, чтобы всемерно поддерживали... Трудовой подвиг, как и подвиг вообще,—штука прекрасная. Но жизнь состоит не из одних подвигов. Она состоит скорее из бесконечных будничных дел, которые также надо завершать с чувством до конца исполненного долга. И это будет. Будет, когда мы во весь голос заговорим со страниц наших романов, повестей и рассказов не просто о высокопроизводительном труде, но и о его постоянной нравственной сущности, когда воспоем славу профессионалам, отдадим им должное.

Людская молва приписывает творцу одного из чудес земли нашей, деревянного храма в Кижях, удивительное изречение: «Церковь эту построил мастер Нестер. Не было, нет и не будет больше такой!» Сказал мастер и закинул свой волшебный топор в студеные воды Онежского озера. Сказано и сделано это, несомненно, в запальчивости, от неумержимости чувства глубокого удовлетворения содеянным. И не думал о бахвальстве мастер Нестер. Мы можем упрекнуть его лишь в одном—погорячился, утверждая невозможность создания лучшего! Нет пределов совершенству—тому примеры величайших народных творений и до Кижей и после. Но и при этом мы не можем не восхищаться полной самоотдачей Нестера, вдохновенной работой в поте лица.

Конечно, нынешний профессионал не может позволить себе остановку в творческом росте. Ибо современное производство с каждым днем оснащается все более изощренным, функционально более совершенным оборудованием. И уж, это точно, не суждено мастеру XX века повторить жест Нестера: кинуть в воду свой инструмент, когда трудится такой рабочий человек на двадцатипяти-тонной станке с программным управлением. Да и кто ему позволит? Если только по бесхозяйственности...

И все-таки... Как мучительно хочется, чтобы, создавая на родной земле прекрасное, росло число людей, чей трудовой порыв венчал образцы профессионального мастерства. И чтобы мог современный высококлассный профессионал сказать себе, завершив работу, как сказал некогда Нестер: «...Не было, нет и не будет больше такой!»

Пусть скажет он это в запальчивости, но так же искренне, от души...

Александр УРБАН

ЖЕЛТАЯ ПРАВА

Мир капитала:
мифы и правда о правах человека

«Человек сам кузнец своего счастья!» — говоря о правах человека на Западе, любят повторять сильные тамошнего мира. И при этом стараются отвести глаза подальше от прямых свидетельств обратного. Когда же отвернуться не удастся, на защиту прав капитала (не человека!) встает услужливый буржуазный суд...

Светло-серое массивное здание занимает почти целый квартал, нависая над узкой боннской улицей Вильгельмштрассе. Оно напоминает небольшую крепость. Строгий и суровый стиль выдает назначение этого строения. Наверное, если бы даже не было надписи «Ландгерихт» (земельный суд) на одном крыле и «Амтсгерихт» (суд первой инстанции) — на другом, ошибиться было бы сложно.

Мне часто приходилось проезжать мимо этого здания. Видел, как за четырьмя большими серыми колоннами исчезали озабоченные люди или выходили оттуда: иногда с красными от слез глазами, порой с нескрываемым удовлетворением.

В один прекрасный день я тоже шагнул за четыре колонны, толкнул большую стеклянную дверь.

...При входе, справа от широких ступеней лестницы, я увидел на стене мемориальную доску с фамилиями юристов, «павших за фатерланд» в годы второй мировой войны, — типичный атрибут ведомственных учреждений Федеративной Республики Германии.

Над лестницей, ведущей на второй этаж, контрастно выделяющиеся на белых стенах большие круглые часы. Еще выше — красивые витражи, занимающие три окна. В среднем окне изображен желтый меч, с обеих сторон меча такие же желтые весы — символ правосудия. Латунная подвеска с изображением голубя, держащего в клюве веточку, и надпись: «Это заведение должно служить справедливости. И не в меньшей степени человечности. Мир тем, кто входит сюда, и тем, кто выходит отсюда!»

В конце коридора доска объявлений. Она похожа на витрины с газетами, какие можно встретить на московских бульварах. Разве только эти витрины в боннском суде чуть побольше размером. Они пестрят извещениями и объявлениями, напечатанными на машинке или набранными типографским шрифтом.

Читаю. Фирма «Маркант мебель ГмбХ» из Дортмунда возбудила дело против фройляйн Габриэле Фрекен, проживающей в Бонне. Почему? Из следующего текста становится ясно. Девушка решила приобрести мебель, сделала фирме заказ. Спустя некоторое время должна была внести задаток в 300 марок от общей стоимости мебели в 2948 марок. Позднее спохватилась, что сумма ей не по карману. Обратилась к фирме, попросила аннулировать заказ. Однако фирма отказалась, подчеркнув, что заказ — это договор, имеющий юридическую силу. Тогда Габриэле пошла в боннское отделение фирмы и сделала там письменное заявление: «К сожалению, я не в состоянии уплатить эти 300 марок задатка, как было оговорено, поскольку длительное время провела в больнице и теперь у меня просто нет денег. Прошу аннулировать заказ».

После этого, как явствовало из сообщения, в адрес Габриэле посыпались угрозы, завершившиеся обращением фирмы в суд. Теперь девушке придется уплатить не только задаток, но и погасить все судебные издержки...

Большинство извещений в витрине — о продаже с молотка домов, дворов или земельных участков. Люди не смогли вовремя уплатить налоги, залезли в долги, у них не оказалось денег на их выплату и т. д. И вот их имущество по решению суда в принудительном порядке продается с молотка.

В конце коридора на первом этаже снова большие застекленные стенды с извещениями: ведется следствие по делу Курта-Рудольфа Вебера, который без разрешения полиции хранил оружие; примерно 20 объявлений, связанных с воровством... Броский портрет убитой бандитами женщины. Ее труп был найден в лесу под Бонном. Разыскивается убийца. Полиция и органы юстиции обращаются к населению:

помочь в поиске преступника, описание которого дается весьма приблизительно. Обещается денежное вознаграждение в 2000 марок.

Такие объявления (их авторы — полиция и прокуратура) можно встретить не только в здании суда. Они вывешиваются на плакатных тумбах, заборах, стенах домов в городе. Афишу с портретами так называемых «анархистских террористов», за поимку которых обещано 100 000 марок, я видел даже в одном из зданий, относящихся к ведомству федерального канцлера...

...После обхода здания я постучал в дверь кабинета официального представителя суда. Повезло. Он оказался на месте.

— Ханс Бреннер, — представился мне невысокий мужчина средних лет. Седые волосы, голубые глаза. Очень подвижный, энергичный, корректный. Бреннер по профессии судья. Обязанности официального представителя выполняет по совместительству.

Я сообщил Бреннеру о цели своего прихода, сказал, что хотел бы написать статью о жизни боннского суда и поэтому мне нужны некоторые факты.

— У нас в стране великое множество самых различных судов: социальных, административных, финансовых, по трудовым конфликтам, земельным, есть даже конституционный суд, — бойко начал он.

Я попросил объяснить разницу между земельным судом и судом первой инстанции.

— Суд первой инстанции, — пояснил Бреннер, — занимается мелкими делами: кто-то не платит за квартиру; воровство; обман; раздел собственности между разведенными супругами; принудительная продажа имущества с торгов и т. п. Если говорить проще, его компетенция — это дела, где денежный «потолок» достигает трех тысяч марок, не больше. Особенность та, что в суде первой инстанции все дело ведет один судья-профессионал или даже юрист-практикант. Там нет присяжных заседателей. Судья сам выносит приговор. Но потом эти дела, разумеется, могут быть обжалованы в более высоких судебных инстанциях. Вернее, приговоры, — поправился Бреннер.

Земельный суд занимается рассмотрением уголовных дел, серьезных случаев обмана, мошенничества, коррупции и т. д. Денежный «потолок» здесь выше трех тысяч марок. Дела ведут три судьи-профессионала и двое присяжных. Суд, — продолжает мой собеседник, — самым тесным образом связан с судьбой города Бонна и его жителей. Это здание открыли 1 октября 1850 года. Тогда в суде была всего одна гражданская палата и палата по уголовным делам. Город расширился, увеличивалось население, росло и число коллизий с законом. Естественно, что росло и число судей. Ныне здесь имеются 22 палаты, где занято свыше 120 судей. Работают 546 адвокатов.

— А нельзя ли заглянуть в судебные залы? — спросил я.

Мы идем по широкому, тускло освещенному коридору. Бреннер останавливается у двери с надписью «Зал № 202», тихо открывает дверь и жестом пропускает меня вперед, в отсек, отведенный для публики. От основного помещения он отделен невысокими металлическими перилами. Три десятка деревянных стульев пусты.

Мой сопровождающий кивком приветствует своего коллегу, который в судейской мантии восседает на председательском месте. Рядом с ним еще двое судей и двое присяжных. Судьи одеты в черные мантии с бархатной окантовкой, белые рубашки и белые галстуки. «Это обычная судейская форма в Бонне, — шепчет Бреннер. — Она должна подчеркивать строгость и беспристрастность судей».

Слева адвокаты и обвиняемые, справа, за отдельным столом и тоже в мантии, сидит прокурор. Его

лицо отражает полное безразличие и равнодушие к происходящему.

Посреди зала, вытянув ноги, устроился на стуле молодой мужчина в коричневой кожаной куртке и темно-серых брюках. Он свидетель, допрос которого ведется в нашем присутствии.

— Знали ли вы, что субподрядчик и не думал платить зарплату членам вашей строительной конторы?

— Нет, вначале я не мог ничего знать. Ведь господин Флегер заверил меня, что располагает необходимыми финансовыми средствами. Он показал договоры, заключенные с клиентами и по всей форме заверенные у нотариуса...

Бреннер опять полушепотом вводит меня в курс дела. Судят владельца строительной фирмы из Бонна по фамилии Флегер. Он занимался мошенничеством.

Флегер сидит спиной к нам. Мне виден мясистый затылок, оттопыренные красные уши. Серый пиджак натянут и, кажется, вот-вот лопнет на широкой спине. Один раз он небрежно зыркнул в нашу сторону узкими глазками-щелками. Взгляд холодный, колючий. К ножке стула, который трещит под Флегером, прислонен темный потертанный портфель. Кажется, будто Флегер пришел не в зал суда, а на работу и вынужден слушать скучные отчеты своих подчиненных.

Прокурору явно скучно. Он долго и тщательно рассматривает свои ногти. Чувствуется, что этот процесс ему порядком надоел. Ведь он тянется уже пару месяцев. Материалы следствия и различные документы наполнили уже более 10 толстых папок.

...В своем кабинете Бреннер рассказывает мне подробности данного дела. Карлу Флегеру из Бонна около 60 лет. Вся жизнь он ловчил, поменял много работ — искал выгоду. После войны, когда были трудности с транспортом, Флегер создал небольшой автобусный парк. Через несколько лет, накопив денег, он сменил поле деятельности — стал во главе строительной фирмы, которая занималась сооружением односемейных домов. Вернее, Флегер утверждал, что его фирма будет строить такие дома. На самом же деле те, кто давал ему задаток, больше уже никогда не видели ни своих денег, ни сооруженного дома. Однако этот «строитель» не сразу попал на скамью подсудимых. Случилось это лишь тогда, когда число его клиентов, или, точнее говоря, жертв, перевалило за 350. Размеры задатков, которые Флегер положил в собственный карман, далеко превысили к тому времени несколько сот тысяч марок.

Клиентами Флегера были разные люди. Большинство обманутых — ушедшие на пенсию рабочие, которые всю жизнь откладывали по марке, чтобы построить собственный домишко и вырваться из кабалы беспрестанно растущей квартплаты, служащие, чиновники, мелкие предприниматели.

Вместе с Флегером обвиняется нотариус д-р Карл Грецер. Нотариус небескорыстно штамповал договоры, которые Флегер заключал с очередной жертвой. Теперь Грецера обвиняют в содействии умышленному обману.

По местному законодательству судиться можно 30 лет подряд. Многие вообще не стали судиться с Флегером, поскольку могли бы оказаться в двойном проигрыше. Полученные от них деньги мошенник истратил, следовательно, у него ничего и не отпустишь, а расходы по процессу в таком случае несет истец. И они весьма высокие. Если, например, человек хочет отсудить 3 тысячи марок и приговор окажется не в его пользу (обвиняемому нечем платить), то истец несет судебные издержки, равные примерно тысяче марок.

По мнению Бреннера, с Флегера ничего не полу-

ЫЖИ

чишь, так как деньги он успел промотать, а вот нотариусу скорее всего придется расстаться с частью своих сбережений.

Флегер — мелкая рыбешка в стае крупных акул, промышленящихся на так называемом «свободном рынке». В соседнем Кельне несколько лет назад обанкротился крупнейший частный банк «Герштатт». Десятки тысяч вкладчиков потеряли свои сбережения. Они судятся до сих пор. И, видимо, еще много лет будут обивать пороги судов, чтобы буквально выцарапать хоть часть своих денег обратно.

...Зал № 226. Роль судьи выполняет молодой юрист-практикант. Вначале я не могу сообразить, что происходит, где я.

— Продается земельный участок и каменный дом. Все вместе стоит 194 тысячи марок. Расположены в удобном месте под Бонном. Кто готов уплатить названную сумму? — громким голосом объявляет юрист. У меня ощущение, будто я попал не в суд, а на какую-то биржу. И этот долговязый парень вовсе не судья, а маклер.

Впереди на стульях сидят двое: женщина и мужчина. Обоим лет за пятьдесят, одеты скромно. Вид у них грустный.

Отсек для посетителей полон. Люди разных возрастов. После слов судьи они поднимают руки и громко называют свою цену. Суммы меньше объявленной. Юрист отрицательно мотает головой и повторяет основные данные о продающемся объекте, всячески рекламируя его.

Посетители, догадываясь я, выступают здесь покупателями. А земельный участок продается с молотка. Он принадлежал той грустной паре, которая присутствует на этом странном аукционе.

Обращаюсь к молодому парню, сидящему рядом. Тихо спрашиваю:

— Что здесь происходит?

Он какое-то время непонимающе смотрит на меня, потом шепчет:

— Продается симпатичный участок с домом. Разве вы не слышали? Судья же все объяснил. Объявления об этом были в газетах. И сейчас они висят в коридоре суда первой инстанции.

Чтобы развеять его недоумение, сообщаю, что я — иностранный журналист и на подобном мероприятии присутствую впервые. Мой собеседник понимающе кивает и, заглядывая в свои пометки, рассказывает четко, по-деловому:

— Вон те двое впереди — это супруги Пауль и Гертруде Мерс. Они бывшие владельцы дома и участка. Разумеется, им не хочется расставаться со

своим добром. Да их, собственно, теперь никто и не спрашивает. Так получилось. Не повезло бедолагам.

Супруги Мерс получили в наследство от умерших родителей дом и небольшой земельный участок. Мерсы стали также совладельцами одной строительной фирмы. Дела шли хорошо. И они могли позволить себе обеспеченную жизнь. Когда же «сгустились тучи»: подошло время платить налоги за имущество и за фирму, — они аккуратно выполняли эту не столь приятную обязанность. Если не хватало денег — а в последние годы строительная промышленность ФРГ переживает кризис, — обращались в ссудно-сберегательную кассу банка в Сант-Аугустине (под Бонном). Служащие банка, проверив имущественные гарантии Мерса, убеждались: это «человек с положением», и риска, что кредит не будет возвращен, нет. И выдавали ему очередную порцию денег.

Так продолжалось несколько лет. Но в один прекрасный день Мерсы с ужасом обнаружили, что их строительная фирма потерпела банкротство. Естественно, об этом сразу же узнала и ссудно-сберегательная касса банка в Сант-Аугустине. Очень быстро касса проверила сумму кредитов, выданных Мерсам. Эта сумма приближалась к критической отметке: стоимости недвижимого имущества клиента. И банк обратился в суд первой инстанции Бонна. Мерсы были в отчаянии. Они бомбили просьбами суд, умоляли отложить рассмотрение дела хотя бы на полгода. Все еще надеялись, что, может быть, перепадет что-нибудь из остатков средств обанкротившейся фирмы. Но чуда не произошло. И боннский суд стал на сторону владельцев банка.

...Стало быть, я присутствовал на заключительном этапе жестокой житейской истории.

— Кто готов приобрести участок и дом? — в который уже раз повторил судья.

Невысокий пожилой мужчина в очках на остреньком носу поднял руку.

— Я, — громко сказал он. — Могу дать за все вместе 150 тысяч марок!

Судья-практикант долго и молча смотрел на «бухгалтера», как я мысленно окрестил этого покупателя.

— Что это за человек? — спросил я своего соседа. — Судья вроде немного растерян?

— Это представитель банка в Сант-Аугустине, где Мерсы брали кредиты, — пояснил он. И небрежно добавил: — Теперь можно уходить. Гешефт закончен. Банк получил свое.

Потом я узнал, что в общем-то дом и участок стоят значительно дороже, чем та сумма, которую называли на аукционе. Теперь банк с выгодой продаст бывшее владение Мерсов.

Это было одно из множества дел о продаже имущества с молотка. Разумеется, принудительная продажа. Как мне рассказывали, только в пределах города Бонна (большой Бонн насчитывает ныне более 300 тысяч человек) свое имущество ежегодно теряют таким образом свыше 200 семей. С молотка продаются дома, земельные участки, частные квартиры и другое имущество должников. Суд рассматривает более сотни дел в год о банкротстве различных фирм, магазинов, ресторанов, лавчонок, не выдержавших натиска конкурентов.

Правосудие в болезненном состоянии, суды перегружены, горы дел растут, сроки их прохождения увеличиваются: ищущие правосудия его не находят — так описывает сегодняшний день в судах ФРГ журнал «Штерн».

...День в боннском суде заканчивался. Конечно, очень многое я не успел увидеть.

— Хотите, приходите завтра в зал № 33, — предложил мне судья. — Там начинается слушание дела о попытке убийства. Обвиняется один юноша.

Но, увидев мою заминку с ответом, сказал:

— Понятно. Вам это неинтересно. Убийствами и нас полны все газеты. Печать смакует эту тему. Убийства в деталях почти каждый день можно увидеть на экранах телевизоров. С сообщений об убийствах и катастрофах обычно начинают последние известия наше радио. Неприятно, но факт. Поэтому ясно, что у нас хватает процессов об убийствах, разбое, покушениях. В прошлом году суд рассмотрел 203 уголовных дела. И это только в маленьком Бонне!

Мой собеседник прав, думал я. «Крови» на страницах западногерманских газет хватает. Причем репортеры уголовной хроники не жалеют красок. Обывателю должно быть страшно. И ему действительно страшно — его же пугают беспрестанно. Такова система, в которой живут люди. Ей надо, чтобы человек боялся.

Но это одна сторона дела. Другая — реальный рост преступности. И этот рост не прекращается.

Каждый месяц в ФРГ совершается до 20 тысяч ограблений квартир. Особенно активно вору работают в отпускной период. Полиция не в состоянии обеспечить безопасность квартир. Через печать, радио и телевидение она обращается к отпускникам с напоминанием: уделять повышенное внимание оставляемым на время домам и квартирам, обеспечить их надежными замками, системами сигнализации и т. д.

Газеты помещают снимки замков и засовов, которые рекомендует полиция. Советы такого, к примеру, типа:

— Попросите свою соседку позаботиться о том, чтобы в почтовом ящике не скапливались газеты и письма. Для воров, ищущих подходящий объект, это является недвусмысленным признаком того, что в доме никого нет.

— Если сосед присматривает в вашем доме за цветами, он мог бы по утрам поднимать и жалюзи, а по вечерам снова опускать их.

— Если у вас собственный дом, то не облегчайте жизнь вору — не оставляйте в саду лестницу-стремянку...

Для простого человека не по карману дорогостоящие системы сигнализации, рекомендуемые полицией. Достаточно сказать, что установка такой системы обходится почти в десять тысяч марок...

Полиция, по свидетельству печати, «задыхается» от жалоб горожан на воровство. А раскрыть удается лишь часть преступлений. При расследовании предпочтение в первую очередь отдается тем, у кого тугой кошелек.

За год в стране регистрируется около 200 тысяч краж в магазинах. В общей сложности разворовывается товаров на сумму, превышающую 2 миллиарда марок.

Небезынтересная деталь: владельцы магазинов и универсамов не остаются внакладе от воровства. Убытки от него они переносят на цены, соответственно повышая их. Это разрешено. И дает возможность участвовать в воровстве... продавцам. По свидетельству руководителя крупнейшего в Бонне универмага «Кауфхоф» Кремера, персонал магазина «рассказывает больше, чем воры».

Известная торгово-рассылочная фирма «Неккерман» заблаговременно страхуется от убытков, наносимых воровством. За еще не нанесенный «ущерб» она добавляет 7 процентов к стоимости любой вещи. Таким образом, в убытке от воровства остаются... все покупатели.

Газета «Аугсбургер альгемайне» приводила такую статистику роста преступности в ФРГ: за год число преступлений приблизилось к трем миллионам (при населении менее 60 миллионов человек). Однако если брать неофициальную статистику — ведь регистрируются не все факты преступлений, — то их число, отмечает газета, превысило 10 миллионов. Количество преступлений, совершенных молодежью, возросло за последние 20 лет на 80 процентов.

В городе Кобленце состоялся необычный процесс. Судили трех парней и одну девушку. Выдавший виды генеральный прокурор города Ульрих сказал, что этот случай «беспримерен по своей жестокости и характерен полным отсутствием каких-либо чувств у преступников». Более того, совершившие его и на суде не могли объяснить мотивы, побудившие их на дикую расправу над 18-летним рабочим Хейманом. «Уж так случилось», — спокойно заявил один из преступников.

А случилось вот что. В один из вечеров в кабачке возле городского стадиона встретились четверо друзей — Норберт, Эберхард, Карл-Хайнц и Криста. Самому старшему из них — 21 год, остальным — от 16 до 18. Ребятам было скучно. Они пили пиво и болтали о всякой чепухе. Посетили еще несколько увеселительных заведений. На улице встретили возле какой-то церквушки одинокого парня.

Эти четверо и не припомнят сейчас, кто, как и зачем обратился к нему. Кажется, это была Криста, которая подошла к парню и выкрикнула: «Может, ты скажешь хотя бы «доброй вечер»?» Хейман, добродушно улыбувшись, всем подал руку. И вдруг кто-то из ребят ударил его в лицо. На парня набросились остальные. Сбили с ног, зажали рот и, приставив нож к спине, велели идти к стадиону. Там приказали сесть на скамейку. Криста опять подала «мысль»: а не обрезать ли парню волосы? Вместе с Норбертом она натянула несколько пучков волос и полоснула ножом. Затем с избитого Хеймана сняли ботинки. Прокололи их ножом. Стянули носки и изрезали их в клочья. Располосовали ножом рубашку и брюки парня.

Кто-то бросил: «Кончай его!» На Хеймана снова навалились все. Столкнули на землю и начали неистово бить ногами по голове. Хейман тяжело стонал: кричать он уже не мог.

Эберхард натянул на руку перчатку и взял нож. Размахнувшись, он всадил его парню в спину. Этот «ритуал» проделали все по очереди. Несколько раз. И даже тогда, когда Хейман был мертв. При вскрытии установили, что было нанесено 32 ножевых удара...

Со стадиона преступники ушли около 4 часов утра. Дома умылись, вычистились. Позднее их нашли, арестовали.

«Что же они за люди, эти четверо?» — спрашивает гамбургский еженедельник «Цайт». Убийц проверяли психиатры. Все здоровы. Норберт меланхолично заметил: «Когда кого-то убивают, я ничего не испытываю. Мне все абсолютно безразлично». Эберхард и Карл-Хайнц также не испытывают «никакого раскаяния» и «никакой вины».

«Так уж случилось...»

В чем же причина столь дикой жестокости? Специалисты-психологи обратили внимание на одну «деталь»: до своих преступлений ребята смотрели по телевизору фильмы, где зрителя потчевали мерзкими и необычайно жестокими убийствами, поджогами, ограблениями. И еще один нюанс: некоторые молодые люди хотели, чтобы на них «обратили внимание», заметили их «индивидуальность»...

В фильмах, телеспектаклях и печатной продукции для массового потребителя «героев» обычно наделяют безграничной жестокостью. Герой вестерна или комиссар полиции, тайный агент или солдат—это всегда не знающий жалости одиночка. И все это именуется «реалистическим» показом борьбы за существование. Убийства и насилие в этой продукции—норма поведения. Убийство равносильно успеху, насилие—праву. Чувства ответственности не существует.

Подсчитано: телевидение ФРГ в среднем показывает своим зрителям 416 преступлений в неделю, в том числе 103 убийства.

На допросе Ирис из Кевелаэра призналась: «Я хотела попробовать, какое бывает ощущение, когда убиваешь. Как это всегда делают по телевизору...»

— Конечно, Бонн нельзя сравнивать с «маленьким Чикаго»,—отвечая мне, небрежно бросил собеседник, судья земельного суда. И пояснил:— Другое дело Кельн, где население превышает миллион.

— Вот взгляните!—Он указал рукой на толстые папки, аккуратно расставленные на небольшом столике в кабинете. Их было свыше двух десятков.—Это уголовные дела, главным образом об убийствах.

К сожалению,—вздыхает судья,—число уголовных преступлений возрастает. В прошлом году моя палата присяжных в земельном суде рассмотрела 8 серьезных дел, связанных с жестокими убийствами. В этом году уже 14... А что творит молодежь? Да вы взгляните к моему коллеге. Он руководит палатой по делам молодежи.

Я захожу в соседний кабинет. Первое, что бросается в глаза, это все те же папки, папки... Ими забит шкаф, они на столиках вокруг судьи.

Поясняю, зачем пришел.

— Преступлений среди молодежи хватает. Стяжательство, грабежи, пьянство, наркомания, воровство, изнасилования, хулиганство... 14 и 15-летние воруют велосипеды и мопеды. Перепродают их. У ребят находят целые склады запчастей для машин. Полиция такой «мелочью» не занимается: слишком часто это происходит. Крупные грабежи и преступления в нашей стране совершают профессионалы...

Я это и раньше знал. Знал из ежедневных сообщений газет, радио, телевидения.

Пока мы беседовали в боннском суде, в центре города, буквально в нескольких шагах от ведомства федерального канцлера, два гангстера-профессионала ограбили машину инкассаторов, захватив 250 тысяч марок. На мотоцикле с фальшивым номером они подъехали к остановившейся на красный свет машине. Один из преступников вытащил обернутый в пластиковый пакет молоток и резко ударил по заднему стеклу машины. Затем схватил мешок, и... мотоцикл скрылся. Все произошло за несколько секунд. Прохожие ничего не успели заметить. Полиция оказалась в беспомощной ситуации: нет свидетелей.

...Я спускаюсь вниз. Лестничные ступеньки, покрытые темно-бордовым линолеумом, местами протерлись. Проглядывает серый камень. Сколько же людей, несчастных, отчаявшихся, трепетно и с надеждой поднимались по этой лестнице? Они шли сюда, чтобы найти справедливость, внимание к своим заботам, встретить гуманного судью. Сколько здесь разыгрывалось трагедий, ломалось судеб! Время изменило количественный состав работников суда. Его функции и суть, равно как лицемерное «общество благоденствия», в котором он действует и составной частью которого является, остались прежними. Суд служит его величеству капиталу.

...Недавно в Бонне разразился невиданный скандал. Во взяточничестве обвиняются министры, парламентарии, высокопоставленные чиновники, представители крупных партий. Они получали деньги от военного концерна Флика, оборот которого составляет 14 миллиардов марок в год. А взамен «организовывали» налоговые послабления концерну на его сверхприбыли. Благодаря этому Флик-младший (его отец работал на милитаристскую машину Гитлера и после войны был осужден как военный преступник) увеличивал свои доходы на сотни миллионов марок.

Расследование этой аферы велось долго и вяло. Явно не спешили. Допросу подвергли многих. Но не Флика. Не просто иметь дело с тем, у кого миллиарды. Капитал не допрашивают. В «обществе благоденствия» его защищают. Защищают все: законодатели и исполнительная власть. В том числе и боннский земельный суд, который разбирает эту аферу.

Суд на службе капитала...

ШУКРУЛЛО

ПОЭМА

Диалог первый

— Ты верно говоришь. Все правда, но...
Но все ж не мчится ль гибели навстречу
Планета наша?.. Что ей суждено
В клочку котле противоречий?!
— Что ты там шепчешь?.. Слышу я едва.
Ты громче говори со мной, со всеми!
Сам понимаешь—тихие слова
До слуха не доходят в наше время.
В далекие былые времена
Куда ни погляди—отсталость, косность!
Теперь? Теперь планета нам тесна.
Что нам Земля?.. Мы устремились в космос!
Все нынче изменилось у людей,
И деду нынче не понять потомка,
Все возросло у нас...
— А мир идей?..
И он возрос?.. Скажи об этом громко!
Ты слышишь, как грохочет космосом?
Как ходит ходуном Земля под нами?..
Ракеты мчатся, воссылая пламя,
Вселенную пугает этот гром.
Мир содрогается... Его трясет
От сотен сногшибательных открытий.

Диалог ве

Куда несемся мы из года в год?
Друзья мои! Куда вы все летите?..
Мы нынче—гости поднебесных сфер.
Наука, техника—всему основа...
«Век НТР»... «Эпоха НТР»...
Ты вдумался, что значит это слово?!
«Н», «Т»—наука, техника... Что? Вник?
«Р»—революция... Да, весть о чуде,
Не революция ль живой родник
И пробуждал, и оживлял вас, люди?..
Но революция—переворот—
Вела нас к счастью, к правде и свободе...
А НТР—куда она ведет?..
Точней сказать—куда она уводит?
К победам или к бедам напрямик?
Закрой глаза. Вернись назад немножко
И вспомни, как мы, опустив в арык,
Студили там горячую лепешку...
В той бедной юности—моей, твоей—
Цвели сады, и мир казался тесен
От щебета, от звонких птичьих песен...
Ты не забыл, как шелкал соловей?..
Как шумно веселилась детвора
На берегах арыков—звонких, полных...
Покачивался поплавок на волнах...
А рыбы, рыбы?! Глыбы серебра!
Что, вспомнил?.. Поглядел чуть-чуть назад?
Ну да, все было примитивней, проще...
Но вдоль арыков зеленели рощи—
Там, где теперь завод и комбинат!
Век техники! Противоречий век!
Чего мы только в наши дни не встретим!..
— Да пусть он будет хоть таким, хоть этим,
Не пострадал бы только человек!
— Ну, что там за страдания в наши дни?!
Нуждались раньше мы в краюхе хлеба,
Теперь чего нам не хватает? Неба!..
Какие там страдания?! Сам сравни!
С комфортом мы живем теперь... Кому
Придет охота, словно жалкий нищий,
Обед готовить в копоти, в дыму?!
Кран отвернул... И все... Согрелась пища.
Газ, электричество... Да, жизнь легка.
Перевелись сегодня донкихоты.
Не надо нам ни кляч, ни ишака,
В любую даль несут нас самолеты...
А хлопок?! Пролить не нужно пот,
Сгибая над коробочками спины.
Сегодня каждый хлопок соберет:
На это есть послушные машины.
Век химии! Что ты сказал?.. «Она,
Порой листочки с ходу уничтожа,
Не только, мол, хлопчатнику вредна,
Но и здоровью человека тоже?»
Век НТР—противоречий век!

Добро и Зло нередко сопричастны...
Но больно, если гибнет человек.
А смерть ребенка—та вдвойне ужасна!
Печалит душу гибель одного...
Скончалась где-то девушка-невеста,
Погибло молодое существо,
И ты от боли не находишь места!
За что судьба такая ей дана?
Невольно с кем-то споришь, протестуя...
Что бедную сломило?.. Чья вина?
Кто эту душу загубил простую?
А ты представь—сто тысяч, миллион
Прелестных девушек—цветов весенних,
И кто-то в каждую из них влюблен
И ждет ее улыбки на коленях...
И юношей сияющих представь,
Художников, ученых—цвет столетия,
Проходят люди пред тобою въявь—
Седые, юные... И дети, дети...
Творить и жить они еще могли б...
Мать и дитя... И дед, обретший внука,
Но в небе появился черный гриб...
И все... их нет!..

Кто виноват? Наука,
Которой наша жизнь просветлена,
Которой вправе разум наш гордиться?..
Все в пепел!.. Что причиной? Чья вина?..
Неужто эта малая частица,
Которую мы атомом зовем,
Чьи силы мы освободили сами
В ребяческом бесстрашии своем...
Ты знаешь, что теперь творит он с нами?
Ты знаешь. В умудренности своей
Ты слышишь все... И то, как, злобой налит,
Шипит в земле тот ненасытный змей...
Что?.. «Пусть шипит?»

«Пусть лишь меня не жалит»?!
Так ты считаешь? Ты не одинок
В своем жестоком эгоизме... Много
Таких... Лишь стоит объявить тревогу—
Они бежать со всех проворных ног!
Пока же только близится канун,
Они едят и пьют, не зная горя,
И поучают тех, кто слаб и юн,
Постыднейшей, подлейшей из теорий:
«Поскольку, мол, Земля обречена,
Живите, о душе не беспокоясь,
Хорош ли, плох—тебе одна цена.
Пей, веселись, забыв про честь и совесть!
Над нами нынче высшей силы нет,
Каким ни будь, конец не станет краше...
Ни честь, ни разум—это не секрет,—
Лишь атомы решают судьбы наши...»
Выходит, человечности конец?
Подлец ты, благородства ль образец,
Бесчестен, честен... Нынче все едино!
Неужто атомы всему причиной?!
Давным-давно великий Навои
Изрек, земную озирая местность:
«Не вовремя мы в этот мир пришли...»
Но разве он оправдывал бесчестность?!
Не верь трескучим фразам!.. Может быть,
Те, что твердят о светопреставленьи,
Лишь об одном хлопочут: обелить
Свой собственный цинизм и преступленья!
«Ведь если все мы превратимся в прах,
То можно жить, воруя, убивая.
Нет больше судии в людских делах,
Все атома решает воля злая!
Да разве, мол, такая сила есть,
Чтоб атомную бомбу победила?!»
Неправда! Слышишь—есть такая сила.
Есть человек! Его сознание!
Честь!

Что нынче драгоценней для людей,
Для тех, кто жаждет жизни, не наживы?
Какой великой целью люди живы?..
Борьбой за жизнь!

Борьбой за мир идей!
Идея—осознание бытия!
К нему проснувшийся народ стремится
Всем несуетом и каждой частицей,
Цель высшая народа и твоя!
Ты—человек, ты атом расщепил,
Неужто усмирить свое творенье
Не сможешь ты?! И смертоносный пыл
Не превратишь в разумное горенье?!
Чтоб атом приручить, чтоб сладить с ним,
Нам нужен мир! Нам мир необходим!
Нам нужен мир!
Мы цель свою нашли

Ка

И к единенью простираем руки.
Мы единенья жаждем, не разлуки!
Нам нужен мир!

— Нам нужен мир!— кричи...
Твой крик теперь
Не задушить слезоточивым газом!
— Нам нужен мир!—

кричи
и твердо верь:
Не бомба победит, а ясный разум!

Диалог второй

— Довольно, друг мой! Дух переведи!
Не гасишь ты, а разжигашь пламя.
Ты и меня сейчас разбередил
Своими откровенными словами.
Конечно, даже в нашей жизни есть
Пылинки и под ногти любят лезть.
Почистишь ногти— снова загрязнятся,
И кажется, что чистить— лишний труд...
— Доколе ж это будет продолжаться?..
— Покуда ногти у людей растут.
— Смеешься?.. А меня и по ночам
Сомнения гложут, сердце мне сжимая...
— Неужто ж я тебя не понимаю?!
Я не смеюсь... Я мучусь тем же сам...
Но мало нас, подобных чудачков.
А большинство... Ты им откроешь душу—
Они в ответ: «Что делать?! Мир таков!»
Скажи, откуда это равнодушие?
Ведь раньше, если кто взгрустнет едва,
Друзья спешат помочь ему в печали...
— Да, нынче утешения слова
В отличие от техники отстали...
Доносит техника в кратчайший срок
Весть о беде— по радио, по теле...
— А много ль оттого мы преуспели?..
Скажи мне— кто, когда, кому помог?..
В былое время— украдут коня,
И все шумят, указывая вора...
А вот в Италии украли Моро,
Премьер-министра— среди бела дня...
И что ж? Никто несчастного не спас!
Лезть в лапы мафии кому охота?..
Бывало, крали девушек у нас,
Теперь крадут в Европе самолеты!..
Покою— ни на миг!.. И без войны
Планете нашей далеко до рая,
И нервы до того напряжены,
Что и без бомбы гибнут, умирая.
— Да, человек эпохи НТР
Мог жизнь наладить на иной манер,
Поскольку нет для техники преграды...

— Да не дает она того, что надо,
Душевного покоя... Сгинул он!
Вот до каких мы дожили времен!
— При чем тут времена?! На них не сетуй!
Не время— люди! В людях— корень бед!
— Сдается мне, что на планете этой
Людей хороших нынче что-то нет...
— А совесть?.. Нет, так думать не годится!
Ты обвинять прогресс во всем готов...
Взгляни вокруг: не устаешь удивиться,
Так много славных сделано шагов...
— Без тута получают шелковицу,
А молоко и сливки— без коров?..
— Земля в десятки раз щедрей родит,
Пустынная преобразилась местность...
— Откуда же понятие «дефицит»?..
Кто тут виновен?.. Может быть, бесчестность?..
— Пожалуй, так. Немало воровства.
Не из нужды. Иные есть причины:
Воруют для престижа и для чина,
Законы нарушают естества.
— Кто алчность их способен одолеть?!
— Все. Ты и я... Презрение к бесчестью.
Мы все их одолеем, все мы— вместе!
Хороших больше, чем дурных, без спора,
Они Земли надежда и опора.
Когда б дурные взяли нас в тиски,
Убив Добро, тогда бы, несомненно,
Планета разлетелась на куски,
Навеки бы исчезла из Вселенной...
— Что «безнадежность»? Тяжкий это гнет!
Ты прошлое припомни... Неужели
В суровый тот, в тот сорок первый год,
Когда враги стояли у ворот,
Желанья у людей оцепенели?!
О Ленинграде знаешь ты?.. Когда
Хлеб исчезал, а множились лишь пули,
Неужто души у людей уснули,
Оглохли для высокого труда?!
Нет, люди были добрым людям рады,
Храня надежды и мечты свои...
В голодном Ленинграде в дни блокады
Справляли годовщину Навои,
А Шостакович написал «Седьмую»...
— Все знаю, помню... Только не пойму я,
При чем тут я... Ведь говорит во мне
Не безнадежность, не боязнь крушенья,
Во мне клокочет ненависть к войне,
Да, ненависть к войне и разрушенью.
Пусть речь моя обрывиста и зла.
Поверь мне, это все же голос века...
Чего хочу я?.. Чтобы жизнь была
Прекрасна и достойна человека.
И оба смолкли. И окрестный мир
Внезапно замер в тягостном молчанье,

И Регистан был нем, и Гур-Эмир,
Напевы муздинов не звучали.
И эта тишина была страшна,
В ней чуялось всех бед сосредоточье,
И взорвалась со стоном тишина,
И взметнулись ввысь земной одежды клочья.
Мгновенье... Местность вся опалена,
И, как куски разломанного хлеба,
Земля взлетает в яростное небо—
Со всех сторон объяла мир война.
И золото, и дивная лазурь,
Как горсть золы, рассеялись бесследно.
Так некогда раскат военных бурь
Вдруг перекрыл Тимура крик победный,—
Ударил гром, а следом— странный звук,
Он возвещал конец всего живого.
Испепелилось разом все вокруг,
Все стало тьмою: красота и слово...
С землю небо яростно смесив,
Прикончил жизнь последней бомбы взрыв...
— Да будут прокляты все в мире войны!..
Да и теперь, покуда нет войны,
Ты видишь сам— не стала жизнь спокойней...
— Но разве все бои прекращены?..
Ведь что ни день...—

Он не докончил фразы,
Как разыгрался вихрь... его набег
Был яростен. Все изменилось сразу:
И сад, и поле сплошь засыпал снег.
Под снегом хлопок!— Эй! Пока не поздно,
Все в поле! Дети, старцы древних лет,
Рукою, посиневшей от мороза,
Хоть кустик нужно вытянуть на свет!..
Закрыты школы месяц или боле...
Жестоко дует ветер ледяной,
И если летом обжигает зной,
То в ноябре еще тяжеле в поле!..
— Скажи, зачем подобные страданья?
Ведь наш дехканин и одет, и сыт...
— Век техники расширил круг сознания,
Пред нашими глазами мир открыт,
Глаза, сердца— все устремилось в дали...
Судьба далеких братьев нам близка.
Народы в мире есть. Они отстали
От нас, от прочих, может, на века...
— И все же много зла принесет нам атом...
Стой! Одарил огнем нас Прометей...
Считать ли Прометея виноватым
В поджогах, в злодеяниях людей?
Мощь атома—исток больших открытий
И может быть причиной высших благ...
— Да, если им— а как вы уследите?!—
Не завладеет злобный иль дурак.
— Есть мудрость: «Не давай меча глупцу,
Не то себя он приведет к концу.
Безумцу не давай и малой власти,
Иначе не укрыться от напасти».
— Да, верно... Знаешь, выпьем лучше
Чайку?.. Уж слишком долг разговор...
— Пусть будет наш народ благополучен
И этим разрешит наш долгий спор...
Гляди, как небо чисто! Засияло
Над миром солнце, радостью дыша.
Как будто бы грозы и не бывало...
Да, жизнь сладка! Сладка и хороша!

ЭПИЛОГ

Ушли они...— Друзья, счастливый путь!—
Шептал я, глядя им вослед с минуту...
Их разговор— не радостный ничуть—
Порадовал нас сердце почему-то...
Не о карьере спорили они,
Их интерес был чист и бескорыстен,
Они томились жаждой высших истин,
Все судьбы мира были им сродни.
Хотелось им весь мир во всей красе
Познать душой своей обыкновенной,
И я подумал: «Вот когда бы все
Болели так же судьбами Вселенной!»
Наш век и впрямь велик. Его труды
Возносят нас в неизвестные сферы,
Пустыни превращаются в сады,
Все ближе тайны Марса и Венеры.
И все ж на горизонте много туч,
Грядущее не может не тревожить.
Могуч наш разум. До того могуч,
Что Землю всю способен уничтожить.
Серьезен спор, что двое здесь вели.
Насущное их души волновало.
Они решали судьбы всей Земли,
Да, всей Земли!.. И каждой травки малой.
Из сердца выливались их слова.
Тревогой их решил я поделиться.
И думал я: «Покуда мысль жива,
Жизнь на Земле не может прекратиться».

Перевела с узбекского Юлия НЕЙМАН.

О ПОМОЩИ

1

За полночь он раздался:

— Спаси-ите! Убьет! Ах, ты... На помощь!

Не из пространства двора призыв, разрываемый смертельной тревогой, не из подъезда: откуда-то из помещеница, сжатого до пределов барокамеры.

Балконная дверь была открыта. Я метнулся с кровати, отшвырнул штору, к перилам, завис лицом над черной бездной. Лампочка под козырьком крыльца перегорела, окна не светились, парус почти без жильцов — отпуска, каникулы, дачный период...

Около соседнего паруса тлел сиренево фонарь, похожий на летающую тарелку. В сонном его зареве я разглядел у кромки нашего тротуара обычное такси, охваченное тьмой. И ни души. Наверно, из такси кричал мужчина? Неужели водитель грабит пассажира? Огни-то погашены.

Кинулся на лестничную площадку, спуск в лифте, напротив подъезда таксомотор, позади него — всклень наполненная выбоина. Вечером сыпанул дождь, налил выбоину. Как раз возле выбоины топтались, согнувшись, три крупных мужика. Они прижались к тротуару, кажется, подростка. Во всяком случае, человек, придавливаемый ими, в отличие от них был миниатюрным. Но благодаря упругой верткости крутился на асфальте, стремясь вырваться. Они сграбастывали паренька и опять придавливали к тротуару.

— Деньги... в грудном кармане... — задышливо пробормотал один из трех. Будничным тоном подсказки, куда надо стремиться, тем не менее подхлестнул его сотоварищей: яростной принялись действовать. В этот момент я разглядел кучеряво-плотные волосы поваленного и узнал Валерку Барженкова. Лежал он, согнут в туловище — подбородок в ключицу, руки на боках в обхват. Куртка приталенная. «Молнии» мужикам удалось развязать, до грудного кармана, из-за того что Валерка сжался, покамест не изловчились долезть.

— Отставить! — крикнул я, догадываясь, что неспроста они добираются до внутреннего кармана куртки.

Силовая жизнь человеческого клубка замерла. Незнакомцы, продолжая удерживать Валерку, угрюмо уставились на меня. Валерка сумел оторвать щеку от асфальта, глянул, кто нежданно-негаданно возник среди ночной глухомани.

Ах, какие зоркие встречаются глаза у особой мужского пола. Зоркость такого свойства обнаруживается довольно рано. Мальчишка совсем тоненький, — стебелек первой травинки на косогоре, — еще в детский садик начал только ходить, а взгляд пронзительный и уже жестковатый. В то же время при твердой зоркости впечатление от глаз как бы не в характере, не в натуре: кажется, что изнутри они просвечены солнцем. Валеркины глаза и при взгляде искоса оставались зоркими, солнцеполночными.

— А ведь это грабеж! — вырвалось у меня.

— Ничего подобного, — сказал прежний голос, и по тому, как завился мгновенный парок возле его рта, я понял, что протестует мужчина, средний из трех: простоволосый, поверх нейлоновой рубашки на полной груди и вислом животе перекрестье крапчатых подтяжек, брюки тоже вислые, как в привычке у людей, которых и столица, что собственная квартира, — ходи себе вольготно в мягкой одежде.

— Отпустите парня.

Ближний к бамперу дядек осведомился, знаю ли я сего типа. Я ответил, что знаю. Он, подпустив в басок зубное шипение, заметил: скверно-де знаю. На что я сказал, что это не меняет дела, и пригрозил, если и дальше будут держать Валерку, вызвать милицию.

Дядек, коломенская верста, кепка жокея, усы полумесяцем, обрадовался моей угрозе: сами надеялись туда его доставить, но выискался добровольный помощник.

Средний, в подтяжках, подкрепляя дядька, пожаловался, что Валерка не заплатил денег, и вконец расстроился, прибавив, когда, мол, подобные охламоны будут ездить на такси, досрочно попадешь на Ваганьковское кладбище.

Посочувствовал я водителю. Московские таксисты сроду-роду не огорчали меня. Всяким я с ними ездил. Исключительная надежность. Не обеляю их. Кое о чем слышал и читал, однако самолично худого слова не произнесу.

Я прошел к машине. На счетчике значилось четыре рубля восемьдесят копеек. И всегда-то за востроглазостью Валерки, пронятой солнечным маревом, подозревалась мне вероятность козней.

— Почему не кинул червонец? — спросил я Валерку и не утерпел: — Обещал двойной тариф — заплати.

Отпустили они Валерку. Разминаться вздумал. Я гаркнул, чтоб он отдал еще пятерку и уматывал.

Корчило его при отдаче пятерки. Он обратно руку засунул в грудной карман, шелестел там купюрами, словно деньги могли к нему вернуться, как продажные голуби в голубятню.

В подкрыленном сумраке он остановился. Хотел вылепить что-нибудь напоследок. Вот нейма... Опять ведь сгрудят. Заряжены мощным напряжением. Защищать больше не стану, тем более что электричество не по моей части.

Третий, который молчал, подсадовал:

— Сударь, вы пытаетесь увести от возмездия если не явного, то скрытого преступника. Он частенько торчит у подземного перехода напротив Телеграфа, где клубятся разные фарцовщики.

Он закашлялся и, преодолев болевую одышку, рассердился:

— Ребра посворачивал. Надо бы зарегистрировать следы побоев. Прощаем, прощаем подонков.

Усач в кепке жокея подбавил мраку:

— Левою рукой еле шевелю. Не представляю, как поведу машину. Зарекался не единожды... Что ни тип, то приемами владеет.

Валерка вылетел к ним из сумрака. И он регистрирует следы побоев. Хоть он не пользовался приемами джиу-джитсу, они пользовались — почки ему отбили.

Я сказал мужикам, что они вольны поступать, как находят нужным, но подчеркнул, что стерильной чистоты перед законом у них нет.

— Сударь, вы льете воду на мельницу негодяя. — Это снова третий: берет из вельвета, плащ вельветовый с погончиками, полуботинки с вельветовым верхом. — Подобрю-поздорову вмешались, водителя мордовал, так нет — самурайскими ударами встретил.

Растопырив руки, точно гусака в сарай, я загнал Валерку в подъезд. Перед лифтом он заартачился — поднимется пешком, и побежал вверх по лестнице.

2

Не в каком-нибудь лифте, в этом, правом, восточном, я поднимался с ним. Лифт должен был через мгновение сесть. Тут как раз он и подоспел. Осень зябкая от въедливо-ледяного ветра. Он в ондатровой шапке, дубленке, теплых туфлях, высокий каблук которых округло скошен в подрез пятки.

Я поздоровался с ним, когда створки размыкались. Его квартира находится ниже моей тремя этажами, все-таки он вошел в лифт первым, по самолюбивой ли привычке, по причине ли измышленного собственного положения.

— Вас вроде Алексей Сергеич? — спросил я.

— Положим, не ошиблись? — вопросом на вопрос ответил он и ударил ребром ладони в кнопку восьмого этажа.

— Алексей Сергеич, я поздоровался с вами...

— Зачем?

— Есть вежливость...

— В данном случае она без пользы.

— Несуразица какая-то: пристегивать вежливость к пользе.

— Век экономимики.

— Разве трудно ответить на приветствие?

— Трудно, поскольку нецелесообразно.

— Опять за тем же ухом чешете.

— Я молчать хочу.

— Ведь лет десять живем в одном подъезде...

— Экая важность.

— Мой сын учился с вашим.

— Ну и что?

— Они дружат.

Лифт встал с подскоком. Пора бы привыкнуть к его давним взбрыкам, как к мальчишеским шалостям, нет, он заперевирал губами, еле сдерживая брань. Едва он вышел из лифта, я напомнил о дружбе наших сыновей.

— Женятся — дружбе кранты, — огрызнулся он.

— И все-таки наши судьбы увязаны через них.

— Они сами по себе, мы сами по себе.

— Если все это для вас ничего не значит, то хотя бы вспомните, что мы — соседи.

Я придавил красную кнопку, чтобы створки не сомкнулись.

Он продолжал злиться.

— Деревенский наив. Без обособленности никуда. Спасает от многолюдья.

Кивком ладони он внезапно сбил мой палец с кнопки, потом послал лифт на мой этаж. Дверцы, сжимая просвет, едва не прихватили ему руку.

— От соседа отбоишься, — крикнул я, — от совести не отгородишься.

3

Люблю остаться в одиночестве. За школьный год так устаешь от сутолоки, что рад-радешенек получасу безлюдья. Тут мне и совсем посчастливилось. Директриса повезла большую мать в Оренбург («Где взойшла на свет, там и закачусь»), а в разгаре ремонт школы, вот и попросила меня заменить ее на месяц. Мы с ней дружны, и знает она мою склонность. Покукуй, говорит, всласть в свободном Тропареве!

Малыры покамест снаружи белят, потому и нахожусь я в пустой школе.

Нигде не бывает летом тише тишины, чем в школе, словно ее до того угрохали гвалты и топоты, что она впала в спячку. Сижу я в прохладе, книжки читаю. Страницу переворачиваю — звук громкий, будто бы внезапным вихрем сорвало с крыши кусок толя и хлопнуло об асфальт. Да что там звук страницы? Я слышу, как растет моя борода. Впрочем, чуть не наврал: на все этажи трезвонил звонок, приглашая на перемену, потом — на урок. Физик забыл отсоединить реле времени, я с электричеством не связываюсь с детства, вот и простреливалась верещанием моя тишина.

Зато дома покой, особенно за полночь. Детей я отвез в деревню Русиново к ма-

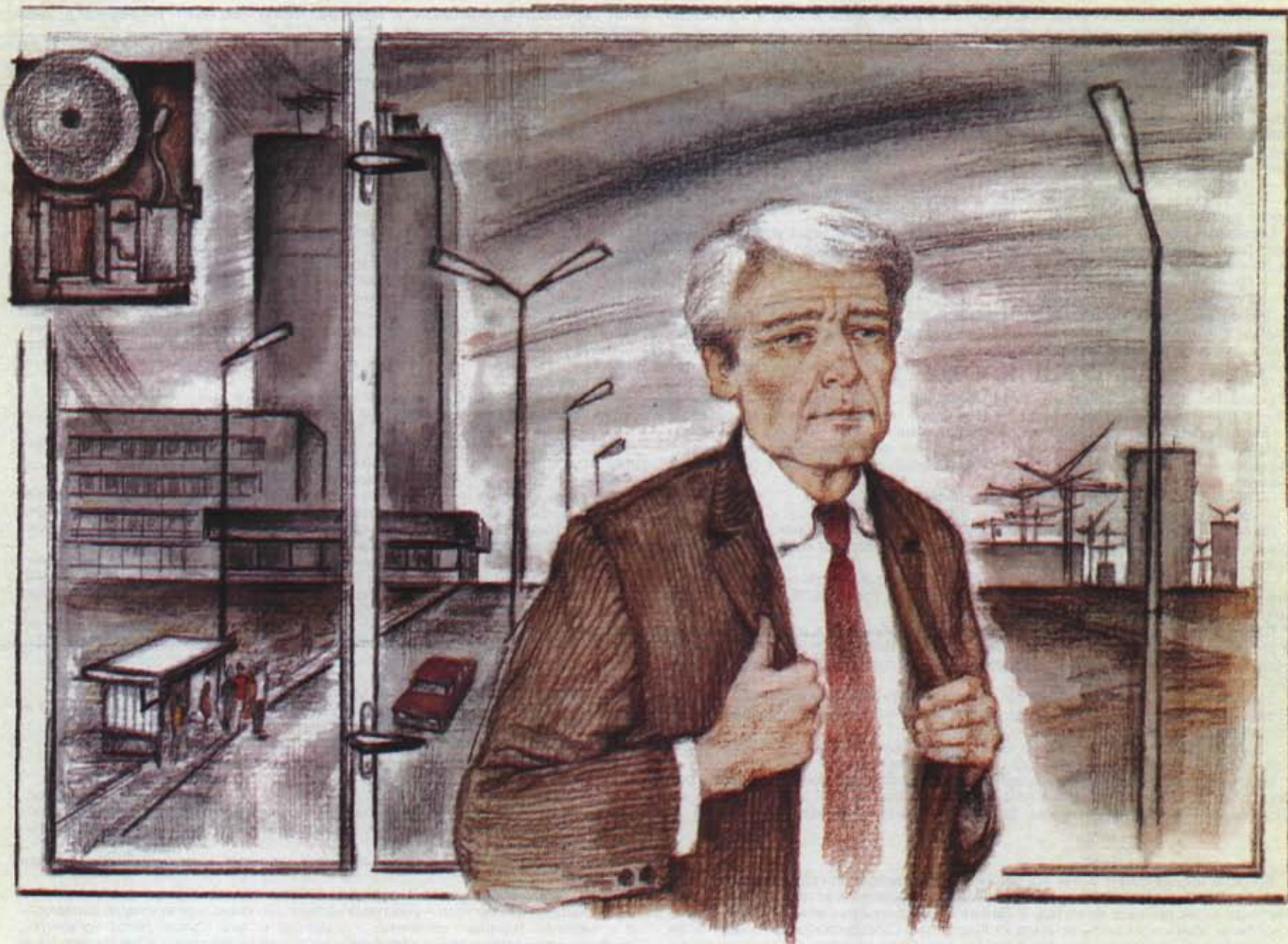

Рисунок Антона КУМАНЬКОВА

ме, жена уехала со своим классом в лагерь труда и отдыха. В самом деле, кукую всласть.

Именно полночь раздался тот крик.

Летом я пробегаю по Тропаревскому оврагу счастливым. Когда кутенок радуется, он лупит себя по ушкам, трет лалками морду, дрыгоножится, лежа на спине, напоминая младенцев, жеребят, диких кабанчиков. Я уж давно большой дурень, при моей поджарости нет-нет и называют папашей, а все могу безотчетно радоваться: и по ушам себя лупить, спускаясь в овраг бурой тропинкой, и подпрыгивать, и всхрюкивать, и пасть спиной на траву да кочевряжиться в воздухе руками-ногами. Безотчетность от чувства собственной жизни, которое игриво взбрыкивает в тебе, но оно и подкрепляется чувством вселенской жизни, особенно той, которой ты обьят в овраге, перво-наперво запахами. Ах, как терпко железиста влажная глина (ночью-то дождик ливанул), сласть тальниковой коры навеивает отлетевшую с детством медвяность лозняков по берегам Угры, горьковатый настой пижмы, еще вчера не приманивавшей взгляда, а теперь цвета индийского золота...

Мама учила меня узнавать растения в лицо, а по-прежнему я среди них, как во дворе среди школьников теплым днем ранней весны: одних знаю, других встречал, третьих впервые вижу, четвертых забыл. В овраге да по опушке рощи у нас царство зонтичных трав. Страдаю из-за того, не вру, что только узнаю среди них дудник, морковник, купырь, пастернак, болиголов, и все. О, соврал, кокарь-ёкарь. Узнаю еще тмин, по семенам. Забыл за двадцать лет городского существования в полуподвальной квартире Даева переулкa многие зонтичные. Когда перебрались в Тропарево, восстанавливать стал узнанное от мамы. Она-то с девчонок начала работать в уездной больнице Юхнова. В ту пору он был смоленским городком, теперь калужский районный центр. Главный врач больницы пользовал природные сокровища для исцеления, потому приохочивал к заготовке корней, трав, листьев, коры, ягод всех из больничного состава, даже кучера и дровосека. Тогда моя мама, еще незамужняя, была полумойкой и подсобницей стряпухи. Ее склонность к заготовке лекарственных средств главный врач выделил и поручил ей собирать гербарий. В детстве из зонтичных я рвал бедренец, камнеломку и сныть для салатов. Сейчас их не нахожу. Должны были бы они водиться в Москве. Не узнаю скорее всего, хотя и завел «Ботанический атлас» и два тома «Травянистых растений СССР», ничего не достиг. Зонтичные так воспроизводятся, что болиголов не отличишь от омеги, а болиголов «Ботанического атласа» не походит на болиголов «Травянистых растений СССР».

Тем утром, которое последовало за ночным происшествием, я останавливался возле дудника, жабрицы и пастернака, чтобы подышать их ароматом. Потом, когда рассматривал сквозь лупу цветок кипрея мохнатого: четыре розовых лепестка в синей световой оторочке (не аура ли?), молочный крестом пестик ворсисто пушист, желтенькие, под ним, тычинки,— мимо меня проследовали Барженков-отец, верный себе,—сплотненными губами не дрогнул, головы не принагнул, и его супруга, подобная ему, словно сестра, светлыми, в прозолот, кудрявыми волосами, белым лицом, округлым в скулах, лазеревыми глазами. Она пожелала мне доброго утра. Я отзывно завстряхивал головой, приставил увеличительное стекло к кипрею, люблюю, мол, и она кивнула с глумом, как ощутилось, сердцем.

За увлеченностью цветами я не связал ее настроения с Валеркой. Почему-то был уверен, что ночной инцидент завершился, едва их сын побежал вверх по лестнице. Если я о чем и встревожился, провожая их взглядами, так о судьбе Тропаревского оврага. Неужели он будет засыпан ради постройки трех-четырех башен? И опять на новых территориях вместо детей земли: серебристых раки, тополей, голубых светильников цикория, пушисто-сиреневого лисохвоста, золотого зверобоя, вербейника, лядвенца, вместо птичьих детей и детей насекомых будут водиться только человеки, собаки, кошки, дети, да еще угарные семейства заводов — всеяские машины...

Внутри демократического Берлина сохраняют деревню. А мы на том же Юго-Западе срыли деревню за деревней: Тропарево, Раменки, Никольское... И, наверно, не пощадим овраг — природное чудо округи? Боже мой, да почему же градостроительная целесообразность должна по-акульи заглатывать природную красоту, создающую радугу наших чувств и нашу любовь к близкому, кровному, непреходящему?

4

К полудню Барженковы заявили в школу. Для меня это было равносильно тому, как если бы в директорский кабинет въехали мотоциклисты. Особенно несусветным показался его приход. Моя напарница Ольга Федоровна Росинцева, обучающая физкультуре младшие классы, длинношеяя, длинноногая (прозвище Жирафа) в непредставимых по несуразности случаях свое удивление выражает словом «абракадабринг». У меня, кстати, прозвище Отставник.

Я воскликнул про себя: «Абракадабринг!» — едва приглядевшись к замурованно недоступному выражению лица Барженкова-старшего, который стоял за спиной своей жены Ларисы Федоровны. Допустить, что он способен стоять позади кого-либо, тем более за спиной дамы, притом жены, — абракадабринг фантазмагорического толка.

Чтобы мой отец выуживал на Угре громадных голавлей, я ловил пацаном кузнечиков с мечом, который по-научному называется яйцекладом. Папа отстригал меч ножницами — он отпугивает рыбу. Летом Угра настолько прозрачна, что я, забравшись на осину, просматривал ее до глубины, где, как цепелины, проплывали самые крупные голавли, они обычно одиночные. При виде изогнутого на крючке кузнеца, голавль настораживался и скрывался в зарослях из водорослей. Барженков-старший до прихода с женой производил на меня впечатление потаенного голавля, уклоняющегося от приманки, какой бы соблазнительной она ни была.

Частенько мне кажется, что способом благодарности стала неблагодарность. Я поспешил усознать себя за унижение достоинства современников: «Они ж с выражением признательности...» Моя жена Валентина Васильевна, которая тоже учителствует в нашей школе и преподает английский, язвительно называет расположенность быстро менять недовольство кем-либо на благоприятное отношение преждевременным торжеством духа.

Мое торжество, если не духа, то, по крайней мере, души, снигло: не ради благодарности пришли — ради выручки Валерия. Ах, эта нужда в высоких чувствах.

Как я опять опростоволосился. Сколько раз убеждал себя в том, что высокие чувства не могут быть предметом внутреннего потребления: они — явление поклонения, исповедования, духовной ориентации. И сызнова, сызнова... купился. Барженковы будут эксплуатировать мою заботливость до упора. Я-то возмечтал вознаграждаться признательностью.

— Виктор Константинович (когда приспичит, не то что имя — отчество добудет: твое генеалогическое древо вырастит), наш сын находится в камере предварительного заключения, — заговорила Лариса Федоровна. — Ему грозит срок до шести лет. Проходит по двум статьям уголовного кодекса. Минимальная мера наказания — три года.

— Я же урегулировал...
— Вы поехали на лифте. Не уверена, что Валерик сам вернулся к ним... Кого-то могли послать вдогонку. В результате раздора — милиция.

Барженков дал им характеристику динамичных товарищей, чем внезапно разгневал Ларису Федоровну: посмотрела бы она, как он стерпел бы в сходных обстоятельствах.

— Принципиальничает.
— Прекратите резонерствовать.
Подозреваю, что я оборвал Барженкова не за его постыдную повадку в лифте: не мщу и тогда, когда необходимо мстить; вполне возможно, что израсходовал чувство мести во время Отечественной войны, — и не за то, что он выступал в роли умничающего резонера в момент, тревожный для Ларисы Федоровны. Неловко это, хотя могу и ошибаться относительно себя, но я сорвался на невежливый окрик: «Прекратите резонерствовать!» — из-за места, на котором оказался. Сколько же раз я был горестным свидетелем человеческих превращений, обусловленных повышением! А я чем лучше тех, в ком повышение оборачивалось падением?

Извиняться перед ним я не стал, зато Ларисе Федоровне упростил задачу, выразив желание сделать все, что от меня зависит, для облегчения Валеркиной участи.

— Виктор Константинович, наш сын-паршивец.
— Вне обсуждения.

Ни она, ни я не отозвались на его реплику. Мало ли событий происходит сейчас на земле, но мы не обращаем на них внимания. Пусть почувствует себя, как в глубине пещеры без связи с внешним миром.

— Наш сын-паршивец. Чего заслуживает, такой должна быть кара. Правда, степень вины не определить без свидетелей с его стороны. Вы единственный свидетель. К сожалению.

Лариса Федоровна испугалась его опрометчивости, бросилась оправдываться, но я успокоил ее вопросом о том, что должен сделать. Надо было идти в милицию. Я обещал отправиться туда в два часа, когда в школу придет завуч старших классов Вия Адамовна Раузер.

Барженков, на редкость ладный в костюме цвета хаки полувоенного покроя, кивнул и удалился. Неприязнь к нему, боюсь, отклоняла меня от справедливости, потому что я подумал: «Отделался».

Лариса Федоровна разочарованно вышла из кабинета. Я не судил ее. И я, случись так с моим сыном, ждал бы помощи без промедления.

И все-таки было к стати, что я обязан дожидаться Вию Адамовну. Как завуч, она соотнеслась сейчас с милицией по делам старшеклассников, обокравших лингфонный кабинет соседней школы, да и по другим прискорбным делам.

5

Близкие иногда знают о нас то, чего мы и не подозревали за собой. Моя жена знает, что я оцениваю человека по сложению, а потом уж по всему остальному, включая нравственные качества. У Валентины Васильевны есть причина думать подобным образом: если бы исчезла из Лувра Ника Самофракийская и нашелся бы великий скульптор, то можно было бы одеть ее в платье легкого шелка, привезти к морю, откуда наносит штормовым ветром, и начать рубить мрамор. Но почему-то она, синеглазая, светлотелая, уверена, что мне нравятся кареглазые, черноволосые, смуглые? Все я ума не мог приложить, почему, и, только приложив, в кабинете возникла Вия Адамовна. Способность росомохи двигаться неслышно была ей свойственна. От удивления, быть может, я и воспринимал ее картинней, чем большинство учительниц, обычно предварявших свое явление грациозным постуком каблучков. Вия Адамовна носила обувь на низком каблучке, но не в этом загадка: в пуховой поступи ее ног.

Что я знал о себе, несмотря на бесспорность знаний обо мне самых близких людей? Я оцениваю человека прежде всего по судьбе и душе. Валентина Васильевна говорит, что у Вии Адамовны судьба без судьбы, имея в виду ее женскую долю. Я думаю, что ее судьба — школа, душа — озабоченность учениками. Идеальный комплект счастья: муж, дети, работа по призванию — не для всех обязательны, хотя и желательны. Мы жалеем Вию Адамовну, однако странно наше сострадание. Она утверждает, что не нуждается в нашем комплекте счастья.

В других учительницах картинность от их женского существа. В ней, бесшумно возникшей на пороге кабинета, она, пожалуй, от чувства школы. И если с плюшевой ласковостью она смотрит на меня, то потому, что я тоже учительствую, да еще и обретаюсь в священных пределах школы в то время, когда многие наши товарищи предаются отдыху и беззаботности.

Я рассказал ей о ночном происшествии, о супругах Барженковых. Куда девался веселый задор, сопровождавший возникновение Вии Адамовны? Она задумалась. Померкла лучистость бурых глаз.

Я обнадежился. Потеснив меня, она бросится на выручку Барженкова. Что же касается советов о помощи кому-либо, обычно ее не интересовало, виноват ли тот человек, — для нее неотложно было отыскать ход для спасения.

И я недалеко ушел от моей супруги Валентины Васильевны, запрограммировав неизменность Вии Адамовны. Я не знал в ней и даже не предполагал разочарования. Она заговорила о том, что устала выручать, из-за неблагодарности устала. В расчете на благодарность есть нечто от жадности потребления, хотя бы в эмоциональной области. Ты потребляешь мою помощь, иногда равную спасению от гибели, я потребляю славу, вызванную твоей и твоих родных и друзей благодарностью, подпитанную еще и собственной кичливостью. Она прошла через такие себялюбивые вещи, как и через стихийную жалость ко всяким мальчишкам и девочкам, очутившимся в грозном цейтноте. Истинную оценку заступничеству дает время. Пока лишь отдельные из учеников оправдали ее сострадание и надежды. Спасать надо тех, в чью будущность веришь.

Вия Адамовна, созданная моим представлением, как облако, гонимое ветрами, меняла очертания и теряла поверхностную голубизну из-за накопленных внутреннего электричества.

Раздумье о ней, неожиданной, она восприняла как растерянность, вызванную

моим пересмотром отношения к Валерке. Чтобы закрепить пересмотр, она повторила свой жесткий вывод:

— Спасать надо тех, в чью будущность веришь.
— Будущее не зависит от наших предсказаний, увы, даже от нашей веры. Занесешь кого-то в плохие, а выйдет в самые хорошие. Кого-то прочишь в гении, вырастет ленивая посредственность. И не в том вовсе дело: оно в справедливости.
— Разве я не за справедливость, Виктор Константинович?
— Будущность Барженкова для меня — все равно что незнакомая местность ночью.

— Ну и ну... Зачем тогда плутать?
— И не собираюсь. Справедливость, ей-богу, превосходный жизненный указатель. Он вывел меня к причине, почему Валерка сцепился с таксистом. Везде ребята слышат: «Выполняйте закон», «Придерживайтесь правил»... Мы то же твердим в школе. Недавно майор милиции у нас выступал. Новый термин вживлял в ребятнее сознание — законопослушность. Не по правилу таксист вынудил Барженкова ехать за двойную оплату. Ночью я обвинил Валерку в поприии джентльменского соглашения с водителем... Теперь допускаю: «Не законопослушность ли Барженкова выиграла против правонарушения?» Не выстави таксист своего условия, не дошло бы у них до потасовки. Диву даюсь крику о помощи. И на призыв законопреступника прискочили два человека и крутили парня, в ком, по всей видимости, взвилось оскорбленное законопослушание. Мне нет резона, Вия Адамовна, ополчаться на водителя и клеймить его заступников. Водителю я сочувствую. Если вы пользуетесь тачкой...

— Фу, что за слово, Виктор Константинович?
— Молодежный сленг. С языка сорвалось.

— С меня достаточно городского транспорта.
— Вия Адамовна, вот мы рассуждаем, ну, прямо старую копейку сена растормошили. Под копейкой-то целое мышинное царство-государство.

— Мышей боюсь, в деревне не бывала. Вашей ассоциации не улавливаю.
— Ну, коль вы тачек не берете, вам не приходилось слышать от водителей, что в иных таксопарках имеется целая система поборов, вынуждающая их брать чаевые, быть может, и вымогать двойной тариф в пору ночных дежурств и дальних поездок, скажем, в Заенигород, в Тарусу, еще дальше.

— Добродей склонны к всеоправданию, Виктор Константинович. Сие заблуждение у меня позади. В данном случае я не спорю. Похоже на справедливость. Только я хочу разъяснить... Девушки и парни, чье поколение, волну за волной, мы отправляем ежегодно общество, дают заметный процент паразитарных людей. Если я вижу, что Инна или Боря пополняет слой нетрудового элемента, я не стану, как раньше, пробиваться на прием к ответственным лицам... За кого унижать себя? Да, унижать. Если бы всегда встречали обходительно... С меня достаточно сфер сверхвысоких давлений.

— В сверхвысоких давлениях создаются алмазы.
— Предпочитаю быть пуховой. Унижаться за ничевок, которые роскошествуют и не помнят добра? Больше никогда. Прикиньте, Виктор Константинович.

— Куда мне в оракулы? А правду, как ее вижу, попробую подтвердить.

6

Следователя я не застал. Было расстроило, но дежурный по отделению милиции, парень Валеркиных лет, длинный застенчивый человек, кратко расспросив меня, дал анкету, чтоб заполнить, и вдобавок к ней велел написать свидетельское показание.

Свидетельское показание я написал легко. Чего проще изложить подлинно, как что было?

Анкета разочаровала меня в моих возможностях: не депутат, ученой степени и званий, кроме офицерского — пехотный капитан, не имею, руководящую должность на гражданке занимаю временно и впервые, о чем посовестился упомянуть. Переживая за Барженкова, я корил себя за то, что не остался в аспирантуре. Петр Лесгафт из меня не получился бы, а кандидатскую диссертацию сумел бы защитить.

Впервые страсть к преподаванию школьной физкультуры я воспринимал через самоунижение. Правда, я взбодрился, вспомнив о военных наградах. Кое-кто особое значение придавал двойности моих орденов: два ордена Красного Знамени, два Красной Звезды, обе степени ордена Отечественной войны. В далеком прошлом мои степени, но я все же не ущемлен этим: занимаюсь родным делом.

Надел пиджак, прорел по эмали орденов, по бронзе и серебру медалей. Я демобилизовался, излечившись от ранений, полученных в Маньчжурии. Я не был кадровым командиром и отслужил, включая войну с немецкими фашистами и госпитальное время после войны с Японией, только пять лет, а зовусь в школе Отставником из-за иконостаса.

День к вечеру совсем остервенел от жары. В пиджаке я за минуты взорел и вернул пиджак шкафу. Главной причиной, сознаюсь, было не то, что взмок, а то, что ущемил свое достоинство перед воображенным следователем, ключащим на пункты анкеты. Чтобы все состоялось по справедливости, я вознамерился задеть честь следователя: вы, дескать, не человеку верите, а его на сегодня, быть может, уже недействительным достоинствам, — но пешей дорогой я успел сообразить, что ненароком позволил разыграться тщеславию; я-то считал себя человеком без высокомерия, на деле, в катакомбах своей души, — самолюбец.

Следователь с фамилией Лобарев был хмур. При моем появлении он и вовсе помрачнел. Чтение анкеты не разогнало мрака на его крупном лице, рельефном за счет сильно развитых мышц. Весьма редки рельефные лица среди людей кабинетного труда. Худоба, обтекаемость, одутловатость характерны для их внешности, тут — прямо горный массив вулканического происхождения. После я узнал, что Лобарев родом из Хакасии, сын табунщика, помогал отцу до армии.

Отслужив, завербовался на угольную шахту донецкого местечка Димитрово. Завалило. Спасли. Получил инвалидность. Захаживал в штаб народной дружины. Пошел работать в милицию, учился в академии Министерства внутренних дел, оставили в столице.

Мое свидетельское показание убрало дельтовидное вздутие над переносицей Лобарева, длинные складки на челе типа гладких предгорий, холмистые дуги на спусках щек к углам крупного рта.

— Вострый паренек подследственный Барженков, — сказал он, пытаясь скрыть повеселение. — Не давал показаний, пока не свозил его к судмедэксперту.

— Что-нибудь невыразительное?
— Напротив. Почек не отбили, ребра целы, иначе они порядком его устирили. Черный синяк над областью сердца. При всем при том у него, простите за жаргон, была полная безнадёга. Ваше свидетельское не расходится с показаниями Барженкова. Я не любитель толочь воду в ступе, тем не менее спрошу: давно в одном подъезде живете?

— С заселения.
— Общаетесь с Барженковыми?

- Дружат наши сыновья.
- Похвально.
- Ничего похвального нет. Рядовая дружба, по совести—так, худосочная. Сойдутся. Магнитофон. Выпивка с плоскими девочками в джинсах. Короче, потребиловка.
- Похвально, что не отрещиваетесь от дружбы вашего сына с Барженковым. Частенько от тех, кто к нам попал, знакомые отлетают, как грязь от покрывшек. Страх развит в людях. История у них получилась быстро опасная. Но я не уверен, что до такой степени раньше развита была перестраховка.
- В работе много перенапряжений. Дома хотя бы было спокойствие.
- Какая семья у Барженковых?
- Загадка.
- Определенней?
- Подъезд семей-загадок. Все ведь живут наособицу.
- Попробуйте охарактеризовать Валерию?
- Не попробую.

Лобаревские глаза рассиялись. Я не видел повода для рассиятельности. И переход от мрака чуть ли не к состоянию счастья мне решительно не понравился в следователе. Про себя зову я людей, настроения которых меняются от севера к югу, от восхода к западу, полярниками. Полярник в Лобареве возмутил меня, и я, сам того не желая, чтобы подсадить его за легководию, заявил, что не одобряю использование анкеты в следственном деле.

— Напрасно,— строго сказал он.— Вслепую работать нельзя со свидетелями. Нарушитель изучается с профессиональной глубиной, свидетель же остается за семью печатями. Знание свидетеля для меня определяет степень доверия к нему или сомнения в нем. Анкета может отражать на данный момент в чем-то мнимые качества свидетеля. Уж поверьте, Виктор Константинович, мы не склонны гипнотизироваться анкетами. Истину о преступнике или невинном в основном слагают свидетели, значит, проблема доверия и справедливости контролируется через них и с их помощью. Утопист Луи Себастьян Мерсье считал, что заблуждение и невежество—источники всех бед, терзающих человечество. Источники бед многочисленней, но те, что назвал, на редкость важны для безошибочного дознания.

Я попытался подсадить Лобарева за слишком уверенную рассудочность.

— Товарищ следователь, проблема, ну, как постичь, кто есть кто, в наши дни усложнилась до непроясненности...

— Такого рода непроясненность не распространяется на простосердечное большинство.

- Но и не обольщайтесь, что простосердечность не уменьшается.
- Обольщаются женихи и невесты. Следователю важна истина.
- И свидетелю тоже. Кто, если не секрет, те двое, помогавшие таксисту в борьбе с Барженковым?
- Преподаватели университета.
- Поздно было. Откуда они взялись?
- Сидели в «Жигулях». Подъехало такси. Прибежали на помощь.
- И чего сидели в «Жигулях»?
- Не пожелали сообщить.
- Как не пожелали?
- Имеют право.
- Случаи вымогательства, по-гангстерски организованного, встречаются?
- Всякое встречается. Здесь не тот случай.
- Ах, преподаватели университета!
- Преподаватели университета действительно заслуживают доверия.
- А при мне эти оба-два обозначили себя как грабители.
- От душевных перегрузок люди выклиниваются из-под собственного контроля.

Вначале они бросились защищать таксиста от грабителя.

— Стало быть, благородство на грани преступления преподавателям простится, а Валерка Барженков, взорвавшийся против вымогательства таксиста, будет судим?

— Спокойненько, Виктор Константинович. Лучше растолкуйте, почему в графе о наградных ничего не написали? Девятого мая текущего года я видел вас при всем иконостесе.

— А не хотел, чтобы мое прошлое послужило своего рода спасительным бункером для Валерки Барженкова, хотя за этого негодника я волнуюсь.

— Все логично. Такие, сдается, пряники, Виктор Константинович.

В сквере, который примыкает к ограде милиции, мальчишки, вытягиваясь со спинки железобетонной скамьи, рвали на каштанах еще зеленые, в шипах плоды. Я поинтересовался, для чего они рвут малосъедобные каштаны. Взапуски мальчишки мне растолковали, что из колючих орехов после сушки получаются мячики, скачущие не хуже теннисного мяча. Словоохотливость и взоры мальчишек были бесхитростны, навяли мысль о том, что чем прекрасней взрослый человек, тем больше сохранилось в нем чистоты (в детстве, именно в детстве полностью вырабатывается нравственное здание личности), прозорливой изобретательности, нерасчетливых свойств... И если утренней первозданности нашего возраста противоположен полдень или вечерняя заря, у нас есть повод для скорби: мы растеряли самих себя.

Лично я нет-нет и спохвачусь: к порче склоняюсь. То и спасает—детская совесть до сих пор на страже души. Моей мамы с клоном. Она, как что: «Ой, девонька, куда ты сшибаешься?»

Близ двухэтажного здания, где помещаются булочная, аптека, фотография и магазин «Галантерея», я заметил Вию Адамовну. Она поворачивала к милиции, но углядела меня. Вия Адамовна была огорченная. В отделе народного образования паника. Из Спаса-на-Угре сбежал ученик восьмого класса Игорь Обрин. Якобы практика там проходит безобразно, он боролся за порядок, его стали третировать, даже избивали. Обрин просил сопровождающего для возвращения домой, вместо чего Дина Рудольфовна оскорбила его и прогнала из деревни. Отец Обрина—дипломат, позвонил в райком, оттуда велели «безотлагательно разобраться с лагерем труда и отдыха». Поскольку директрисы нет, а она, Вия Адамовна, конфликтовала с Обриным-старшим, придется ехать мне самому.

Не все чувства я исчерпаю с годами, но уже теперь жалею, как сильно поизбылись отдельные из них. Смолоду легко давались перепады из состояния в состояние. Такая психологическая и телесная подвижность требовалась на войне, что победу над фашистами я воспринял как переход к плавной жизни: отстрадали, отстрашились, отсуматошились, отметались, отгибли, оттосковали... Но нет. До конца дней, должно, мне даны страдания о сопричастности, печаль о тревогах других людей.

Эх, прерывается мое тропаревское кукование. И Валерки Барженкова историю не разгреб. Как бы не погубила парня строптивость. Улучу из-за поездки спасительный момент. Впрочем, дальше-то пока дело следователя и, наверно, районного прокурора?

Ирина ПАНОВА

Городу Уфе—
месту моего рождения.

Весна легко и молодо
в поток времен влилась.
А я не знаю города,
в котором родилась
в такое лихолетье,
где каждый на виду.
И той беды наследие
в самой себе найду.
Оно вошло с потерями,
и плач его не смолк.
В огне войны проверены
и мужество, и долг,
и та простая истина,
что мы—одна семья.
Остались сердцу близкими
далекие края.

Я не брала ни у кого
ни денег, ни вещей.
Совсем не знаю, отчего
стал горло мне слышной.
Он говорит мне: «Ты в долгу.
Самой себе не лги».
Я расплатиться не смогу—
так велики долги.
Ведь я осталась всем должна,
кто мне в пути помог.
Есть неоплатная вина—
к ней суд бывает строг.
И мне саму себя судить
всех строже суждено.
За все приходится платить,
что было мне дано.
За волны ласковых полей,
за песни на лугу,
за клин весенних журавлей
я у земли в долгу.
И о костре, что не дымил,
я память берегу.
За каждый день,
что сердцу мил,
у жизни я в долгу.

Ирина КОВАЛЕВА

Памяти А. С. Грина

Город огромен. Темен ночами.
Ветер телями домов качает.
Швыряет в окна-глаза без век
Клочками разорванных писем снег.
По мостовой, ледяной и покатокой,
Елюзит отклеившимся плакатом.
Год—двадцатый. На тень похожий
По Петрограду бредет прохожий.
Ослаб после тифа. Ищет ночлег,
И так некстати ветер и снег.
Вихри взывают, злобно смеются:
«Голод, холод... В агонии революция...
И все твои надежды... Будущего нет.
И этот город судьбой отпет».
Но бьется, трепещет во мгле безвольной
Алый флаг, озаривший Смольный,
И с бурного рейда в метельной дали
К спокойным морям не бегут корабли,
И дремлет чутко, лишенный крова,
Город под небом белесо-лиловым.
...Проклятый озноб. Все трудней шаги.
Перед глазами плывут круги.
Потом проступают в их плавном сплетении
Изгибы волн, движение, тени,
В сиянии алом корабль прозрачный,
Осмеянный злобно, но неудачно.
Теперь, потрясенная им безмерно,
Ассоль к кораблю пропускает Каперна.
Люди! Дайте дорогу надежде.
Знайте: ничто не потеряно, прежде
Чем не ушла она, бросив без света
Тех, чья действительно участь отпета.
...Крошится над городом белый снег.
В дверь устало стучит человек.

О Франция, ты знаешь о войне
не понаслышке: ты сынов теряла
и вовсе не в солдатиков играла,
когда Европа корчилась в огне.
Твои ребята—воины твои—
и над землею русской летали,
и в нашем небе «юнкерсов» сбивали,
тем защищая честь родной земли.
Ты, Франция,—мелодия любви.
Об этом мы сегодня не забыли.
Связали нас не выдумки, а были,
жив «Марсельезы» клич у нас в крови.

А что гениальность—ошибка, наверно?
Природой положена мера всему,
и если она одарила безмерно,
то жить нелегко человеку тому.
Ведь, чтобы признать
гениальность другого,
высокие чувства бывают нужны.
Тогда принимается каждое слово
подарком, и мысли не знают вины.
Кому-то покажется неподходящим
о прошлом писать, словно это сейчас.
Но боль остается всегда в настоящем,
как счастье от встречи,
как слезы из глаз.

Уж если мир—театр, а мы—актеры,
То каждому своя найдется роль.
Но пьесы нет. Удачных сцен повторы—
пародией на ранившую боль.
Для всех ролей свои слова найдутся,
быть может, близко, может, далеко.
Когда актеры плачут и смеются,
не думайте, что это им легко.
Кому-то не захочется поверить,
кому-то не захочется понять,
а третьему—чужую роль примерить
случится так, что роли не узнать.
Друг с другом мысли шепчутся невнятно:
«Как жить?» Когда спросили мудреца,
он всем ответил просто и понятно:
«Вы роль свою сыграйте до конца».
Придется, от себя не зная воли,
все узнавать—мечту, любовь и боль.
И никогда не выходить из роли?
Но это ведь смотря какая роль...

Уведи меня отсюда,
Уведи!
Подари мне утра чудо
И дожди,
Что в лесу по листьям алым
Моросят,
Убаюкав мишек малых
И лосят.
Подари мне лес в потемках,
Твой насквозь,
Подари на ветках тонких
Изморозь.
На земле следы кабаньи,
Страха всплеск.
Не дари другого—дай мне
Этот лес!

В метро

В ярко-черной глубине
Оживают два огня.
То проносятся ко мне,
То уходят от меня.
Уплывающий вагон,
Краткий приступ тишины.
И опять дрожит перрон,
Громы гулкие слышны.
Гаснут в них обрывки фраз.
Я хочу остановить
Бег огней хотя бы раз,
Чтоб расслышать, уловить

В тишине твои слова,
Но летят огни, огни...
Словно сотни их—не два,
Дразнят: «Так пойми...»

Воздух, казалось, соткан из лязга, грохота, металлического скрежета, кислой гари дымшашек, пороха, взрывпакетов. Черные борозды развороченной гусеницами земли. Пространство окружающего мира сжалось до этого очерченного с четырех сторон лесом поля с наблюдательной вышкой посередине. Трижды ревущей лавиной накатывались на нас танки, вползали на гребень узкого, длинного холма, оставляя позади себя густую пелену дыма, и, остановленные сигналом, замирали, а потом ползли вниз в холодный сумрак, к опушке, недовольно рыча, покачивая стволами орудий, чтобы все повторить сначала: перестроение во взводные колонны, затем в боевую линию, бросок вперед на скорости, поворот по фронту, рывок на холм...

— Чай, товарищ генерал.— Прапорщик ставит на обледенелый парашют вышки стакан густого чая.

Генерал скашивает взгляд на стакан. Но только на мгновение, чтобы тут же вновь влипнуть глазами в эллипс прибора наблюдения. Отрывисто произносит:

— Отставить чай...—И радисту:— Все сначала, по готовности.

Есть вещи, существующие за пределами понимания невоенного человека. Одна из них — синхронность действия боевых машин. Синхронность, возведенная в абсолют. Понимаю, чего добивается генерал лишь умозрительно: танки должны преодолеть зону обстрела максимально быстро, затем неожиданным маневром сбить условного противника с толку и внезапно зайти ему во фланг. И все-таки многотонные машины — не спичечные коробочки, даже не «бэтэры», добиться от них искомой синхронности очень трудно. Но в армии понятие «трудно» лежит на одной грани с нормой. Больше того, такого понятия просто не существует, если оно препятствует выполнению задачи.

Вспоминаю холодный, продуваемый февральскими ветрами полигон. Тридцатиградусный мороз. Один из атакующих танков провалился под лед заболоченного озера и увяз по самую башню. Чтобы вытащить его из трясины, нужно было зацепить петлей троса за нижний крюк. Семь раз погружался в ледяную воду сержант Павлов. Это было непредставимо трудно — заставить себя делать очередную попытку нащупать под водой крюк, разжать пружину запора, надеть петлю. Павлов потерял способность разговаривать, он уже не реагировал на холод, но продолжал попытки спасти машину. И победил.

Вспоминаю невысокого русоволосого Игоря Федюнина и его напарника Вячеслава Козловского, запертых непрекращающимся бурном в отсеке крошечной РЛС на побережье. Трое суток к ним не могла пробиться смена, но станция продолжала работать. И двое солдат без пищи, без сна семьдесят два часа не спускали глаз с мерцающих экранов.

Помню десантников разведроты лейтенанта Никифорова (впрочем, теперь

Рассказы о современной армии

Владислав ЯНЕЛИС.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

уже, наверное, далеко не лейтенанта), которые прошли по отвесным скалам, чтобы внезапно появиться в тылу у «противника». Их маршрут потом был квалифицирован как высшая категория сложности, доступная лишь считанному числу спортсменов-специалистов. А у разведчиков Никифорова в активе было всего по полтора-два десятка часов горной подготовки.

Но ведь Никифоров мог выбрать иной маршрут, менее рискованный. В конце концов это были только учения, игра, пусть даже очень серьезная. «Зачем же было самим себе создавать дополни-

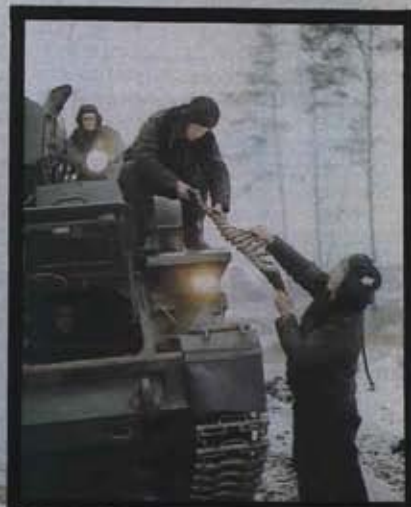
ЭКИПА

тельные трудности?» — спросил я потом Никифорова. «При чем тут трудности, перед нами поставлена задача, мы обязаны ее выполнить, остальное не в счет», — ответил лейтенант.

Может быть, потому на танкодроме генерал еще и еще раз посылал в атаку грохочущую стальную лавину, добиваясь безукоризненного сопряжения времени и возможностей боевой техники, что руководствовался принципом не как проще, а как лучше выполнить тактическую задачу. К тому же танки были только одной из составляющих сил атаки. В современном бою, где счет време-

щелчок пружины, сильное рукопожатие, и смотрит на носки своих заляпанных грязью сапог. Ему никогда еще не пожимал руку генерал, и его мучит мысль, что рядом нет Николая и Володи и что они не поверят, расскажи им Тадас о своей встрече с генералом. У генерала правая бровь чуть выше левой, седые виски, подбородок с ямочкой. Он без перчаток и без шарфа, несмотря на холодный ветер, и это Тадасу нравится. И еще ему нравится, что генерал говорит ему «вы» и не называет сыном. Генералу, наверное, сорок с небольшим, его легко можно представить в трениро-

**ПЕРЕД
АТАКОЙ.**

**НАСТРОЕНИЕ
ОТЛИЧНОЕ.**

КЛАССЫ МУЖЕСТВА.

ни идет на секунды, нет пауз, понятие взаимодействия сил и средств достигло высочайшего уровня. Вместе с танками в том же квадрате работает авиация, артиллерия, инженерно-саперные подразделения, у них разные роли, но они вписаны в один сценарий.

В четвертый раз взметываются над полем бурые клубы дыма, танки устремляются к гребню холма, пережевывая гусеницами вязкое месиво глины и снега. Вот они, достигнув невидимого рубежа, резко сворачивают влево, будто бы уходя из-под обстрела. И на свободном пространстве полигона вспыхивают рождечки взрывов, имитирующие огневой налет. Новый поворот, но теперь уже вправо, рывок на холм...

Генерал кивает головой.

— Так... Еще быстрее... Так... — И не оборачиваясь: — Узнайте, кто командир 212-го, и после атаки ко мне...

— Это сажиновский экипаж, товарищ генерал, — напоминает кто-то за спиной.

Генерал отрывает взгляд от прибора, морщит лоб:

— Сажиновский... Ну и хорошо, раз так.

...Тадас стоит перед генералом, все еще ощущая ладонью его короткое, как

Каким будет завтрашний день сибирских нефтепромыслов, решается сегодня. Лугинецкое месторождение в Томской области молодо, оно переживает сейчас период становления. Есть первые успехи, но уже очевидны и просчеты...

Виктор ЛОЙША

Земля помнит своих открывателей. Геофизик Иван Лугинец отдал жизнь на изучение нефтеносности томского Приобья. Он был одним из тех, кто делал Большое Открытие.

Когда Лугинец умер, друзья назвали в его честь большую тектоническую структуру, увиденную приборами сквозь трехкилометровую толщу пород. Структура оказалась не просто перспективной: после прихода сюда геологоразведки на карте появилось Лугинецкое нефтегазовое месторождение.

Так родился третий промысловый район Томской области...

— Поглядите-ка, нефть у нас просто золотая!— восхищается Станислав Кабанов, главный инженер Лугинецкнефти.— Да нет, не в финансовом смысле. Я про цвет говорю: зимой на снегу брызги нашей нефти отливают прямо-таки золотом. Ну, а качество... Легкая, мало-сернистая, почти без парафинов— цены ей нет!

Он встряхивает склянку. Жидкость плещется, как лимонад, не оставляя потеков на стенках сосуда.

— Ну как? Не мазут, нет, не мазут...

Был у нас однажды случай: поздней осенью промысел оказался без дизельного топлива. Старое кончилось, новое еще не успели завезти— зимник через болота еще только строился... И что же? Пришлось проявить хулиганскую инициативу. Пару недель, пока не подвезли солярку, вся промысловая техника работала на нашей нефти. Без всякой очистки. Конечно, опыт этот— не для распространения, но все же о чем-то говорит, а?..

Золотистость и легкость—

это, конечно, достоинства лугинецкой нефти.

Но эти качества означают также высокое содержание газа: по многим скважинам— тысяча и более кубометров на тонну нефти. Брать такое сырье

томские нефтяники не научены: в области еще не вводились месторождения, подобные Лугинецкому. Впрочем, аналогов мало и в целом по стране. Для того, чтобы наладить интенсивную разработку месторождения, нужно детальнейшим образом изучить его особенности. Нужны тщательные промыслово-геофизические исследования. Требуется пристальное внимание ведомственной науки (да и не только ведомственной: Томск богат вузами, академическими институтами); нужен добротный авторский надзор проектировщиков из Гипротюменьнефтегаза.

Словом, научно-технический прогресс не должен обойти Лугинецкого.

Но пока это только благое пожелание.

Лишь недавно, в июне,

появился наконец на Лугинецком

свой геолог,

толковый и опытный

специалист. Сергей

Седунов

пришел

из другой

отрасли:

Васюганская

нефте-

разведочная

экспедиция.

Экспедиция «Смены»: Западная Сибирь— люди, проблемы, факты

УСПЕХ ДОБЫТЧИКОВ НЕВОЗМОЖЕН БЕЗ ТОЧНОГО ПРОГНОЗА, СЧИТАЕТ СТАРШИЙ ГЕОЛОГ ЛУГИНЕЦКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ СЕРГЕЙ СЕДУНОВ.

Фото Альберта ЛЕХМУСА

ЛУГИНЕЦКАЯ НЕФТЬ

где он работал, входит в систему Министерства геологии СССР. Разведывать месторождения и разрабатывать их совсем не одно и то же — Сергей многое осваивает на месте. Отбор глубинных проб, изучение гидродинамических характеристик пласта, экспериментальные режимы работы скважин... Исследования пришлось начинать чуть ли не с нуля. Но пришлось, ибо без них нельзя грамотно эксплуатировать месторождение. Можно лишь загробить залежь; увы, примеров такого «хватательного» подхода к недрам Западной Сибири можно найти уже немало.

Отдадим должное томским эксплуатационникам: зная чрезвычайную геологическую сложность Лугинецкого, они не форсировали его разработку, бережно подходя к месторождению. Первые тонны сырья здесь были получены еще в декабре 1982-го, а месторождение и сегодня работает в щадящем режиме. Но вот создано нефтегазодобывающее управление, хозрасчетная организация,

и неизбежно должен вступить в действие плановый механизм наращивания объемов. План — закон, но не случится ли так, что в борьбе за его выполнение забудут об охране недр?

— Нет, не случится, — уверенно отвечает Седунов.

Не надо считать его «одиноким борцом с земным притяжением». Геологическими проблемами равно озабочены другие руководители Лугинецкнефти — начальник нефтегазодобывающего управления Станислав Каминский и главный инженер Кабанов (кстати, все трое — ровесники: тридцать плюс-минус два года).

Вполне однозначно оценивает ситуацию и Александр Шкуров, генеральный директор объединения «Томскнефть».

— В чем главная особенность Лугинецкого? Содержание сразу трех видов углеводородного сырья: нефти, газа и конденсата. И все три компонента нужно брать из глубин одновременно. Газу тут много, очень много. Чтобы не

создавать диспропорций, мы намерены временно сместить участок добычи к тому крылу месторождения, которое не имеет газовой «шапки». Учитывается и транспортная схема: совсем недалеко Моисеевка...

Моисеевка — вспомогательная база Лугинецкого, здесь единственный в округе песчаный карьер. Песок для нефтяников Западной Сибири порою дороже золота — на иные месторождения его приходится завозить за сотни верст. Но что поделаешь? Он необходим и для прокладки внутрипромысловых дорог, и для отсыпки оснований под буровые кусты. Лугинецкому в этом смысле, можно считать, повезло — в считанных километрах песчаная залежь. Впрочем, везение относительное: дорог-то здесь все равно нет, буровики работают по колено

**ПОСЛЕ
ТЯЖЕЛОЙ РАБОТЫ
ХОРОШО ЧАЙКОМ ПОБАЛОВАТЬСЯ.**

в болотной жиже, особенно после дождей. Заметим: в деле обустройства Лугинецкое незаслуженно оказалось в положении нелюбимого пасынка. Здесь повторены худшие образцы позавчерашней тактики освоения западносибирской нефти. Повторены без малейших оправданий, без так называемой производственной необходимости.

Невольно напрашивается сравнение. Совсем недавно введено в эксплуатацию Малореченское месторождение неподалеку от Стрежевого, нефтяной «столицы» Томской области. Несмотря на стопроцентную заболоченность тер-

ритории, Малореченское можно прошагать из конца в конец, что называется, сухой ногой. Мало того, что все точки связаны между собой лежневкой, — его еще пересекает и бетонка.

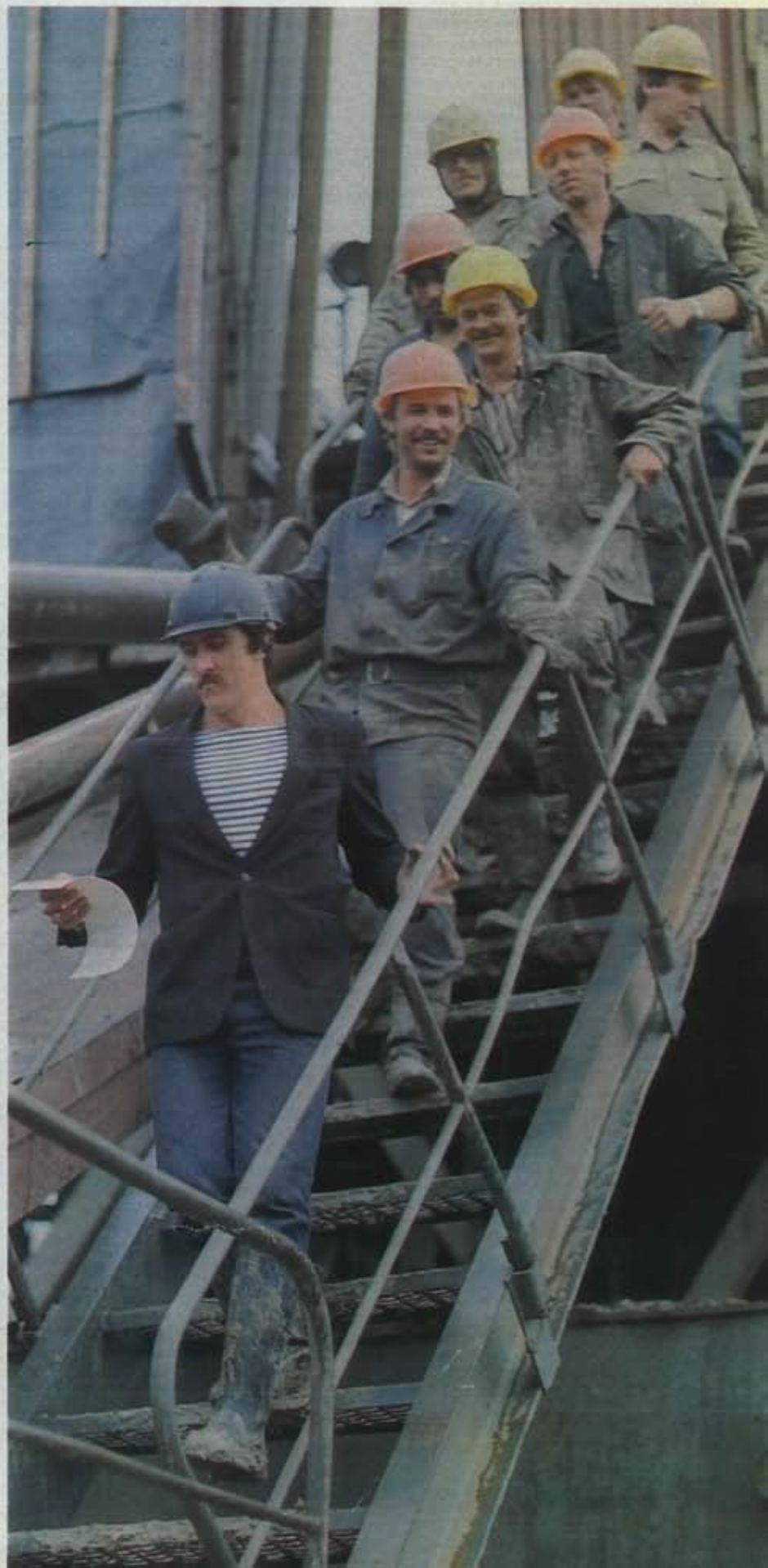
— Малоречка? Так там же прорва техники! — сказали нам всезнающие вахтовики. — А у нас?

Перечень оказался недлинным. Трубоукладчик, вечно ломающийся трелевочный трактор и вовсе на работающая сваебойка — вот весь парк строителей. До наступления зимы, до сильных морозов он уже не пополнится. Не лучшее техническое оснащение и у промысловиков: один-единственный гусеничный вездеход для переброски людей по бездорожью. Откровенно плохо налажена связь. Нет ремонтных служб. Как выкручиваются? Вот пример.

...Седунова подняли среди ночи.

БОЛЬШАЯ НЕФТЬ — ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ИНЖЕНЕРНЫЙ РАСЧЕТ.

БРИГАДА ВЯЧЕСЛАВА ЛАПШИНА — ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ.

— Начальник! — прокричали хрипло и тревожно. — Вставай, беда!

Сергей оставался на промысле старшим по должности, и никого не интересовало, связано ли ночное ЧП со служебными обязанностями главного геолога: беда есть беда. И еще не проснувшись толком (до этого был изнурительно долгий рабочий день на дальней точке), он уже натягивал резиновые высокие сапоги и набрасывал брезентовую хрустящую куртку. Только потом спросил: в чем дело? Оказалось, прорвало нефтепровод.

— Сильно хлещет?
— Прилично. Надо вызывать аварийщиков.

— Сами не справимся?
— Черт его знает...

Дозвониться до поселка Пионерский оказалось на сей раз несложно, но утешение в том было небольшое: аварийно-ремонтная команда до утра прибыть не могла. Нелетная погода.

— Ясно. — Он бросил трубку. — Будем действовать самостоятельно, — сказал хмурым операторам.

И пошел туда, где авария.

В нефтяной отрасли трудятся универсалы. Как бы ни были специализированы функции того или иного человека, он знает работу и своих смежников. Промысел — понятие локальное, тут все и всё на виду. И в этот раз нашлись люди, которые не только видели, как ликвидируются подобные аварии, но и сами принимали участие в таких операциях... Возились, конечно, всю ночь, но дело сделали и прорыв в трубе залатали надежно. Прилетевшим аварийщикам оставалось оценить их труд. И тут невольно напрашивается вопрос: а понадобится ли это сверхнапряжение, если бы промысел развивался ритмично?

Как ни странно, обустройство месторождения затянулось именно из-за его перспективности. Лугинецкое входило в ведение Васюганнефти и было для васюганцев чем-то вроде аппендикса: далеко и не слишком тревожно. Тем более, что в Васюгане знали: рано или поздно здесь появится свое управление. Вопрос об организации Лугинецнефти решался очень долго. Миннефтепром то возражал, то требовал согласований, а номинальные хозяева действовали по старому принципу: своя рубашка ближе к телу. Когда, наконец, был издан приказ о формировании новых управленческих структур, их техническая база лишь едва поднялась над нулевой отметкой.

Впереди у лугинчан — горячая зима. За полгода управлению предстоит пройти путь от младенчества до взрослости. Удастся ли?

— Бывало и посложней, — сказал Станислав Кабанов.

Впрочем, не надо считать, что все, связанное с месторождением, проблематично. Многие вопросы тут решаются порою с завидной оперативностью.

Прежде всего это касается соцкультбыта. Фору во времени, данную эксплуатационниками, строители использовали в этих делах как надо. Лугинецкое успешно миновало стадию палаток и передвижных вагончиков: люди живут в прекрасном вахтовом общежитии, собранном из чешских модулей. Еще одно общежитие, на сей раз отечественное, было заселено в конце лета. Есть баня, есть столовая, рассчитанная на перспективу. Тут Лугинецкому повезло: во главе строителей его объектов оказался Филипп Маловата, толковый инженер, приехавший в Сибирь из Молдавии. В поисках простора, как он сам выразился.

Чего-чего, а простора здесь хватает. Третий нефтяной район в отличие от двух первых расположен не к северу от Томска, а к юго-западу, на границе с Новосибирской и Омской областями. Исторически сложилось так, что территория эта оказалась одной из самых малозаселенных в области; это объясняется тем, что пришлое население тяготело к транспортным путям — рекам, а в районе Лугинецкого крупных рек нет. Тайга, глушь...

Привлечь сюда рабочий люд ох как непросто! Хотя... Сибирь вся испытывает хронический кадровый голод. Только в последние несколько лет положение стало меняться к лучшему. Помог вахтовый метод, основанный на принципе «базовый город — вахта». У томских нефтяников есть своего рода образец базового города — это Стрежевой, жители которого осваивают и первый, и второй промысловые районы. Но до Лугинецкого от Стрежевого семьсот километров. Потому решено было строить свой вахтовый центр. Имя будущего города — Кедровый.

Его возводят подразделения Минстроя СССР. Добротню делают, на совесть. Но Борис Мальцев, начальник Томского территориального управления строительства, недоволен:

— Мал размах!

Он добился в министерстве разрешения создать для сооружения Кедрового специальный трест. Он воюет с нефтяниками: ассигнуйте больше средств — освоение гарантировано! Он запретил своим подчиненным валить великолепный хвойный лес, в котором по плану строится город (создать асфальтовую пустыню, а потом озеленять ее?), и потребовал от архитекторов перенести главные площади застройки в сторону, на таежную пустошь.

Трудно вообще остаться равнодушным, прикоснувшись к делам Лугинецкого нефтяного района. Энтузиазма достает всем. Задан был этот настрой еще несколько лет назад, когда томики по инициативе областной парторганизации (и вопреки тогдашнему руководству Миннефтепрома) приступили к освоению Лугинецкого. Объявили его ударной комсомольской стройкой и за одну-единственную зиму проложили стаеми-десятикилометровые трассы нефтепровода и ЛЭП. Тут и впрямь трудилась вся область: томские заводы изготавливали недостающую оснастку, лесопромышленные комбинаты гнали таежные просеки, студенты-политехники потратили зимние каникулы на сборку опор... Это и было то, что имел в виду Кабанов, говоря, что «бывало и посложней». А если говорить об издержках роста, то проистекают они не от того, что начали рано, а как раз наоборот. Не будь руководители нефтяной отрасли оглушены фанфарным гулом Самолтора, они бы вовремя поняли перспективность освоения многих площадей, подобных Лугинецкой...

Уже после сдачи этого номера журнала в набор мы созвонились с поселком Центральным на Лугинецком промысле. Трубку снял Сергей Седунов. Слышимость была отличная, значит, связь налаживается, да и Сергей это подтвердил.

И вот последние лугинецкие новости. Город Кедровый обзавелся своим гербом. На геральдическом щите есть полный набор сибирских атрибутов: нефтяная вышка, вертолет, веточка кедра... Герб скорее всего временный — придумывали-то его самодеятельные художники, но патриотизм местных жителей налицо.

Для обслуживания третьего нефтяного района создано управление технологического транспорта. А трест Томскнефтьстрой выделил для работы здесь целое СМУ.

Организован лугинецкий объединенный партком. Объединенный значит надведомственный, объемлющий первичные организации добытчиков и буровиков, строителей и транспортников. Очень хорошо: не будет размежевания в угоду узкопрофессиональным интересам. Секретарем парткома избран Валерий Курбатов, до этого — первый секретарь Томского обкома комсомола. Вот какое значение придает Лугинецкому району областная парторганизация!

— А погода как? — спросили мы Сергея. — Комары больше не докучают?

— Ох, — вздохнул он, — единственное по-настоящему дикое животное на свете!.. Нет, не докучают. Улетели на юг. Теперь у нас другие проблемы. Хотя комары — это разве проблема?

Нравственная норма

Борис БАЛКАРЕЙ

Письмо с правдивыми показаниями Овчинников написал сразу после суда, но так и не отправил его. Последнее время письмо постоянно стояло перед глазами, мучило, не давало спать. Как он казнил себя, считая, что по его вине ребят осудили на семь лет! Казнить-то казнил, однако ничего не мог поделать с собой...

Нельзя сказать, чтобы учеба в горном техникуме давалась Валентину Овчинникову легко. Но он упорно корпел все четыре года. Чертить легко и красиво так и не научился. Было бы, однако, обидно поскользнуться на финише. И он дни и ночи напролет не отходил от листа ватмана. И когда очертания машины и пласта в забое, как и полагалось, стали ясными и четкими, гора свалилась у него с плеч. Теперь он обязательно защитится, а там... Будущая самостоятельная жизнь мерцала светлыми далами и предвещала в его воображении изумительной красоты вершинами сопок, окружающих их Партизанск. Эх, Овчинников, Овчинников... Знать бы тебе, каким долгим и тягостным будет путь наверх, может, все получилось бы по-иному.

...До защиты дипломов оставалось три дня. Они получили свою последнюю стипендию и решили отметить это событие. Расположились на живописной поляне рядом с заброшенной шахтой под раскидистым ельником. Стоял июнь, сияло солнце, и, казалось, лучшего места для пикника не найти. Пирушка была в разгаре, когда на противоположной стороне поляны появилась компания взрослых мужчин. У них тоже был повод. Двадцатипятилетнему бригадиру электрослесарей местного пивзавода Сергею Губанову вернули долг, и он решил угостить старшего брата Анатолия с приятелями.

Обе компании разделяло метров пятьдесят, и ничего удивительного не было в том, что они в конце концов познакомились. Подогретым выпитым, они не могли нахвалиться собственной удачей. Светловолосый, говорливый Сергей Губанов рассказывал, что служил в десанте, что ему одному ничего не стоит справиться с тремя...

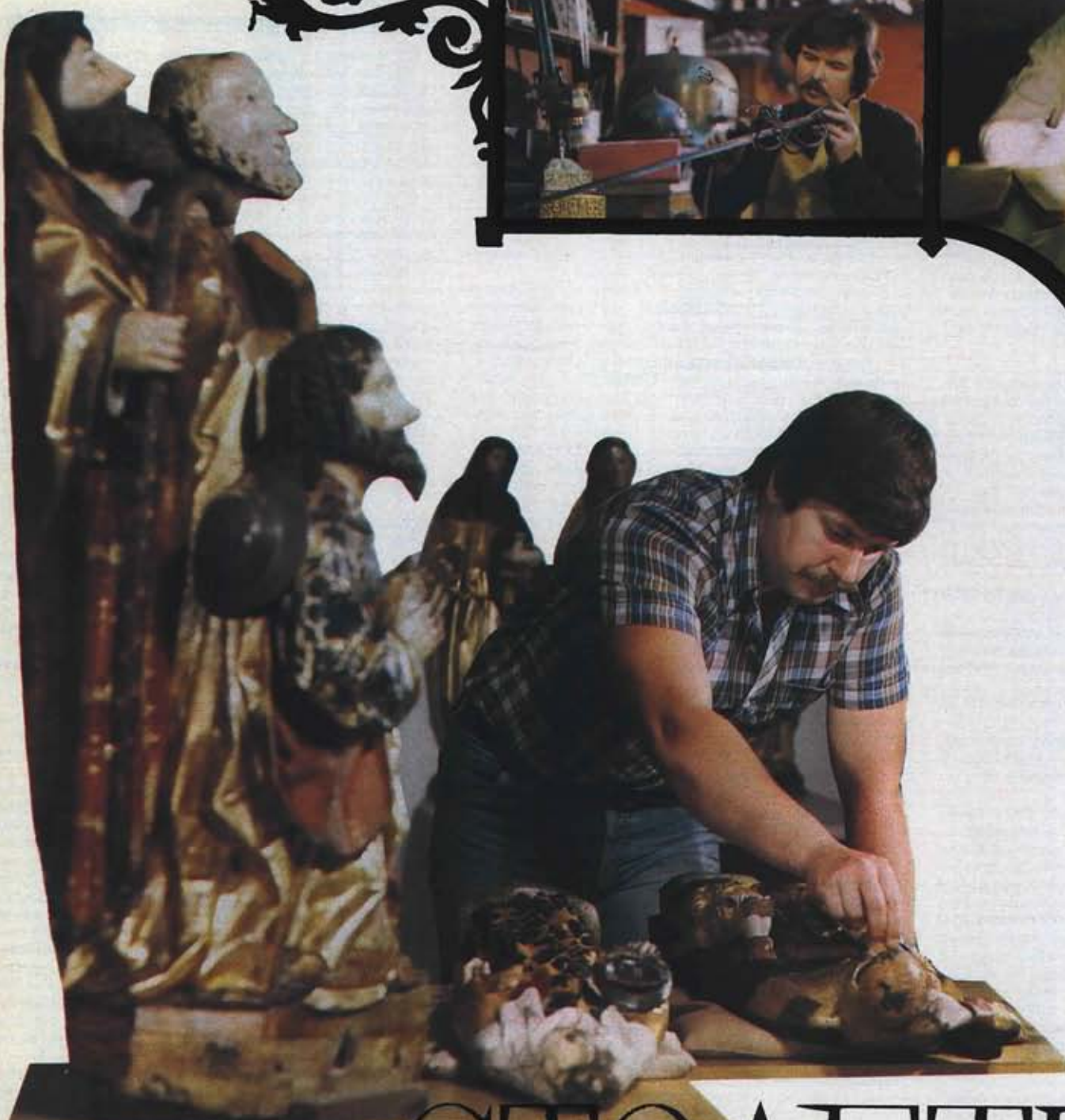
...Когда Овчинников проснулся, солнце уже упало за сопку. Хмель прошел. Ребята между тем собирались домой. Среди них Овчинников неожиданно заметил Сергея Губанова — единственного из чужой компании. Покачиваясь, тот держал на плече коробку с мармеладом. Валентин вспомнил, как светловолосый угощал его, как они чокнулись стаканами, как тот еще покровительственно хлопал Овчинникова по плечу: мол, знай наших! Сейчас, видно, груз был ему не по силам. Овчинников подумал, что добром это не кончится. «Почему он с нами?» — спросил Валентин у своих приятелей. «Да те просили проводить его домой».

Странно? Да нет. Когда ребята знакомились, выяснилось, что один из них, Саша, знал Сергея и раньше.

— На, неси! — сказал Сергей Губанов и протянул Сашке коробку. — Ты молодой, здоровый...

Они стали взбираться на сопку по обсаженной дубняком дороге. То, что случилось потом, Овчинникову до сих пор не забыть. Он обернулся на шум и увидел, как светловолосый бьет Сашку. Сашка упал, а к светловолосому бросился Гена, и они сцепились на обочине дороги. Губанов был сильнее и тяжелее, подмял Генку под себя, начал душить. В потасовку включился и Андрей... Прошло несколько мгновений, прежде чем Овчинников сумел растащить их. «Ребята, успокойтесь, он же пьяный!» Губанов лежал на траве и тихо ругался. Овчинников подумал, что не надо было бы оставлять его здесь одного. Но если взять его с собой, все может повториться. И они ушли. Сашка прихватил валявшийся на земле мармелад. «Завтра отдам, — сказал он ребятам, — пусть проспится». По дороге домой на улице Зеленой они встретили стайку мальчишек. «Налетай, ребята!» — сказал Сашка и поставил сласти на лавку. Остатки мармелада унес домой...

Перед защитой дипломов техникум гудел, как растревоженный улей: выпускников Александра Маслова, Геннадия Губарева и Андрея Порваткина арестовали за драку на поляне. Овчинникову то и дело приходилось рассказывать подробности. «Ничего им не будет, — было общее мнение, — не они же первые начинали».

И ДРЕВНИЕ ПАРФЯНСКИЕ РИТНЫ, И СКУЛЬПТУРЫ ТАЛИНСКИХ АЛТАРЕЙ, И БЕСПЕННЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУКОПИСИ ОБРЕТАЮТ ПОД РУКАМИ УЧЕНЫХ-РЕСТАВРАТОРОВ ВТОРУЮ ЖИЗНЬ.

СТОЛЕТИЯМ

Олег ДЗЮБА.
Фото Альберта СИБИРЯКОВА

В пору было подумать, что под прозрачной крышечкой ящичка, который на моих глазах бережно извлекли из сейфа, хранилась коллекция бабочек. Желтоватые чешуйки на дне напоминали лепестки крылышек с едва различимым рисунком. Но эти непривычные для глаза значки оставила рука человека, и для специалистов они драгоценней редкостного собрания изящных насекомых.

Стеклянная пластинка хранила от случайных прикосновений загадки древней Бактрии, государства, некогда существовавшего на территории Средней Азии. О жизни и культуре бактрийцев мы знаем крайне мало. Редкие образцы письменности уцелели в основном на монетах и осколках керамики. Фрагменты бактрийских рукописей, известные ученым до этой сенсационной находки, перечислить проще, чем земные материки, — всего два-три музея мира упоминают их в каталогах. Расшифровка содержания уникальных находок экспедиции Ташкентского института искусствознания имени Хамзы может стать одним из крупнейших событий в археологии двадцатого века. Но пока удалось прочесть единственное слово, вечно значимое для

обитателей жарких краев, слово «вода». Рукописи бактрийцев все еще молчат, потому что нет возможности даже разложить эти «лепестки» на столе исследователя.

Время спаяло обрывки в неразделимые комочки, состоящие по меньшей мере из десяти слоев. Они могут и должны стать ценнейшими историческими документами, но сделать их доступными для прочтения еще предстоит. Поэтому редчайшие находки и прибыли из Ташкента в Москву, во Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации.

Неведомо содержание рукописей, неизвестен и материал, на котором выводили знаки своей письменности древние бактрийцы. Ясно лишь, что это не бумага и не пергамент. Скорее всего бактрийские писцы пользовались материалами растительного происхождения, вероятно, берестой или пальмовыми листьями.

Начальник отдела прикладного искусства, доктор исторических наук Олег Владимирович Обельченко пояснил, что берестой, использовавшейся для письма новгородцами, отнюдь не пренебрегали и на Востоке.

— Знаете, — сказал он, — бересте человеческая цивилизация обязана не меньше, чем

пapiroсу. Сохранились даже древнеиндийские миниатюры, выполненные на коре гималайской березы. Наши исследователи сейчас и работают над опознанием материала рукописей...

Термин из следственной практики не казался мне чужеродным в лабораториях реставраторов. Рассказ заведующей сектором волокнистых материалов Нелли Викторовны Переудиной и ведущего специалиста по консервации дерева Галины Ивановны Рымарь о предварительном изучении бактрийских писем выглядел занимательней иного детектива.

Чтобы прочесть рукописи, пластинки неизвестного пока материала необходимо разделить и законсервировать. Однако даже при легчайшем прикосновении иглой или кистью найденное при раскопках вблизи узбекского города Термеза может превратиться в пыль. А разработать методику консервации невозможно, не установив, на чем писали бактрийцы.

Прежде всего исследователи обратились на биологический факультет МГУ, надеясь отыскать сходные образцы в каталогах растений. Увы, в коллекциях ботаников ничего подобного не оказалось. На первый-взгляд

легче всего найти ответ с помощью химических анализов, ведь известно, что за годы и века, пока береста находится в земле, в ней накапливаются определенные вещества. Но для точного анализа пришлось бы пожертвовать несколькими граммами находок, а для историков важна каждая частичка рукописи. Ценность писем из окрестностей Термеза невозможно преувеличить. Они предварительно датируются I—II веками нашей эры и на несколько столетий древнее, чем уже известные науке...

Круг интересов ВНИИ реставрации трудно обозреть за одно посещение его лабораторий. Здесь возрождают древнерусскую живопись и старинные знамена из музея в Сухуми. В перечне работ реставраторов реликвия никарагуанской революции — знамя с подписью «генерала простых людей» Аугусто Сандино и яхта «Гранма», с которой высаживался на Кубу первый десант революционеров, возглавляемый Фиделем Кастро, пушки с пакетботов Беринга, найденные на Командорских островах, и «Изборник Святослова» — знаменитый древнерусский манускрипт одиннадцатого столетия, персидские ковры из Бахчисарая и панно Бетховенского зала Большого театра, иконы кремлевских соборов и росписи

рым возвращали здесь первоначальный облик...

Еще сновали по морям парусники ганзейских купцов, еще не были достроены знаменитые готические соборы и всего лишь тринадцать лет исполнилось Альбрехту Дюреру, когда по заказу ревельских горожан в мастерской Хермена Роде, художника из вольного города Любека, ваялись эти скульптуры. У Роде в искусстве был соперник. Заказчики, словно желая сравнить их мастерство, обратились к нему. Так появились в Таллине два позднеготических алтаря Хермена Роде и Берндта Нотке, каждый из которых считал бы ныне за честь иметь в своих музеях любой город Европы.

Нельзя сказать, чтобы ревельцы, а впоследствии таллинцы безразлично относились к драгоценным творениям Нотке и Роде. За пятьсот лет их обновляли уже не единожды. Но благородство намерений значительно превышало результаты. Стоило посмотреть на фотографии, сделанные перед началом реставрации, чтобы без объяснений понять, почему специалисты назвали первые впечатления после осмотра алтарей «безотрадными». Безотрадным выглядело то, что увидели реставраторы. Ну, а скрытое от глаз? Последовало тщательное технико-технологическое исследование, фотографирование живописи и скульптуры в инфракрасных и рентгеновских лучах. Это дало ценнейший материал для искусствоведов, поскольку выявились скрытые красками и грунтом наброски художника. Реставраторов изучение убедило, что восстановление первоначального облика алтарей куда сложнее, чем можно было предположить.

Когда я вошел в зал, одна из скульптур работы Роде как раз находилась на столе, напоминавшем операционный. Инструменты, поблескивавшие в руках реставраторов, тоже походили на хирургические, но я уже знал, что разрабатывать их сотрудникам института пришлось самостоятельно. Александр Богданов, занятый расчисткой лика скульптуры, уступил окуляр микроскопа. При сорократном увеличении «грань веков», подсвеченная специальной лампой, выглядела особенно рельефно. Контраст между расчищенным участком и фрагментом скульптуры, еще не затронутым реставратором, был очевиден. Освобожденный от поздних мазков, от многовековой копоти и пыли лик смотрелся светлым и праздничным. Не дни и не месяцы требуются реставраторам, чтобы зрители смогли ощутить, почему же так поражали современников таллинские алтари. Годы миновали, прежде чем на родине Роде и Нотке в ганзейском городе Любеке тамошние специалисты аплодисментами встречали доклад советских реставраторов об их успешной работе.

Нередко, стараясь подчеркнуть достоинства сотворенного в наше время, мы упоминаем о вековых традициях.

— Но их-то в реставрации, по сути дела, нет,— сказал мне заведующий сектором полихромной скульптуры Николай Георгиевич Брегман.— Вернее, традиции существуют, но в сравнении с возрастом памятника они совсем молоды. И что считать традицией? Традицией, на мой взгляд, должно стать понимание того, что каждый памятник по-своему уникален, значит, и технология работы над ним во многом индивидуальна. И как можно меньше домысливать, иначе... искажения неизбежны. К тому же мы работаем не для себя, надо думать о том, что ждет памятник после реставрации.

— Но разве ему может что-либо угрожать?

— Скажем, на скульптурах и алтарных створках Роде есть участки, покрытые синей краской. Удалять запись, не повреждая слоя этой краски—азурита, мы уже умеем. Но экспонироваться скульптуры будут не в стеклянной витрине, а в большом зале, где поддерживать идеальные условия еще не удается. Мы не стремимся к полному раскрытию авторского слоя, пока нет возможности обеспечить хранение так, чтобы ни один из элементов не пострадал. Иначе памятник вновь окажется под ударом времени. А реставраторы для того и работают, чтобы путешествие памятников во времени стало если и не бесконечным, то неизмеримо долгим и продолжалось в тех эпохах, куда никому из нас уже не удастся заглянуть...

штатулки с потайным дном, а порой и не одним. Бывает, что поздние «записи» на иконах сами по себе представляют немалую художественную ценность. Поэтому во ВНИИРе и была, в частности, разработана методика сохранения и переноса на новую основу таких живописных слоев. На выставке «Реставрация музейных ценностей в СССР» многие посетители, буквально не веря глазам своим, разглядывали иконы, реставрированные Ольгой Лелековой. Рядом с живописью, освобожденной от поздних наслоений, экспонировались перенесенные на другие доски

сти, которые подносили на придворных пирах парфянским богатырям, грабители пренебрегли либо просто не смогли их унести. Вроде бы этим античным «кубкам Большого орла» уже ничто не могло угрожать, но... через тридцать пять лет после находки ритоны, упоминаемые ныне в любой монографии по истории искусств, вновь заставили тревожиться об их судьбе.

Слоновая кость способна храниться столетиями, но и сверхстойкие материалы имеют пределы выносливости. Вскоре после раскопок ритоны были бережно реставрированы,

ВОШПРЕНКИ

самаркандского мавзолея Гур-Эмир, буддийские скульптуры из Государственного музея искусств народов Востока и египетские маски из литовского музея. Многие из этих памятников невозможно доставить в лаборатории, поэтому сотрудники института постоянно в разъездах, постоянно в экспедициях.

Без преувеличения можно сказать, что большинство объектов реставрации, привлекающие внимание ученых, не просто редки, но уникальны. Для изучения их разрабатываются все новые, и новые методики, и закономерно, что в штате сотрудников института не только художники, искусствоведы, историки, но и физики, химики, рентгенологи, специалисты по технологии разнообразных материалов, от тканей до металла.

Необходимость их работ становится понятна, стоит только вдуматься в смысл слов «научная реставрация».

Во время оно мастер, приглашенный вернуть старинной картине первоначальный облик, не слишком утруждал себя раздумьями. Чаще всего он просто брался за кисть и, более или менее придерживаясь авторского замысла, накладывал поверх старой живописи свои мазки. Не случайно многие древнерусские иконы с течением столетий стали напоминать

«записи», отмеченные несомненным талантом художника. Но... мастер, действовавший подобным образом, в лучшем случае лишь сберегал оригинальную живопись для будущего. Специалисты же института считают истинной реставрацией восстановление первоначального авторского исполнения, причем при минимальном вмешательстве в подлинник. Пожалуй, самый многоотраслевой отдел в институте—это отдел прикладного искусства. Казалось, что знойное солнце юга вновь коснулось моего лица, когда после бактрийских рукописей я увидел творения мастеров древней Парфии, обнаруженные в 1948 году близ Ашхабада.

Парфянское царство, образовавшееся после распада державы Александра Македонского, соперничало с Древним Римом. Немногочисленный, но воинственный народ, как писал о парфянах современный историк, громил даже легионы Красса.

Еще студентом Олег Владимирович Обельченко участвовал в раскопках, где археологи обнаружили разграбленную за много веков до их приезда сокровищницу парфянских царей. К счастью, охотников за сокровищами в старину манило прежде всего золото. Ритонами—ритуальными кубками из слоновой ко-

онда методика, доступная в пятидесятые годы, как теперь выяснилось, оказалась несовершенной. Фрагменты тончайшей резьбы, запечатлевшей сцены из античной мифологии, стали осыпаться. Узнав об этом, Обельченко вылетел в Ашхабад и по договоренности с музеем, где они хранились, привез в институт два кубка, чтобы возможно скорее разработать новую методику переконсервации, не дать памятникам погибнуть.

Получается, что в задачи института входит еще и поиск памятников, нуждающихся в срочной помощи. А чтобы уменьшить вероятность вмешательства такой вот реставрационной неотложки, ВНИИР работает и над проблемой консервации памятников непосредственно в условиях экспедиций, стремясь максимально снизить вредное воздействие непривычной для находок окружающей среды.

...Увидев в просторном сводчатом зале фисгармонию, взял несколько аккордов. Тягучие, слегка напоминающие орган, но лишенные его мощи звуки гулко отдались под сводами. Непривычное для нашего электронного столетия звучание старого инструмента оказалось удивительно созвучным деревянным скульптурам таллинских алтарей, кото-

Шаварш КАРАПЕТЯН:

ВЕРИТЬ В СЕБЯ

Благородство и мужество — категории вневременные. Подвигу Шаварша Карапетяна уже немало лет. О нем рассказано в печати, по телевидению, в кино. А письма — взволнованные, неоднозначные — все идут и идут потоком в редакции, к самому Шаваршу. В них — вопросы, просьбы, откровения, сомнения... На некоторые из писем Шаварш Карапетян отвечает со страниц «Смены».

Письмо из Курска: «...Наш отдел гудел, восхищаясь и сочувствуя, а я забила в угол, взяла в руки газету и погрузилась в мутные воды. Я вместе с Вами задыхалась, погибала и спасала, спасала людей. Несколько дней я пребывала в таком состоянии, несколько дней — простите мне эту дерзость — я жила рядом с Вами. Ваш подвиг сродни подвигам богатырей. Сказка тем и прекрасна, что неправдоподобна, а Вы живы (благодарение судьбе и врачам!). Вы есть, и все, что было в тот сентябрьский день, — правда. Честно говоря, я думала, что таких людей уже нет.

Мне раньше и в голову не приходило написать какому-то газетному герою. Только в Вас я действительно увидела того человека, на которого нужно равняться, с которого надо делать жизнь. Спасибо Вам и низкий поклон за каждого спасенного. Будьте счастливы, будьте любимы! Пусть все будет хорошо в Вашей семейной жизни!»

Шаварш Карапетян. Кому теперь не известно это имя?..

Мчавшийся по дамбе Ереванского водохранилища переполненный троллейбус попал в аварию и ушел на десятиметровую глубину. Случайно оказавшийся поблизости многократный рекордсмен мира и чемпион Европы по подводному плаванию Шаварш Карапетян бросился в холодную воду и спас 20 человек.

За мужество и отвагу он удостоен высокой правительственной награды. ЮНЕСКО присудила ему приз «Фэйр плей» («Справедливой игры»). О Шаварше много написано, снят документальный фильм. Но никогда и никто не мог предположить, что на долю Карапетяна вновь падет жребий тяжелой, чрезвычайной ситуации, которая вновь потребует от него высшего проявления человеческого духа. Впрочем, если быть точным, то требования не было. Карапетян мог остаться в стороне. И вдали от опасности соперничать профессионалам, которые вели борьбу с огнем. Однако он поступил иначе. Оказавшись на месте происшествия одним из первых, Карапетян проник внутрь объятых пламенем помещения.

Пожарные отказались дать ему противогаз — не

имели права. Шаварш работал без противогаза в зоне, где температура превышала 200 градусов. Потерявшего сознание Карапетяна вынес на улицу милиционер. Неделю Шаварш провел в реанимационном отделении больницы.

Два выдающихся поступка, два подвига в мирное время, когда за плечами тридцать с небольшим. Однако был еще один, совершенный Шаваршем в 1974 году, то есть за два года до трагедии на Ереванском водохранилище.

Автобус «ПАЗ» возвращался со спортсменами из Цахкадзора. Шаварш сидел возле самой двери. На одном из спусков водитель остановил машину и вышел в ожидании других пассажиров. Автобус неожиданно тронулся с места и стал быстро набирать скорость, приближаясь к пропасти. Дверь, возле кото-

рой сидел Карапетян, была открыта. Ему оставались две-три секунды на то, чтобы решить, что предпринять. Как остановить машину? Он разбил оградительное стекло кабины водителя, прыгнул на его место и рванул ручной тормоз. Увидев, что это ничего не дало, развернул автобус поперек дороги и остановил его. До пропасти оставались сантиметры, а в салоне находилось 30 человек. Тридцать и еще двадцать, которых Карапетян вытащил из озер...

Знаю, что судьба Карапетяна представляется некоторым просто фантастической. Мне же, как человеку, теперь уже достаточно хорошо знающему Шаварша, его характер, знающему его семью, друзей, коллег, удивляться время вышло. Мне интересно теперь глубже разобраться в истоках этой удивительной и в то же время такой обыкновенной личности.

Нескончаемым потоком идут письма. На большинстве конвертов слова: «Ереван. Шаваршу Карапетяну». Этого вполне достаточно, чтобы конверты нашли адресата. В письмах восхищение мужеством человека, который побуждает других взглянуть на себя, свою жизнь буквально иными глазами. Письма — о судьбах людских. Письма-исповеди.

«Узнав о Вашем подвиге, — пишет инженер из Омска Р. А. Анисимова, — многие люди на земле станут жить увереннее и чище, потому что рядом есть такой прекрасный и сильный человек».

«Моя жизнь сложилась так, — пишет Ж. А. В. из Душанбе, — что меня ожидали одни разочарования за другими. Мне упорно доказывали, что мои представления о жизни, людях, их взаимоотношениях — утопия. К сорока годам во мне поколебали даже веру в человека, в его высокое предназначение, в добро, которое порождает добро, а не зло. Узнав про Вас, Шаварш, я плакала от восхищения и радости. Я все же оказалась права. Есть идеалы — люди, на которых держится мир. Спасибо Вам!»

О событиях, происшедших на Ереванском водохранилище 16 сентября 1976 года, стало широко известно лишь через шесть лет. Мог ли Шаварш думать, что его поступок возымеет столь сильное действие на души людские?

— Нет, конечно, — отвечает он. — Я вообще не думал, что об этом нужно писать в газетах, хотя бы потому, что история слишком тяжелая и тем, кто в ней оказался, не стоит об этом напоминать.

Произошла трагедия, я оказался рядом. Я — спортсмен-подводник, рекордсмен мира, и я, естественно, не мог не пойти в воду. Между прочим, вы, журналисты, иногда называете подвигом просто честное выполнение своего профессионального долга. А у Александра Дюма-сына я встретил такие слова: «Исполнить свой долг иногда бывает мучительно, но еще мучительней не исполнить его».

— Сейчас многие спрашивают тебя про обстоятельства пожара. Что ты чувствовал? Был ли страх? В чем была главная трудность?

— На пожаре было труднее и страшнее. Вода — моя стихия. Я знал, как поступать даже тогда, когда спасенный конвульсивно цеплялся за меня под водой мертвой хваткой. Пожар — дело другое. Я почти ничего не знал о методах борьбы с огнем и все время боялся ошибиться.

— Мог ли ты вообще остаться при этом в стороне?

— Этот вопрос можно было бы задать и тем десяткам добровольцев, которые также боролись с огнем. Среди них были и 14—15-летние мальчишки. Уверен, что нас было бы намного больше, если бы милиция своевременно не оцепила Дворец. Да и можно ли остаться в стороне, если происходит несчастье, которое каждый воспринимает как свое собственное, — горит Дворец — гордость республики? Это было нормальное поведение людей. Ненормально другое, ненормально безразличие. Так я и отвечаю тем, кто мне пишет.

Телеграмма из Тюмени: «Дорогой сынок, благодаря судьбу, что опять пощадила тебя. Ты помогаешь нам жить, верить в людей. Выздоровлявай скорее, живи долго и счастливо. Пуртова Ираида Ниловна».

Читая почту Шаварша, я обратил внимание на то, что телеграммы и открытки от этой женщины приходят довольно часто. Обычно это поздравления с праздниками. Обнаружил я и письмо от Ираиды Ниловны, написанное в конце 1982 года. Она поведала о своем горе: в 1973 году на Днестре утонул ее 26-летний сын. Люди видели, и никто не помог...

Я списался с Ираидой Ниловной и вот что узнал.

Володя был инженером. Красивым, добрым, отзывчивым к людям парнем. Поехал в отпуск на Днестр вместе с женой. Плавал плохо и попал в водоворот. Стал звать на помощь. На берегу сидели люди, выпивали. Потом они сказали: «Что ж, в войну погибло двадцать миллионов». Жена Володи — отличный пловец, но тоже в воду не бросилась. Она оправдывалась иначе: «У Володи в туфлях на берегу лежало 200 рублей. Я боялась их оставить — украдут».

Страшно читать эти слова! Вот как женщина оценила жизнь мужа, отца ее ребенка. Среди тех добровольцев, кто вместе с Шаваршем тушил пожар, тоже, наверное, были люди с деньгами в кармане. И, видимо, пропали эти деньги. Зато осталось в сохранности другое, куда более важное. И не только материальное. Люди сохранили достоинство.

На руках у Ираиды Ниловны остались внуки. Они удивляются, почему бабушка так строго с них спрашивает за все. Она отвечает: «Хочу, чтоб вы были лучше». Считает, что умеренность в запросах не толкает «добывать» средства для красивой жизни.

«Чувствую, что Шаварш достойно и честно выдерживает испытание известностью и славой, — пишет в заключение Ираида Ниловна. — О нем нужно писать. Пусть восторжествуют истина и красота человеческих поступков».

Письмо Карапетяну от бортпроводницы Ташкентского аэропорта Хатыре Джамаловой. Несколько лет назад был убит ее муж. Он шел с работы и вступился за человека, на которого напали хулиганы. Было не так поздно, мимо шли люди, но они не вмешались...

— Наверное, мы бы не удивились,— говорит Шаварш,— если б женщина, пережившая такую трагедию, сожалела о поступке мужа, назвала его безрассудным, предостерегла от подобных действий других. Но ведь нет. «Я считаю,— пишет Хатыре,— что муж иначе поступить не мог. Не имеет значения, кого спасать, за кого заступиться. Не пройти мимо— наш человеческий долг».

Надя Савчук из Львова пишет Шаваршу о том, что у нее есть один существенный недостаток, который она никак не может искоренить, и просит совета: как закалить силу воли?

— Готовых рецептов нет. Но я всегда воспитывал в себе способность делать что-то через «не могу». В этом смысле мне очень помог спорт.

Думаю, что девушке воспитывать в себе спартанские качества не столь обязательно, как мужчине, все-таки главное в женщине—женственность. Но стремиться делать то, что нужно, а не то, что хочется, это важно для всех.

Строки из письма Виктора Н. из Луцка: «...В моей жизни было много ошибок, и я от них не прячусь. Так получилось, что дружба с моими знакомыми сводилась только к бутылке. Узнав про тебя, Шаварш, я был потрясен. Я не находил себе места. Ты дал мне огромный заряд на будущее. Как мне хотелось бы иметь такого друга, как ты...»

— Мне везет в жизни на хороших и добрых людей, на настоящих друзей,— говорит Шаварш.— В жизни каждого человека окружающие его люди играют свою роль, часто решающую. Виктору в этом смысле не повезло. Однако в этом невезении есть и его вина. Хорошо, что он стремится выпутаться из трясины, в которой, видимо, все еще находится. Но если он верит в друга, как в панацею, ничего из этого не выйдет. Это вера слабого человека. Хороший друг обязательно поддержит тебя в трудную минуту.

Однажды мы приехали с Шаваршем в 550-ю московскую школу, один из пионерских отрядов которой носит имя Карапетяна. Приведу некоторые отрывки из беседы с ребятами, которая как-то не очень походила на привычный разговор восторженных мальчишек и девчонок со своим кумиром.

— Шаварш Владимирович, вы человек, обладающий большой силой воли. Вы умеете заставлять себя делать то, что необходимо. А как быть, если ничего не хочется делать?

— Ничего не хочешь—не делай, а то натворишь чепухи. Спокойно подумай. И когда поймешь, что делать все-таки надо, берись за работу. А если уж взялся, то делай так, чтоб не было стыдно.

Я в детстве был далеко не примерным ребенком. Но, несмотря на мои чудачества, я всегда держался определенных принципов и терпеть не мог бесхребетности, даже в озорстве.

Учился по-разному. По математике и физике получал в основном пятерки, с русским языком дела шли хуже. И вот однажды—было это, кажется, в шестом классе—я плохо ответил на уроке, и учительница русского сказала, что ставит мне двойку. Я начал уговаривать ее не делать этого, убеждал, что к следующему уроку все выучу и отвечу на пятерку. Но учительница сказала «нет!» и взялась за ручку. Тогда я сказал: «Если вы сделаете это, я выпрыгну в окно!». Она улыбнулась, сказала: «Что ж, прыгай». И поставила двойку. Она, конечно, не могла допустить, что я прыгну с третьего этажа. Но я прыгнул... Смешно и даже немного стыдно вспоминать об этом случае. Куда важнее быть принципиальным в настоящих делах, но принципиальным нужно быть всегда и приучать себя к этому следует с детства. Начал делать—делай до конца! Обещал—держи слово! Один раз дрогнул, изменил себе—в следующий раз тоже смалодушничаете, так и пойдет!

Да, Шаварш был трудным ребенком. Но трудовым. Его, тринадцатилетнего, отец определил учеником автослесаря. Каждое утро мальчик уходил к девяти часам на работу. Тридцать рабочих часов в неделю. И так—два месяца кряду. К двадцати семи годам Шаварш окончил два института.

— Шаварш Владимирович, можно ли готовить себя к подвигу?

— Давайте, ребята, поставим вопрос иначе. В жизни мы сталкиваемся с разными сложными ситуациями, в том числе и с экстремальными. Можно ли готовить себя к ним? Да, можно и нужно.

Например, вы узнали, что произошло какое-то чрезвычайное событие: стихийное бедствие, катастрофа. Или вы оказались невольными свидетелями последствий происшествия. Или прочитали о нем в газете, в книге. Постарайтесь проанализировать ситуацию с тем, чтобы найти в ней место для себя, для возможных своих действий.

— Как вы переживали неудачи, поражения?
— Ох, тяжело переживал. Уметь проигры-

вать—серьезная наука. Главное, проигрывать достойно. Даже, извините, в драке, ведь всем нам когда-то кого-то приходится защищать.

— Почему вы с такой готовностью идете на верную смерть?

— Я еще долго не собираюсь умирать, ребята. И не собирался никогда. Я считаю, что намеренно отдать жизнь можно только за Родину.

— А еще у вас, наверное, железные нервы. Это от природы?

— Нервы у меня самые обычные. И, думаю, не такие уж крепкие.

...Шаварш был откровенен. Спасая людей из утонувшего троллейбуса, он вместе с заражением крови, тяжелым воспалением легких получил и сильное нервное потрясение. Через полтора месяца встал с постели и вскоре приступил к тренировкам. Уже через несколько месяцев Шаварш установил мировой рекорд на дистанции 400 метров с аквалагом—последний мировой рекорд в своей спортивной биографии. Чего стоил ему этот рекорд, можно только догадываться. Позже болезнь все же взяла свое, и Шаваршу пришлось оставить большой спорт. Что из того? Важно, что он вновь, пусть и на короткое время, оказался в ряду сильнейших в мире.

Можно прожить всю жизнь и ни разу не оказаться в ситуации, близкой той, что испытал Шаварш. В этом отношении у Карапетяна удивительная судьба. Эти ситуации не программируются. Но готовить себя к ним необходимо. Таков лейтмотив наших долгих бесед с Карапетяном.

Письмо от группы ленинградских рабочих:

«Подвиг Шаварша Карапетяна должен стать хрестоматийным примером мужества, гражданственности в деле воспитания людей. Мы пока что слабо боремся за духовный мир человека, всемерно приветствуя только успехи в создании материальных и научных ценностей. В результате формируются люди, идеал жизни которых—лакированная мебель, хрусталь, машина, дача, ради чего нередко совершаются безнравственные поступки, должностные преступления. Идеология накопительства пустила глубокие корни в людских душах, и пора резко усилить борьбу с этим злом. Воспитывают только труд и пример. С этих позиций бескорыстный подвиг Карапетяна достоин быть внесенным в школьные учебники для воспитания наших детей, да и нас самих тоже».

В шестом классе «Б» 150-й ереванской школы организовалось общество «Шаваршевичи», члены которого стали помогать одиноким пожилым людям. Они писали от их имени письма, носили воду, ходили в магазин за продуктами. Когда я спросил ребят, почему об их обществе долгое время никто не знал, то некогда отчаянный забияка и двоечник Сережа Аракелян простодушно ответил:

— Настоящий герой долго остается неизвестным, как Шаварш.

Трудно быть Шаваршем Карапетяном. Постоянно ловить пристальные взгляды знакомых и незнакомых глаз, не только восторженные, но и пытливые, настоятельные: «Кто ты теперь, прошедший огонь и воду? Не стала ли жизнь твоя нескончаемым шествием под фанфары?»

Однажды мы с ним очень торопились в отдаленный район Еревана. Нас ждали, мы опаздывали—Шаварша задержали служебные дела,—и он против обыкновения был малоразговорчив. Надо сказать, что водитель он прекрасный, отец сызмальства приобщал детей и к автослесарному делу, и к вождению. И так спешили, а я возьми да и скажи:

— В такой ситуации можно было б ехать и порисковать, и... чуть-чуть нарушая правила.

Но он покачал головой.

— Неужели никогда не нарушаешь?

— Раньше, случалось, нарушал, когда торопился. А теперь не могу.

— Почему?

— Не понимаешь?.. Я так поеду, а кто-то со стороны увидит и подумает: «Вон поехал нахал Карапетян, ему все можно».

Досрочно покинув после пожара больницу, он вопреки запретам врачей поторопился выйти на работу. Не будь он столь известен, может, и полежал бы еще, ведь было ему по-настоящему худо. Но Шаваршу чужд—искренне, глубоко чужд—ореол героя-страдальца. И в этом тоже его человеческое достоинство.

Получив много писем от незнакомых людей, он понял, что нужен людям, что они тянутся к нему, что по нему сверяют жизнь свою, что его пример вдохновляет, оцищает души.

«Мой 15-летний сын Володя,—пишет Людмила Татарак из Кривого Рога,—вырезал вашу фотографию из газеты и повесил рядом с портретом Юрия Гагарина. Потом сказал: «Мама, еще один портрет ты повесишь сама, если я буду достоин этих людей».

Беседу вел
Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ.

У меня, как почти у каждого человека, есть хобби. В свободное от работы время и делаю различные ювелирные поделки, которые дарю знакомым и друзьям. Недавно, когда в захотел кое-что из сделанного продать на рынке, меня оштрафовали. Почему же можно торговать разными масками, картинками и ковриками, а сережками и перстеньками нельзя?
И. П., г. Калинин

Ничего странного в том, что вы подверглись штрафу, нет. Если бы вы знали существующие на этот счет правила, то административного наказания не последовало бы. Продавать сделанные своими руками изделия можно, но в этом деле существует определенный порядок. В 1976 году было утверждено Положение о кустарно-ремесленных промыслах граждан, в котором установлен порядок получения разрешения на деятельность по изготовлению изделий для продажи населению или по оказанию платных бытовых услуг. Там же—перечень тех видов промыслов, заниматься которыми запрещено. К ним, кроме изготовления изделий из драгоценных и цветных металлов, камней, янтаря, их ремонта и переделки, относятся: переработка сельскохозяйственных и пищевых продуктов, изготовление и ремонт любых видов оружия, боеприпасов, взрывчатых, химических, ядовитых веществ, размножение всякого рода печатной и фотопродукции, тиражирование грампластинок, кинофильмов, магнитных записей, обработка кожевенного, мехового и пушного сырья, изготовление из них изделий и некоторые другие кустарные промыслы.

Чтобы узнать, можно ли заниматься той или иной кустарной деятельностью, следует обратиться в финансовые органы. Если она не относится к числу запрещенных, вам выдадут регистрационное удостоверение установленной формы, после чего, не опасаясь привлечения к административной или уголовной ответственности, можно не только изготавливать как-то изделия, но и реализовать их в отведенных для этого местах.

Мне еще нет 18 лет, поэтому ежедневно с работы меня отпускают на час раньше всех. Но в то же время администрация почему-то обязывает меня работать по субботам. Разве можно подростков заставлять трудиться в выходные дни?
С. Елжибаев, Уфа

Законодательство не допускает привлечения подростков к работе в выходные дни (ст. 78 Основ законодательства о труде), но в данном случае речь идет несколько об ином. По закону для подростков в возрасте 16—18 лет продолжительность рабочей недели в отличие от совершеннолетних рабочих и служащих составляет не 41 час, а только 36, то есть 6 часов в день. Для тех же, кому еще нет 16, рабочая неделя ограничена 24 часами (по 4 часа в день). При пятидневной рабочей неделе, когда у этой категории трудящихся ежедневная работа сокращена на час, нетрудно подсчитать, что за неделю недорабатывается до нормы 1 час (7×5=35). Вот это-то недоработанное время суммируется, и в один из суботних дней, определенный существующим графиком, администрация привлекает молодых работников к труду.

Нина ТОЛЧЕНОВА

В доме Наталии Ильиничны Сац прежде всего замечаешь книги. Много книг. В шкафах и на полках — от пола до самого потолка — в комнатах, в коридоре, в передней — всюду. Я раскрываю прекрасное издание — книгу, написанную Индирой Ганди. Книгу своей матери подарил Наталии Ильиничне Раджив Ганди, премьер-министр Индии. А вот японские издания. Здесь тоже множество подаренных: это память о гастролях театра в Японии.

Тут же стоят словари. И еще книги самой Сац, изданные на многих языках. Отдельно лежат ее рабочие тетради, блокноты, выписки...

Словом, эта огромная, интересная библиотека — библиотека рабочая: видно, что она помогает человеку в постоянном его стремлении все глубже познавать жизнь и искусство. Книги здесь собраны, чтобы работать, действовать, рождать новые мысли.

Великие души подобны облакам: они собираются для того, чтобы расточать, — вспомнилось мне изречение древнего мудреца Востока. Именно так собирает, чтобы отдавать, Наталия Ильинична Сац. Собирает, не давая себе отдохнуть, выключиться. И работает она не только в театре — за кулисами и на сцене, — но более всего у себя дома. Мысль ее, творческая, созидающая, постоянно обращена к жизни.

Илья — младший сын Наталии Ильиничны — показывает мне еще одну особенность их дома — игрушки. Самые разные, они располагаются как бы даже самостоятельно — там, где им нравится. Тут и очень большие, и очень маленькие кошки, собаки, тигры, медведи всех возможных расцветок.

На табурете в углу вижу искусно сделанного из соломы и холста мальчишку. Он смотрит на нас выразительными, добрыми глазами; в руках у него волшебный жезл, чтобы отгонять беды

Фото Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

ДЕНЬ В ТЕАТРАЛЬНОМ

от человека. «Мальчик не допустит беду в ваш дом», — сказала Наталии Ильиничне болгарская художница Милка Начева. Это ее подарок.

А рядом висит портрет матери Наталии Ильиничны.

Анна Михайловна Щастная вышла замуж за Илью Александровича Саца против воли родителей. Илья Александрович руководил музыкальной частью МХТ, а Анна Михайловна выступала как камерная певица.

Искусством музыки Наталия Ильинична делится с людьми столь же щедро, как искусством театра; в ее творчестве они едины и неразделимы.

Портрет Прокофьева. Умные, пронзительные, живые глаза. Они были хо-

рошими друзьями. Легко, воодушевленно создавался ими «Петя и волк» — любимейшая ныне во всем мире сказка-симфония, радость не только для малышей, но и для взрослых зрителей. Но вот улыбающегося Прокофьева, а рядом веселую, молодую Сац я вижу впервые. Это незабываемый день, когда сказка была закончена.

Еще один раритет в гостиной: портрет Рахманинова с автографом великого композитора.

Именно Сергей Васильевич Рахманинов первым обратил внимание на музыкальные способности Наташи Сац.

Рахманинов очень любил музыку Илья Саца. В 1912 году великий композитор дирижировал концертом, который

был дан в зале Благородного собрания (ныне Дом союзов) после похорон отца Наташи, умершего так рано — в тридцать семь лет. Сбор от того памятного концерта пошел в пользу вдовы и детей, оставшихся без всяких средств к существованию...

Трудно рассказать обо всех приметах дома Сац, но сколько дорогого для истории театра, уникального здесь собрано! А главное, здесь рождаются сценические образы. Тут все подчинено театру и возникает от театра. Например, увидишь здесь огромный, полутора-метровый блестящий ключ: строители Детского музыкального театра торжественно подарили его Наталии Ильиничне, когда закончился их труд. Это уди-

вательное, увенчанное Синей птицей здание театра на проспекте Вернадского зарубежные гости называют одним из главных чудес Москвы.

Я спрашиваю Наталию Ильиничну: верит ли она, что родилась под счастливой звездой?

— Да, верю!.. Каждый человек может быть счастлив, если делает то, что хочет делать.

Наталия Ильинична достает с полки тоненькую книжечку. На обложке заголовок: «Десять лет среди детей». Это еще один раритет: книжка издана в 1928 году. И, пожалуй, сама эта книжка — свидетельство о счастье... Михаил Кольцов поздравлял Наталию Сац с десятилетним юбилеем педагогической,

а главное, театральной работы с детьми. «Где, кроме СССР, можно найти такой юбилей и такого юбиляра!» — справедливо замечал Кольцов.

Страна требовала от одаренных людей неограниченных возможностей. И сама давала им такие возможности. Недаром К.С. Станиславский выражал твердое убеждение, что замечательное начинание Сац «будет иметь столь же замечательное, столь же талантливое продолжение...». Так же убежденно считал Таиров, что Наталия Сац как режиссер «находится на высоте передового театрального искусства».

Удивительная судьба, удивительная личность, восхищался в предвоенные годы Отто Клемперер... А современные деятели искусства — Щедрин, Хренников, Шостакович, Хачатурян, Свиридов — дружно признаются: «Мы выражаем Вам всю нашу любовь. Мы любим Вас за Ваш огромный талант. Ваш талант режиссера, актера, писателя и организатора...»

Многие из ранних работ юной Наталии и поныне сохраняют свою свежесть, пленительность. Вот я стою возле огромной картины, которую заметила уже давно. Под пальмами пляшут негрята — забавные, веселые фигурки, стремительны их движения; праздничные, щедрые краски, все здесь счастливо живет, на этом полотне.

— «Негритенок и обезьяна»? — догадываюсь я.

Это полотно увековечило одну из самых ранних и смелых творческих побед юной Наташи Сац.

Спектакль этот дорог Наталии Ильичиче. Она делала его по либретто, созданному вместе с Сергеем Розановым. «Негритенок» помог открыть редкое дарование композитора Леонида Половинкина, который стал соратником Сац в творческой работе.

— Я думаю, спектакль этот никогда не состарится, — замечает Наталия Ильичична. — Когда я, режиссер, соединила действие с мультипликатом, новшество поразило всех: сцена доселе ведь не знала таких приемов!

Интересно вспомнить, что «Негритенок», сохранив все режиссерские новации Сац, был поставлен в Турции, в Стамбуле, знаменитым режиссером Эр-Таргулем; отлично прошел на сцене русского ТЮЗа в Тбилиси да и на многих других сценах. Именно этой постановкой открылся 50 лет назад первый детский театр в Чехословакии.

Вот так, словно живое существо, рассказывает дом Наталии Ильичичны. Именно здесь рождается искусство, отсюда переходит на сцену и окончательно становится искусством. Становится, конечно, еще и потому, что Сац никогда

такль. В балете все «только» танцуют, — так они считают...

— Ну, а ваша «Синяя птица»? Балет, а попасть на спектакль невозможно.

— Это — исключение из правила. На сцене всегда лучше синтез: включение танца, пантомимы в действие, где актеры, играя с детьми, говорят с ними — доходчиво, увлекательно! — о главном в жизни. В этом наша сила. И это, конечно, наш ведущий принцип. Наша система. Мы должны, обязаны рождать в душе ребенка активное неприятие зла. И активную готовность помогать, содействовать добру. Кажется, все это очень просто. Нет, это трудно. Я помню, поначалу не очень-то обрадовалась, когда увидела «Синюю птицу» на сцене МХТ... Более того, рассердилась: ведь Тильтиль не нашел Синюю птицу. Это было бы его счастье, а оно не сбылось. И я сказала об этом своему отцу уверенно, хотя была совсем ребенком... Вот почему и радуюсь теперь, глядя на силуэт Синей птицы, которую сделал для нас скульптор Клыков. Это завет. Обещание: пусть птица принесет всем детям счастье. Дает веру в счастье — деятельное, результативное с самых ранних лет! Да и не только детям. Артистам тоже...

— Довольны ли Вы итогами сезона?

— Театр сделал много. За год — пять новых постановок: «Алые паруса», «Второе апреля», «Отважный трубач», «Винни-Пух», «Наследство»... И все это не просто новые спектакли. Это вновь рожденные театром — композиторами и авторами — либретто, оперные произведения для детей, юношества, молодежи... Мы выпустили на сцену эти постановки в небывало короткие сроки. Только над «Отважным трубачом» работали несколько лет. Но это спектакль особенный.

Три года назад Сац в ГДР, в городе Халле, увидела памятник юноше-трубачу, который спас жизнь Эрнсту Тельману, предупредив его об опасности звуками своей трубы.

— Когда я стояла там возле памятника, — рассказывала Наталия Ильичична, — ко мне подошла пионерка, представилась: Сибилла Хоних — и вежливо спросила, почему в репертуаре нашего театра нет оперы о детях ГДР?.. Она подарила мне книгу Отто Готше, старейшего композитора-антифашиста, которая так и называлась «Отважный трубач...». Шло время, Сибилла напоминала о моем обещании сделать спектакль, — я получила от нее двенадцать писем. Ну, давши слово, держись! Однако не сразу мы нашли яркое и глубокое воплощение замысла. К счастью, им увлекся известный композитор Александр Флярковский, и к сорокалетию Победы словно пламя зажглось в коллективе — возник общий подъем.

А «Винни-Пух» — это дипломная работа молодого режиссера, одного из студентов Сац, она ведь еще работает на кафедре музыкальной режиссуры ГИТИСа, профессор.

...Многогранна, настойчива, неистощима во всех своих начинаниях и свершениях Сац. Да, она действительно безжалостна в творчестве, но в первую очередь к себе.

— Знаете ли, что наш театр уже не единственный в стране? — говорит она. — На моих выпускников поступают заявки уже из республик. В Киеве появился второй музыкальный театр! И руководит им талантливый Евгений Дуценко...

— Вы пишете новую книгу?

— Да... Она будет называться «Мои дорогие современники».

Тут наш разговор прерывается. Телефонный звонок.

— Да, да, приеду непременно!.. Скоро приеду!

Ей свойственно постоянное желание помогать, участвовать, содействовать... И постоянное, непреодолимое забвение самой себя, своего здоровья, которое требует и отдыха, и того, что называется «умением отключаться»... У нее есть только переключение. С одной работы на другую.

СЛАВЬТЕ, МОЛОТ И СТИХ, ЗЕМЛЮ МОЛОДОСТИ

**Конкурс
одного
стихотворения**

Дорогие друзья! Под таким девизом проходит наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принять участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами и премиями «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов.

Желаем успехов! Ждем ваших писем!

Любовь БЕРЗИНА,
журналист,
Москва

*Удари сердца твоего
Слышны сквозь все шумы и гуды.
Удари сердца твоего
В толпе, на площадях, повсюду.*

*И каждый вздох и выдох твой
Во мне живет и отдается
Так близко, что и шар земной,
Как сердце, под ногами бьется.*

Раиса ЧИГРАКОВА,
учительница,
Кемеровская обл.

Сварщик

*Электросварки фейерверк
Как маленький салют победы...
А он, рабочий человек,
Немало трудностей изведет.*

*Его работа нелегка —
Ручьями пот с лица струится.
Но гляньте: у него в руках
Трепещет, светится жар-птица.*

*Подвластен воле этих рук
Огонь, поистине крылатый,
Поднес к металлу — и вокруг
Искр ослепительных каскады.*

*Простой рабочий человек,
В спецовку грубую одетый...
Электросварки фейерверк
Как символ трудовой победы!*

Олег ЧЕРНЫШЕВ,
электрик,
Магаданская обл.

*Осенний день за сопкой догорает,
Бледнеет поднебесная лазурь.
Опять земля как будто замирает
И меркнет в ожиданье зимних бурь.
И лес озябший снега ожидает,
Отдав ветрам последнюю листву.*

*Кустарник
с тихим вздохом припадает
К земле, примяв пожухлую траву.
И льется песня тихо и печально,
Прощальный гимн к теплу летящих
стай.*

*И воздух в этот миг звенит
хрустально,
На мирный сон благословляя край.*

Анна ВОЙНАРОВИЧ,
пионервожатая,
пос. Квасилово
Ровенской обл.

*Иду не спеша по заснеженной улице...
И, кажется, нету конца фонарям...*

*Луна
Поневоле становится спутницей —
За мною,
Как рыжий щенок по пятам...
Щемлящая грусть ожидания вечного
Как будто удвоилась сразу,
Не знаю...*

*Но может, от снега, от этого вечера
Иль просто
Нахлынувшего воспоминанья...
А снег серебрится
Спокойно и весело,
Деревья стоят
Белоснежками хрупкими...
Луна потихонечку звезды развесила —
Они, словно дети,
Играются в жмурки.*

Владимир ЛЯКИШЕВ,
научный сотрудник,
Москва

**Солдатские
песни**

*Когда идут солдаты и поют,
Их песням не внимают лишь глухой.
Их песни будто силы придают.
Они зовут невольню за собой.*

*Когда идут солдаты и поют,
Ну кто любовно не посмотрит вслед
Хотя б минуту, несколько секунд?
Таких, я мыслю, не было и нет!*

Владимир ДРИЗО,
инспектор порта,
Одесса

*Как прекрасно быть счастливым —
видеть день под знаком солнца,
и, заглядывая в лица,
добрым светом отражаться.*

*Как прекрасно быть счастливым —
быть большим-большим, как море,
и хранить тепло у сердца
даже в лютые морозы.*

*Как прекрасно быть счастливым —
знать, что тучи звезд не выше,
что любая дверь при стуке —
самом первом — откроется.*

ДОМЕ

не была одна. Неустанно, изо дня в день воспитывает она вокруг себя таких же убежденных людей, своих соратников. Пискунов, Ивин, Свербилова, Скрипникова, Глухова, Тучинский, Лаптева, Богаченко...

Не очень-то легкое счастье — работать с ней. Работать надо до изнеможения. Как работает она сама.

— Это очень трудно: играть для детей, — говорит Наталия Ильичична. — Всегда нужна свежая мысль, новые режиссерские средства, чтобы ни один спектакль ни в коем случае не был «похож» на другой.

Помолчав, добавляет:

— Дети, наверное, несколько меньше любят балет, чем «настоящий» спектакль.

Норман СПИРАД

Вас дожидается джентльмен по имени Шибаро Ито, — объявил селектор. — Он желает приобрести какой-нибудь ценный исторический памятник.

Не покидая своего кабинета, я навел справки о посетителе через центральный компьютер. Мой мистер Ито оказался не кем иным, как владельцем осакской компании «Грузовые ракеты Ито». Если Шибаро Ито выписывает чек на любую сумму, не превышающую размер государственного долга, то в надежности этого чека можно не сомневаться.

В кабинет легким шагом вошел стройный, начинающий лысеть мужчина в красном шелковом кимоно с черным оби, отделанным парчой. Совершенно уверен, что в ядовитом смоге Осаки мистер Ито щеголяет в наимоднейших европейских костюмах. В нем все было

Мистер Ито внезапно смутился, даже потупился.

— Простите за дерзость, мистер Гаррис, но я питаю надежду, что вы в состоянии помочь мне уладить весьма деликатное семейное дело.

— Семейное дело?
— Именно. Я прекрасно сознаю свою бесцеремонность, но вы, безусловно, человек утонченный и благоразумный...

Его самоуверенность таяла буквально на глазах, как будто он собирался просить помощи в удовлетворении какой-то мерзкой страстишки. Я почувствовал на своей стороне неоспоримое преимущество, понял, что сейчас передо мной откроются определенные финансовые перспективы.

— Пожалуйста, не стесняйтесь, мистер Ито.

Ито нервно улыбнулся.

— Моя жена происходит из артистической семьи, — начал он. — И ее мать, и ее отец удостоены высокого звания «Гигант Национальной Культуры», о чем они не устают мне напоминать. Хотя я достиг немалых успехов на поприще грузовых ракет, я в их глазах — простой торговец, в эстетическом отношении дикарь по сравнению с их благородной изысканностью. Вы понимаете мое положение, мистер Гаррис?

Я кивнул со всей симпатией, на которую способен. Эти японцы потрясающе

Собственно говоря, Ито дал понять, что цена не имеет для него значения. Это же мечта всей жизни! Простодушие с неограниченным кредитом сам доверчиво просится в мои нежные ручки!

— Если угодно, мистер Ито, — предложил я, — мы немедленно можем осмотреть несколько вариантов здесь же, в Нью-Йорке. Мой флайер на крыше.

— С вашей стороны в высшей степени любезно нарушить ради меня свои планы, мистер Гаррис. С удовольствием соглашаюсь.

Я поднял флайер на высоту примерно около тысячи футов и повел его над полуразрушенными джунглями Манхэттана. Потом мы снизились до трехсот футов и, залетев со стороны острова Бедло, стали медленно приближаться к статуе Свободы. Я специально не торопился подходить к Обезглавленной Даме — товар всегда надо показывать лицом. Ракурс получился великолепный: огромная зеленая статуя с налетом копоти от зажигательной бомбы поднималась из залива, словно поверженный колосс.

Лицо мистера Ито не выдавало никаких эмоций. Он бесстрастно смотрел прямо перед собой.

— Вам, безусловно, известно, что это знаменитая статуя Свободы, — начал я. — Как большинство памятников старины, она доступна любому покупателю,

предложение, я задеваю его достоинство и намекаю на бескультурье. Тогда как для всякого нормального американца это не более чем старая рухлядь, годная лишь на то, чтобы всучить ее иностранцам, которые рады радешеньки ухлопать бешеные деньги за сомнительную привилегию утащить ее к себе. Нет, от этих японцев просто сойдешь с ума! Кого еще можно оскорбить, предлагая сделать то, что они считают унижением для вас, хотя вы ничего дурного в этом не видите?!

— Надеюсь, я не обидел вас, мистер Ито, — не подумав, выпалил я и чуть не откусил себе язык. Как раз этого и нельзя было говорить! Я действительно обидел его и теперь подлил масла в огонь, поставив его в положение, когда вежливость требовала отрицать это.

— Уверен, что ничего не могло быть дальше от ваших намерений, мистер Гаррис, — искренне проговорил Ито. — Всего лишь волна грусти при мысли о хрупкости величия... Само по себе это ощущение, можно сказать, даже полезно для души. Но видеть памятник постоянно — это выше моих сил.

Лыстрая японская учтивость или истинные чувства? Кто знает, что эти люди чувствуют на самом деле? Порой мне кажется, что они сами этого не знают. Но, так или иначе, надо повисить его настроение. Причем быстро. Гмм...

ТВОРЕНИЕ ПРЕКРАСНО

идеально. Мистера Ито вокруг пальца не обведешь. Он непременно получит то, чего хочет, и ничто не заставит его отступить.

Мистер Ито едва заметно поклонился и вручил мне визитную карточку. Я ответил кивком головы в его сторону и остался сидеть. Эти игры могут показаться глупыми, но с японцами нельзя вести дело иначе.

Усевшись напротив меня, Ито вытащил из рукава кимоно черный рулон и церемонно водрузил его на стол.

— Мне известно, мистер Гаррис, что вы являетесь знатоком и собирателем плакатов Филмора¹ середины 1960-х годов, — сказал он. — Молва о вашей славной коллекции достигла даже окрестностей Осаки и Киото, где я имею честь проживать. Позвольте преподнести вам скромный дар.

Мои руки дрожали, когда я разворачивал плакат. Учитывая финансовые возможности мистера Ито, его скромный дар никак не мог быть незначительным. Мой папаша обожал распространяться о тех старых днях, когда всем заправляли американцы... Однако вы должны согласиться, что у японского бизнеса есть определенные достоинства.

Но когда я развернул рулон... Я едва не уронил себя в глаза гостя — до того мне захотелось присвистнуть. Ибо я держал не больше, не меньше, как самую первую афишу «Благодарных мертвых»² в мягких черно-серых тонах, редчайший экземпляр, совершенно недоступный простым смертным. Я не смел поинтересоваться, каким образом приобрел его мистер Ито. Наступил торжественный момент, когда мы оба с молчаливым благоговением рассматривали плакат, чья красота и историческая ценность отодвинули на второй план те пустяковые проблемы, которые свели нас вместе.

— Надеюсь, мне представится возможность так же усладить ваши чувства, как вы усладили мои, мистер Ито, — наконец проговорил я.

Вот так нужно строить фразы. Вроде бы и благодаришь, и в то же время тактично напоминаешь о деле.

усложняют себе жизнь! Крупнейший промышленник — и его бросает в пот от одной мысли о своих родственниках-нахлебниках, которых он запросто может купить с потрохами! В то же время он вознамерился утереть им каким-то мудреным восточным путем... Сдается мне, что японцы куда лучше могут заправлять миром, чем собственной жизнью.

— Мистер Гаррис, я желаю купить для своего поместья в Киото видное произведение американской культуры. Откровенно говоря, оно должно быть достаточного масштаба, чтобы напоминать родителям жены о моих успехах в материальной сфере всякий раз, когда их взгляд падет на данное произведение. А я, будьте уверены, установлю его таким образом, чтобы это происходило весьма часто. Но, разумеется, оно должно обладать красотой и исторической ценностью, доказывая тем самым, что мой вкус не уступает их собственным вкусам. Тогда я вырасту в глазах родственников, завоюю уважение и восстановлю покой в своем доме. Мне сообщили, что вы являетесь незаменимым советчиком в этих вопросах, и я горю желанием осмотреть любые творения прекрасного, которые вы сочтете для меня подходящими.

Так вот в чем дело! Он хочет купить что-то достаточно большое, чтобы повергнуть в изумление свою утонченную родню, но не может довериться своему вкусу. И при этом, словно золотая рыбка, купается в море иен! Я буквально не мог поверить в свою удачу. Сколько же удачи с него содрать?!

— А... какого размера предмет вы имеете в виду? — небрежно спросил я.

— Я желаю приобрести какой-нибудь выдающийся памятник монументальной архитектуры с тем расчетом, чтобы превратить мои сады в место поклонения его красоте. Следовательно, необходимо произведение классических пропорций. Разумеется, оно должно быть достойно поклонения, иначе все потеряет смысл.

Да, это вам не обычная продажа очередного Говарда Джонсона или бензозаправочной станции. Даже нечто вроде старого «Хилтона» или зала Почета бейсбольной ассоциации Куперстауна, которых я загал в прошлом году, пожалуй, мелковато для этого дела.

который будет выставять ее с подобающим уважением. Мне не составит труда убедить Бюро Национальных Ценностей в безупречности ваших намерений.

Мы кружили вокруг острова, чтобы Ито мог осмотреть статую со всех сторон и надлежащим образом оценить ее презентабельность. Однако его лицо оставалось таким же невыразительным.

— Как видите, с тех пор, как мятежники взорвали голову статуи, ничего не изменилось, — продолжал я, стараясь подогреть его интерес. — Тем самым памятник приобрел еще большее историческое значение и покрыл себя неуязвимой славой. Подарок из Франции, он символизирует собой родство американской и французской революций. Расположенная у входа в Нью-Йоркскую гавань, статуя Свободы для многих поколений иммигрантов стала воплощением самой Америки. А нанесенный мятежниками ущерб служит лишь напоминанием, как легко мы вышли из этой переделки. Кроме того, он придает определенную меланхолическую настрой, вы не находите? Эмоциональность и тонкая красота соединены воедино в элегантный шедевр монументальной скульптуры. А запрашиваемая цена много ниже, чем можно было бы ожидать.

Когда мистер Ито наконец заговорил, он казался смущенным.

— Надеюсь, вы меня простите, мистер Гаррис, так как мои чувства пристрастно из глубочайшего уважения к благородному прошлому вашего народа... Но на меня данное произведение искусства действует угнетающе.

— Каким образом, мистер Ито?

Флайер завершил облет статуи Свободы и начал следующий круг. Ито опустил глаза и, отвечая, не отрываясь смотрел на маслянистые воды залива.

— Символизм этого разбитого памятника печалит меня. Статуя олицетворяет собой упадок некогда великой нации. Поместить ее в Киото было бы с моей стороны поступком низменным и постыдным. Я бы осквернил память вашего народа и проявил безграничное чванство.

Ну, что вы на это скажете?! Он, видите ли, оскорблен, потому что считает, что выставить памятник в Японии — значит нанести обиду Соединенным Штатам. Выходит, делая такое

— Скажите, мистер Ито, вы любите бейсбол?

Глаза Ито зажглись, словно маяки. Мрачность исчезла, замененная теплым сиянием неожиданной улыбки.

— Да! — воскликнул он. — Я снимаю ложу на осакском стадионе, но должен признаться, что до сих пор питаю тайное пристрастие к «Гигантам». Как странно, что великая игра заброшена у себя на родине.

— Однако лишь благодаря этому факту я имею возможность предложить то, что, несомненно, вызовет у вас самую горячую заинтересованность. Летим?

— Безусловно! — ответил мистер Ито. — Здешние окрестности угнетающе действуют на мою нервную систему.

Мы поднялись на высоту пятьсот футов и вскоре оставили покосившуюся груды грязной меди далеко позади. Просто диву даешься, сколько значения ухитряются придать японцы любому старому хламу. Причем нашему хламу, будто у них мало своего собственного. Но уж кому жаловаться, только не мне, — я недурно живу благодаря этому.

Мы пересекли Гарлем и на скорости триста миль в час промчались над Бронксом. Не было никакого смысла очищать мили выжженных равнин, и теперь весь район зарос высокой травой, ядовитым сумахом и густым кустарником. Никто там не живет, если не считать патетических группок старых смиренных хиппи, не заслуживающих нашего внимания. Эта местность производила удручающее впечатление, и я хотел, чтобы мистер Ито пролетел над ней высоко и быстро.

К счастью, нам было недалеко, и через пару минут мы уже парили над объектом назначения — единственным сооружением, оставшимся сравнительно невредимым в этом бедламе. Каменное лицо мистера Ито преобразилось. Его осветила счастливая мальчишеская улыбка, и мне стало ясно, что я попал в цель.

— Ух ты! — восторженно закричал мистер Ито. — Стадион Янки!

Древнее ристалище легко отделалось во время мятежа — так, малость обуглилось, ну и кое-где посыпались внешние бетонные стены. Лежащие вокруг развалины, гигантские груды раз-

¹ Филмор Миллард — 13-й президент США (1850—1853 гг.).

² «Благодарные мертвые» — известная в конце 1960-х годов поп-группа.

ГО

дробленного кирпича, проржавевшие стальные конструкции, целые горы рухляди — все поросло кустарником и деревьями, естественно переходящими в дикий природный ландшафт. Более или менее сохранился лишь проходивший по поверхности участок подземки — огненно-рыжий скелет, покрытый мхом.

Бюро Национальных Ценностей обнесло стадион электрифицированной колючей изгородью, которую патрулировал охранник в одноместном скиммере. Я опустился до пятидесяти футов и сделал пять кругов над игровым полем, давая зачарованному мистру Ито хорошенько насмотреться. Пусть представит себе, как восхитительно будет выглядеть этот шедевр в окружении его садов. Всякий раз, когда наши пути сближались, охранник махал нам рукой — он, должно быть, изнывал здесь от однообразия и скуки среди руин и чокнутых хиппи.

— Можем ли мы опуститься? — спросил мистер Ито прямо-таки с благоговейным трепетом.

Готово, он попался! Его глаза сияли, как у сладкоежки, которому подарили кондитерскую.

— Разумеется, мистер Ито. Я медленно подвел флайер к центру стадиона и потихоньку направил его к сплетению высокой травы. Мы словно опускаясь в какой-то огромный, разрушенный, не имеющий крыши собор, и вокруг нас кольцом смыкались покореженные трибуны — прогнившие деревянные скамьи, сплошь покрытые мхом, укрывавшие в своих темных глубинах сотни птиц. Царила атмосфера какого-то дикого, затаенного величия.

Мистер Ито разве что не прыгал от восторга.

— Ах, как прекрасно! — вздыхал он. — Какая грациозность! Какое благородство! Какие славные дела свершались здесь в былые дни!.. Дозволено ли нам ступить на это историческое поле?

— Ну, конечно, мистер Ито. Все шло превосходно. От меня не требовалось ни слова.

Он продавал себе этот замшелый пустырь успешнее, чем это делал бы я.

Мы пошли через бурьяны, вслугивая диких голубей. Необытность пустого стадиона наводила священный трепет, словно это были греческие руины или Стоунхедж, а не заброшенная бейсболь-

ная площадка. Казалось, трибуны заполнены тенями болельщиков; в воздухе звучало эхо великих деяний, и в каждой темной щели клубились призраки исторических событий.

Мистер Ито, как выяснилось, знал о Стадионе Янки больше, чем я (и больше, чем я когда-либо хотел знать). Он торжественно вышагивал по полю, таская меня за собой, и демонстрировал свою эрудицию.

— Мемориальные плиты с именами незабвенных героев «Нью-Йоркских Янки» — провозгласил мистер Ито, замедлив шаг, — три камня, а за ними на стене — пять позеленевших медных табличек. — Легендарные Рут, Гейриг, Ди Маджио, Мэнтл... Вот тут Микки Мэнтл зажал мяч на трибуны — подвиг, в течение почти полувека считавшийся невозможным. А там Эл Джинфридо остановил прорыв великого Ди Маджио на знаменитом первенстве мира...

Поразительно, сколько он знал всякой всячины об этой ерунде и какое колоссальное значение все это имело в его глазах. Казалось, нашему обходу нет конца. Я бы, наверное, свихнулся с тоски, если бы меня не утешал тот факт, что он купился с потрохами. Пока Ито объяснял в любви Стадиону Янки, я убивал время, подсчитывая про себя иены. С него можно содрать миллионов десять, а значит, мне перепадал круглый миллион. Мысль о плывущих ко мне в руки денежках помогала улыбаться все два часа, в течение которых Ито блаженно лепетал и пускал слюны от удовольствия.

Был уже полдень, когда он, наконец, насытился и позволил отвести себя к флайеру. Настала пора заняться делом — надо брать его тепленьким, пока он еще не способен к сопротивлению.

— Мне невыразимо приятно наблюдать ваши глубокие чувства к этой изумительной спортивной арене, мистер Ито. Я приложу все усилия для скорейшего оформления документов на собственность.

Мой клиент замер, словно очнулся от приятных снов, а потом опустил глаза и даже почти незаметно втянул плечи.

— Увы, — печально проговорил мистер Ито. — Лелеять на своей земле

благородный Стадион Янки превосходило бы самые смелые мои мечты, но, боюсь, лишь усугубит мои семейные невзгоды. Родители супруги невежественно считают возвышенное искусство бейсбола завезенным американским варварством, и моя супруга, к несчастью, разделяет их мнение и часто бранит меня за пристрастие к этой игре. Если я приобрету Стадион Янки, то выставлю себя на посмешище в собственном доме, и жизнь моя станет совершенно невыносимой.

Ну, что вы скажете? Наглый сукин сын потратил два часа моего времени, обнюхивая каждый камень на этой помойке, и едва не свел меня с ума болтовней, прекрасно отдавая себе отчет, что брат не будет! Мною завладело отчаянное желание вколотить его зубы в глотку. Но я вспомнил о иенах, на которые у меня еще оставалась надежда, и остановился на более подходящем ответе: легкая улыбка понимающей симпатии, вздох завистливого сожаления и грустное: «Увы!»

— Тем не менее, — бодро добавил Ито, — я буду вечно лелеять память об этом визите. Моя поездка была не зряшная.

Это меня доконало. — Вы, безусловно, устали, мистер Гаррис, — сказал мистер Ито. — Не буду вас больше беспокоить. Пожалуй, нам пора возвращаться. Если вы подберете для показа что-нибудь еще, мы договоримся о встрече во взаимно удобное время.

Мистер Ито бесстрастно смотрел на унылые ряды многоквартирных домов, не заговаривая со мной и даже не замечая моего присутствия. Багровый свет, льющийся сквозь купол флайера, превращал его круглое лицо в восходящее солнце, как будто прямо с японского флага. Я много лет имею дело с японцами и никак не могу их понять. То они учтиво надменны и превосходят вас во всех отношениях, то вдруг обращаются в глупых сосунков. Сейчас меня постигла неудача, и я, поджав хвост, плелся домой. А рядом сидел разочарованный клиент и всем видом показывал, что я — полное ничтожество, а он — пуп вселенной!

— Мистер Гаррис! Мистер Гаррис! Посмотрите! Это великолепное сооружение!

Ито кричал. Его глаза восторженно сияли. Широко улыбаясь, он показывал куда-то вдоль Ист-Ривер. Со стороны Манхэттана весь берег был покрыт самими уродливыми домами, как две капли воды похожими друг на друга. Бруклинская сторона была еще хуже — так называемый промышленный район: низкие угрюмые здания без окон, склады, причалы... Выделялось только одно сооружение, и лишь его мог иметь в виду мистер Ито, — сооружение, связывающее жилой массив Манхэттана с промышленным районом Бруклина.

Мистер Ито показывал на Бруклинский мост.

— Э... мост, мистер Ито? — проговорил я, с трудом сохраняя серьезное выражение лица. Насколько мне известно, Бруклинский мост лишь одним образом мог претендовать на историческое значение — он был неперенным атрибутом анекдотов столь древних, что они уже не вызвали смеха. Бруклинский мост традиционно продавали всем наивным туристам и простакам — вместе с акциями несуществующих урановых рудников и золочеными кирпичиками.

Я не мог устоять против искушения. — Вы хотите купить Бруклинский мост, мистер Ито?

Это было прекрасно. Теперь, после того как он властью поизмыкался надо мной, я называю его в лицо идиотом, а он и не подозревает!

Напротив, Ито жадно закивал, как неотесанная деревенщина из какой-нибудь старой шутки, и сказал:

— Да, очень. Он продается? Я заставил себя проглотить смех и, снизившись, подвел флайер к рассыпающейся машине. Меж двух толстых ка-

менных башен были натянуты ржавые тросы, на которых висел мост. Флайеры давно уже сделали подобные сооружения ненужными, но, конечно, никому в голову не приходило его снести. Там, где тяжелые грязные блоки входили в воду, они были покрыты мерзкой зеленой слизью. Выше этой линии белел вековой нарост гуано. Места, незагаженные чайками, покрывал дюймовый налет копопти. Полотно дороги растрескалось, всюду валялись отбросы, мусор, высохшие ракушки. Я был несказанно рад, что кабина флайера герметична — вонь, должно быть, стояла ужасная. Мост был загаженным, разваливающимся, прогнившим уродством. Словом, это было как раз то, чего заслуживал мистер Ито.

— Что ж, — молвил я. — Полагаю, я смогу продать вам Бруклинский мост.

— Превосходно! — воскликнул Ито. — Очаровательный вид, не правда ли, мистер Гаррис? Я преисполнен решимости приобрести его, невзирая на цену.

— Не могу назвать никого более достойного, чем ваша высокочтимая особа, мистер Ито, — провозгласил я с предельной открытостью.

Примерно через четыре месяца после того, как последняя секция Бруклинского моста была перевезена в Японию, я получил два пакета от мистера Шибаро Ито: письмо с мини-кассетой и голографическим слайдом и тяжелую посылку размером с коробку из-под обуви в голубой оберточной бумаге.

Благодаря миллиону иен, лежащему на банковском счету, мое отношение к мистру Ито несомненно потеплело. Я сунул кассету в проигрыватель и даже не удивился, услышав голос японского друга.

— Приветствую вас, мистер Гаррис. Позвольте еще раз выразить глубокую благодарность за своевременную перевозку Бруклинского моста к моему поместью. Он уже установлен и доставляет всем колоссальное эстетическое наслаждение, а также невыразимо способствует сохранению покоя в моей семье. Я прилагаю снимок этого дивного сооружения, чтобы и вы могли насладиться его красотой. Кроме того, в знак признательности посылаю вам скромный дар. Надеюсь, вы примете его с тем же чувством, с которым я его делаю. Сайонара.

Во мне проснулось любопытство. Я поднял и вставил слайд в стенной проектор. Передо мной возникла поросшая густым лесом гора с темно-серой раздвоенной вершиной, суровая и торжественная. Серебристая лента воды струилась по расщелине и срывалась на каменное плато. Низвергающийся поток разбивался в небольшом озере, взметая столб брызг, которые образовывали несседающую дымку. И над ущельем между пиками, отстоявшая далеко под собой великолепный водопад, тонкой нитью повис Бруклинский мост. Его громоздкие башни, стоявшие на самом краю пропасти, выглядели изящными и хрупкими по сравнению с грандиозным величием горы. Камни были вычищены и блестяли каплями влаги; тросы и полотно дороги совсем скрывались за густым плющом. Фотография была сделана на закате; садящееся солнце заливало башни мрачно-лиловым огнем, светило бронзой в клубящейся дымке и сверкало алмазными сполохами в воде. Это было очень красиво.

Наконец, вспомнив про другой пакет от мистера Ито, я заставил себя отвести глаза.

В голубой оберточной бумаге оказалась золотистый кирпич. Я разинул рот. Я захохотал. Потом я посмотрел внимательно.

На первый взгляд это был предмет старых шуток — кирпич, покрытый золотой краской. Только сделан он был из самого настоящего чистого золота.

Я знаю, что мистер Ито хотел мне этим что-то сказать. Но что — до сих пор не могу взять в толк.

Сокращенный перевод с английского.

После публикации в «Смене» № 8 «Письма курящей девушке» академика Федора Углова в редакцию пришло немало писем с просьбой рассказать, как избавиться от вредной привычки.

Плотные синие шторы на окнах создают в комнате таинственный полумрак. Единственное яркое пятно здесь — репродукция с врубелевского «Демона». В мягких, удобных креслах, расставленных вдоль стен, сидят десять мужчин. Лица их — само ожидание. Это заядлые курильщики, решившие избавиться от вредной привычки. Неслышно ступая, в дверях появляется доктор.

— У кого есть папиросы, сигареты? — спрашивает он у сидящих. Почти все лезут в карманы.

— Закуривайте, — предлагает врач.

Все послушно чиркают спичками, и через минуту в помещении повисает небольшое растущее облачко дыма.

— Сейчас мы с вами проведем сеанс гипнотерапии, — говорит врач, когда затушены последние окурки. — Все смотрят на меня! — произносит он после небольшой паузы. — Все максимально расслабились! Сели поудобнее, отогнали все ненужные мысли. Слушаем только меня! Дышим ровно, спокойно... По всему телу разливается чувство тепла и тяжести... Приятная истома наполняет каждую вашу клеточку... Веки становятся тяжелее и тяжелее...

Мои глаза слипаются, нестерпимо хочется спать. С трудом оттопая от себя сон и, подняв тяжелую голову, озираюсь по сторонам. Вокруг все спят. Белый халат бесшумно обрабатывается по комнате взад-вперед и бесцветным голосом, размеренно произносит свои заклинания:

— С сегодняшнего дня вы все бросите курить. Вы перестанете получать от курения прежние удовольствия... Запах табачного дыма будет вызывать у вас головокружение и кашель. Уже один вид сигареты сможет вызвать у вас слюноотделение и приступы тошноты!

Врач берет дымящуюся папиросу и, медленно двигаясь вдоль сидящих, обкуривает их этим своеобразным кадиллом, не прекращая ни на минуту внушать своим пациентам отвращение к курению. Все морщатся, отворачиваются, стараются уклониться от дыма, как будто это не они каких-то десять минут назад с удовольствием покурили. Кто-то начинает громко кашлять, вскоре кашель распространяется на всех.

Наконец врач будит своих измученных никотиновыми кошмарами пациентов и в качестве «десерта», завершающего сеанс, предлагает всем снова закурить. Теперь перекур вызывает у большинства курильщиков явно отрицательные эмоции. Кое-кто незаметно сует в карман половину сигареты. Кто-то пытается халтурить — курит, не затягиваясь.

— Ну и гадость, — шепчет мой сосед, гася недокуренную папиросу.

Сеанс заканчивается.

— Конечно, одного сеанса для полного «отлучения» от курения маловато, — говорит Эдуард Константинович Корневский, заведующий одним из московских наркологических отделений. — Для того, чтобы полностью изжить пагубную привычку, с каждым из больных предстоит встретиться еще много раз. Кроме того, для успеха необходимо одно непременное условие. Человек, решивший бросить курить, должен полностью доверять врачу или по крайней мере не мешать ему своим внутренним отрицательным настроением. В противном случае никакой гипнотизер не поможет, будь то сам Вольф Мессинг...

Как ни велики возможности психотерапевтов, одними их усилиями покончить с «серым змием», конечно же, не удастся. Уж слишком неравные силы. Впрочем, Корневский и его коллеги не одиноки в этой непрерывной войне.

Институт рефлексотерапии. Здесь против «серого змия» используют не только слово, но и... иглу.

Главное достоинство этого метода в том, что он позволяет избавиться от явления так называемой абстиненции — комплекса неприятных ощущений, одолеваящих в первое время человека, решившего расстаться с табаком. При лечении табакизма, как здесь называют устойчивое привыкание к табаку, эффект достигается уже после первого сеанса. К услугам пациентов в институте есть несколько небольших светлых кабинетов. Пациенты отделены друг от друга ширмами, что позволяет врачу принимать несколько человек одновременно. С каждым больным проводится пять-шесть сеансов. Уколы делаются на глубину полтора-два миллиметра, иглы оставляют на 10—15 минут. Говорят, это совсем не больно. Число игл для каждого случая различно.

— Вид терапии во многом зависит от личности нуждающегося в лечении, — поясняет доктор В. Острецов. — Иногда приходится воздействовать даже на точки, расположенные на спине больного,

особенно если он направлен к нам из туберкулезного диспансера. Большинство пациентов приходит к нам по совету наших коллег, врачей. Это сердечники, легочные больные. Вылечившись, они, в свою очередь, ведут родственников, знакомых. Почему эти люди обращаются к нам? Не все могут самостоятельно бросить курить. Таким-то мы и призваны помочь. Для заядлого курильщика отказаться от табака сразу — все равно что перепрыгнуть планку, поднятую на метр восемьдесят. Мы понижаем эту высоту до двадцати сантиметров. Нет человека, который не смог бы ее преодолеть. Захочет ли, зависит только от него самого.

— Значит, если пациент захочет, успех вы ему гарантируете?

— Очень многое зависит от умения врача работать с больными. Нередко пациента требуется психологически «обработать». Если вам это удалось, считайте, что дело сделано.

Лекцию о вреде курения приходится строить опять же исходя из личности больного. Некоторые приходят к нам из обыкновенного любопытства, не ставя перед собой твердой задачи — бросить курить. С такими

**Береги
здоровье смолоду**

КАК ОДОЛЕТЬ «СЕРЫЙ ЗМИЙ»?

**Александр
КОБЕЦ**

старайся говорить как можно строже, чтобы сразу настроить их на серьезный лад. К женщинам нужен иной подход. С многими из них для установления контакта достаточно провести популярную беседу о возникновении преждевременных морщин. Людей деловых убеждаешь в том, что без сигаретного дыма они станут более спокойными, работоспособными, активными в творческом плане.

— Даете ли вы своим пациентам «отвести душу», накуриться в последний раз перед курсом лечения?

— Ни в коем случае. Напротив, если вы обратились за помощью к нам, то вам придется выполнить одно важное условие. Вы должны бросить курить за сутки до первого сеанса и прийти к нам в состоянии никотинового голода.

— Что бы вы посоветовали человеку, начинающему отвыкать от табака?

— Во-первых, ни в коем случае нельзя заменять курение чем-либо другим. Леденцы, жевательная резинка — все это служит лишь попыткой обмануть организм и желаемого результата не дает. Во-вторых, всем любителям черного кофе придется отказаться от него. Кофеин — могучий допинг к курению. Разумеется, этих ограничений следует придерживаться до полного выздоровления.

— Как скоро оно наступает?

— Пройдя курс лечения у нас, бывший курильщик должен потерпеть еще восемь месяцев. Лишь по истечении этого срока он попадает в категорию тех, кто никогда не курил. При этом только возможность получить инфаркт миокарда падает в три раза.

После беседы с Острецовым я говорил с некоторыми из его пациентов. Все они до прихода в кабинет врача выкуривали по пачке и более ежедневно. Уже после первого сеанса желание курить у них почти полностью пропало. Все пробоваляя покурить и после начала лечения (чтобы испытать его эффективность, как они говорили), но уже не ощущали привычного вкуса табака, чувствовали неприятное

покалывание в висках и после двух-трех затяжек сигарету бросали.

— Да, в Институте рефлексотерапии «серому змию» не разгуляться, — подумал я. — Другое дело, за его пределами...

Вспомнились слова Острецова, сказанные им с горечью в конце нашего разговора: «Бьешься, бьешься с больными, а выйдешь из института — руки опускаются. На улице — на каждом шагу табачный киоск. Обилие цветочных сочетаний красующихся на витринах пачек способен позавидовать павлин. Конечно, торговые организации получают от продажи табачных изделий солидные доходы. Казалось бы, можно бить в литавры и кричать «ура» — ведь планы выполняются, участники их реализации получают премии. Но вот, по данным Всемирной организации здравоохранения, расходы, связанные с лечением курильщиков, потерями рабочего времени и выплатами больным, превышают доходы, получаемые от продажи табачных изделий, более чем в два раза.

Борьба медиков с «серым змием», пожалуй, заслуживает называться странной. Они всеми силами стараются излечить спохватившихся курильщиков, торговля же фактически способствует тому, чтобы поток пациентов к врачам не иссякал.

К телевизору дома хоть вообще не подходи — сплошная реклама курения. А ведь зритель, как ребенок, впитывает преподносимого с экрана героя полностью, со всеми присутствиями тому плюсами и минусами. Вот и начинает он после нашумевшей постановки курить сигару под лорда, трубку под чужого.

К этим словам врача я добавил бы, что среди подобных «детей» по разуму, коротающих вечер у телевизора, немало детей и по возрасту. А ведь именно для них особенно опасна «психологическая обработка», которую исподволь ведет «серый змий». А вспомните, к примеру, телепрограммы минувшего месяца. Не сомневаюсь, что в них отыщется хотя бы одна производственная премьера, всю напряженность действия которой режиссеру удалось передать исключительно табачными средствами. Постановки, которые частенько можно без особого риска назвать «Много дыма из ничего», — частые гости нашего голубого экрана.

Читатель, вероятно, давно заметил, что я называю курильщиков больными. Кое-кого, возможно, это определение удивит. Но ведь никому не придет в голову спорить против утверждения «больной», когда речь идет об алкоголике. А чем курение безвреднее?

— Практически ничем, — считает заместитель главного нарколога Москвы Я. Гальперин. — На 45-й сессии Исполнительного комитета Всемирной организации здравоохранения было принято постановление, призывавшее все медицинские учреждения занять по отношению к курению активную, непримиримую позицию. За прошедшие с тех пор годы в мире многое изменилось к лучшему. Во Франции действует закон, ограничивающий курение в общественных местах. В Швеции за курение в присутствии детей, даже у себя дома, на виновных налагается штраф, а продажа табачных изделий несовершеннолетним карается уголовной ответственностью. Кроме того, стоимость изделий из табака в этой стране ежегодно увеличивается на десять процентов.

В 1976 году в нашей стране была создана наркологическая служба. Одно из ее подразделений пришло на помощь желающим бросить курить. В июле восьмидесятого года было принято постановление о дальнейших мерах по борьбе с курением. Создан межведомственный Совет по разъяснению вредных последствий никотинизации среди населения. На базе московского наркологического диспансера № 1 организован городской центр по предупреждению и лечению этой опасной для здоровья привычки.

— В чем секрет сегодняшней популярности курения?

— Как известно, никотин, воздействуя на наши надпочечники, притупляет чувствительность организма к внешним раздражителям, способен кратковременно понизить стрессовое напряжение. Именно поэтому многие люди впервые знакомятся с табаком в минуты волнения, тяжелых переживаний. Подростки прибегают к курению, как к одному из способов утвердить свою «мужественность» среди сверстников. А вот почему курят женщины, однозначно ответить трудно. Возможно, они, как и мужчины, хотят иметь свой «перекур»? Ведь как приятно переключиться, отвлечься на пять минут в рабочее время, поболтать и выкурить сигарету... Это маленькое удовольствие рождает большие неприятности. Ученые уже обратили внимание на рост тяжелых заболеваний среди курящих женщин. В одной из книг, вышедшей недавно в Англии, табак назван «убийцей слабого пола».

Именно этого имени заслуживает «серый змий», именно с этих позиций с ним и следует вести борьбу всем нам, не рассчитывая на то, что верх над ним медики одержат самостоятельно. Что для этого могу сделать я? — спросите вы. Для начала бросьте курить сами. Если не можете, обратитесь к врачу.

ЗОЛОТАЯ БАБА

Сергей
ПЛЕХАНОВ

ПОВЕСТЬ

«За землю, называемую Вяткою, при проникновении в Скифию, находится большой идол Zlota Baba, что в переводе значит золотая женщина или старуха; окрестные народы чтут ее и поклоняются ей; никто проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует ее с пустыми руками и без приношений».

Матвей МЕХОВСКИЙ.
«Сочинение о двух Сарматиях». 1517.

«В Обдорской области около устья реки Оби находится некий очень древний истукан, который москвитяне называют Золотая Баба, то есть золотая старуха. Это подобие старой женщины, держащей ребенка на руках и подле себя имеющей другого ребенка, которого называют ее внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи, а также и другие соседские племена воздают культ почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокоценные соболя меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения; сырые же внутренности жертвы пожирают, и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать: истукан же (странно сказать) обычно дает вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел».

Алессандро ГВАНЬНИ.
«Описание Европейской Сарматии». 1578.

«Можно представить легковерному летописцу верить в то, что он рассказывает про ослепшую богиню и что ни в какой мере не подтверждается последующими известиями. Некоторое сходство с этим рассказом имеет еще более древний рассказ про языческую богиню, державшую ребенка на коленях, которую почитали в низовьях реки Оби под именем «Златой Бабы». Я расспрашивал про нее тамошних остяков и самоедов, но ничего не узнал, и то, что нам сейчас рассказывают на реке Оби про Белогорского шайтана, совсем не похоже на вышеприведенный рассказ.

Достоверно лишь то, что белогорские остяки имели знаменитого шайтана, от имени которого делал предсказания приставленный к нему шайтанчик. Вероятно также и то, что при приближении казаков шайтанчик тщательно укрыл свою святыню и посоветовал остякам также спрятаться от казаков».

Герард МИЛЛЕР.
«Описание Сибирского царства». 1750.

«Внешний вид и устройство его (идола) неизвестны были и самим обоготворявшим. Постоянно охраняемая двумя стражами в красных одеждах, с копьями в руках, его кумирня была закрыта для вогулов. Один только старейший и главный шаман имел право входить в кумирню».

Ипполит ЗАВАЛИШИН.
«Описание Западной Сибири». 1862.

Иван проснулся словно от толчка, резко приподнялся на постели, откинув укравшую его полу овчинного тулупа. Напряженно прислушался. Тишину нарушало только дыхание спящих. Оглядел убогое пристанище, слабо озаренное светом лампы. С низкого бревенчатого потолка свисали пряди мха. На грубом столе в беспорядке стояла глиняная посуда, валялись деревянные ложки. На топчанах угадывались фигуры людей, закутанные в тряпье.

Но вот до слуха Ивана явственно донесся крик совы. Молодой человек без промедления сбросил с топчана босые ноги, нашарил опорки и кинулся к лазу.

То, что он увидел, высунувшись из землянки, заставило его затаиться. Со всех сторон к лесистому островку, на котором находился скит, двигались солдаты в синих мундирах. Они шли в полном безмолвии, по пояс утопая в тумане. На стволах их ружей играли розовые блики: над зубчатым таежным окоемом вставало солнце.

Тревожный крик совы повторился. С раскидистой сосны проворно скользнул человек в лохмотьях и словно растворился в жухлой траве.

Иван бросился расталкивать спящих.

— Команда идет!

В один миг тесная землянка наполнилась суматошным движением. Люди хватили в охапку какой-то убогий скарб и, пригнувшись, скрывались в темном отверстии, зиявшем в углу. Иван тоже последовал за всеми в подземный ход.

Где-то впереди металось пламя свечи. Его то и дело закрывали силуэты людей, пробирающихся по узкой земляной щели, укрытой бревенчатым накатом. Снаружи вдруг послышались частые выстрелы. Беглецов словно бичом хлестнуло. Сгорбились спины, головы втянулись в плечи будто в надежде уменьшиться, стать неприметнее.

Ход оборвался неожиданно. Иван оказался в большой землянке, заполненной людьми. Здесь было куда светлее: повсюду мигали лампы, язычки свечей отражались на окладах икон, светилось золотое шитье хоругвей.

В стороне сбились в кучку несколько мужчин и женщин. Иван кинулся к ним, зашептал:

— Матушка, все ли здесь?

— Не знаю, родимый. В суматохе-то...

Мать положила ему на плечо исхудавшую руку, внимательно посмотрела в глаза. Лихорадочный взгляд ее больше всяких слов говорил о том, как она измучена. Резкие морщины, свалывшиеся волосы, то и дело падающие на лицо, острые плечи, прикрытые латаной одежкой. Пронзительное чувство сострадания охватило Ивана, и он порывисто прижал голову матери к своей богатерской груди. А глаза его тем временем шарили по сторонам, явно отыскивая кого-то.

Стрельба наверху все продолжалась. То и дело доносились хриплые крики. Вот над головами беглецов глухо протопали чьи-то ноги, потом еще и еще. И наконец послышались тяжкие удары у дальнего края землянки.

— Доискались, — мрачно выдохнули сразу несколько голосов.

И тут же сдвоенную тишину прорезал гнусавый тенор. Псалом подхватил еще голос, другой, и скоро им вторил целый хор — дребезжащие старушечьи голоса, глухие мужицкие, ломкие детские. И чем сильнее становились удары в углу землянки, тем дружнее звучал распев. Дым от свечей и кадильниц ходил клубами, щипал глаза, а люди, то и дело утирая выступавшие слезы, продолжали петь.

Но вот лампадный сумрак прорезал луч яркого света. В отворившийся лаз просунулись стволы ружей.

— А ну, выбирайтесь, крысы, на свет божий! — рявкнул хриплый бас.

Никто не шелохнулся. С надрывом гремел псалом. Теперь пели все: и стар, и млад.

И тогда в землянку ворвались солдаты, стали одного за другим выталкивать людей из убежища.

Ивана швырнули на землю под сосной, где уже лежали несколько связанных обитателей скита, и, завернув руки за спину, принялись опутывать их веревкой. Закончив свою работу, солдаты достали маленькие трубочки и стали невозмутимо раскуривать их, наблюдая, как во всех направлениях снуют синие мундиры: кто-то нес иконы и книги, кто-то растаскивал накат землянок, кто-то гнал захваченных скитников.

Иван с усилием перевернулся на спину и сел. В глаза ему бросились две женские фигуры в перепачканных, изодранных сарафанах. Солдат подталкивал мать Ивана прикладом, а другую пленницу крепко держал за толстую косу.

— Анютка! Матушка! — невольно вырвалось у молодого человека.

Обе приостановились на мгновение, с болью взглянув на Ивана. Но конвоир грубо дернул девушку за косу, а мать ткнул между лопаток ложей ружья.

— В заводе наглядитесь друг на дружку!

К развороченной землянке прошагал невысокий, тщедушный мужик в войлочной шапке, в новом кафтане и высоких сапогах. Повелительно заговорил с солдатами, тыча пальцем в кучи бревен. Один из них вздул огонь с помощью кресала и принялся поджигать останки скита.

И скоро жадное пламя с гудением стало пожирать сухое дерево, клубы дыма повисли над затлевающимся дерном. Подняв сноп искр, обрушились в землянку яму остатки настала.

— Ивашка Антипов, по уличному прозвищу Рябых, — доложил заводской приказчик Тихон, когда Ивана ввели в обширную комнату с голыми стенами.

Над небольшим кое-как обструганным столиком возвышалась грузная фигура управителя Карла Фогеля.

— Тоже из Терентьевой? — твердо выговаривая согласные, спросил немец.

— С Терентьевой, Карла Иваныч, — почтительно подтвердил приказчик.

— Скажи, молодец, отчего вы в бега ушли? — с тем же деревянным акцентом проговорил Фогель.

— Так вишь, ваше сиятельство, повинность-то заводская больно тяжела нам показалась. Мы ведь, селение то есть наше, еще до заводских затей на земельку эту сели. Так почто же нас к заводу приписали, нету такого закону...

— Мальчиш! — Фогель что есть силы хлопнул ладонью по столу и вскочил. Когда он волновался, акцент в его речи делался еще заметнее, многие слова управитель произносил на немецкий лад — путая роды и падежи, глотая окончания. — Государыня императрица Анна Иоанновна повелел рудное и железное дело всеконечно расширить и для того в сем 1734 году нового начальника Главного заводов правления назначил — его превосходительство действительного статского советника Татищева.

Немец схватил со стола бумагу и, с важностью уставив палец в потолок, заявил:

— В сей промемории распоряжился его превосходительство главноначальствующий о новых работных людей приискании и в ведомстве казенных заводов водворении... И то учинять повсеместно... к вящему державы Российской процветанию.

— Да уж шибко несходно тяготы эти нести, — тупо повторил Иван.

— Ты мне дурака-то не валяй, — сведя к переносью кустистые брови, с угрозой сказал Тихон. — Думаешь, господин управитель тебя за малоумного сочтет да и отпустит подобру? Не-ет, не проведешь, вражье семей! Он, Карла Иваныч, из самых злохитрых смутьянов будет. Весь в отца. Тот однопороченцев к уходу в скит склонял, а этот чужую невесту сманил...

— Какая чужая! — Иван яростно сжал кулаки. — Силком ее за Мишку сговорили. А она мне давно обещалась!

— Ты такой дурной мальчиш?! — В голосе Фогеля слышалось изумление. Управитель смотрел на Ивана с таким выражением, словно только теперь наконец как следует разглядел его.

— Вместе с ихней семейкой в скиту взяли Анну, Егора Кузьмина дочь. Хотели было к родителю отправить, так нет — уперлась: буду в заводе вместе с этими. — Тихон кивнул на Ивана. — Без вашего распоряжения не решаемся... Как велите...

— А кто жених ее? — спросил Фогель.

— Из хорошей семьи — отец его скотом торгует, властям послушание и страх надлежащий в чадах воспитал...

— Без ее согласия Анютку сговорили! — крикнул Иван. — А ей этот Мишка — ну все равно что пустое место...

— С каких это пор у девки спрашивать стали, за кого ей идти? — Тихон пренебрежительно вытянул губы трубочкой.

— Все едино она за него не пойдет, — угрюмо сказал Иван.

— Выходит, это вы людей подбили в скит уйти? — нахмурясь, спросил немец. — За такую повинность знаешь что бывает? В вичную работу на цепь...

— Никто никого не мутит, господин управитель, вот тебе истинный крест. Как объявили нам про приписку к заводу, так и поднялись несколько семей. Небось наслышаны, каково из соседних-то деревень мужику достается, кто в работы взят... А Анютка... своей волей с нами отпавилась — уж больно донимал родитель, чтоб за Мишку шла.

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

кинулись шурфы бить по всему Уралу. Обнищали, оборвались, а все не хотят к земле вернуться, каждый жар-птицу ухватить мечтает.

— Во-от, вот она, ваша воля! — торжествующе произнес горный командир. — Во всяком государстве обыватель должен иметь свободу, да только не такую, чтоб каждый делал, что хочет по прихоти своей; не такая должна быть воля, как у диких зверей, но рассудительная, законами дозволенная, о благе казенном радеющая. Такая воля в державе нашей водворена покойным императором Петром Великим, а ныне сохраняется высокою защитою ее императорского величества Анны Иоанновны. Если же, безумный старик, твоим речам внять да по слову твоему всем поступать, и у нас безгосударная смута придет.

Один из кержаков, стоявших у вагонетки, с вызовом сказал:

— На вольной воле жили и ни для каких казенных польз поступаться ею не желаем.

Народ на доменном дворе задвигался, послышался ропот. Служители стали мало-помалу скупиваться вокруг начальства.

— Не хотите добром на завод идти — заставим, — вско сказал Татищев.

Воцарилось тяжелое молчание. Настороженные взгляды служителей и горных офицеров, словно в немом поединке, сталкивались с озлобленными взглядами бородатых людей в прожженной, латаной одежке.

— Ваше превосходительство, — почтительный голос Фогеля прозвучал совсем негромко, но его услышали даже те, кто стоял поодаль. — А как же с указом о раскольниках быть?

— Мы вольны ему свое толкование давать, — быстро ответил горный командир. — Будешь ждать, пока эти плуты сами к заводам соизволят приселиться, не скоро толку добьешься... Сейчас у нас полтора десятка казенных заводов, а я думаю к сему числу еще сорок прибавить! Где же рабочих для них напасешься? Зорите скиты, господин управитель, соняйте оттуда бездельников к домнам да к молотам!

Польщенный Фогель орлом смотрел на притихших кержаков.

— Вы слышали, это не я вам сказал! Его превосходительство из самого Петербурга недавно прибыли, от ее императорского величества полномочия имеют!

Когда они двинулись дальше, управитель чуть повернул голову к Тихону и спросил:

— Эти пятеро на подаче руды, отец с сыновьями — как их по уличному-то?..

— Рябых, Карла Иваныч.

— Ты вот что, распорядись, чтоб без кандалов на завод их доставляли. — Он в раздумье пожевал губу и с видимым сожалением сказал: — А вот старику двадцать пять батогах дать придется. Женщин ихних — жену старика и Анну, с ними в бегах бывшую, — от надзора освободить и работу полегче подбрать...

Тропа вилась по верховому болоту. Сквозь редколесье виднелись мощные складки хребта, покрытые темно-зеленым бархатом растительности. Снеговые шапки гольцов нестерпимо горели на солнце. И над всем этим огромным молчаливым миром плыли белые льдины облаков.

Размерно покачиваясь в седле, Иван то и дело смотрел на эти быстро движущиеся в синеве глыбы. Во всем облике путника сказывалось утомление однообразного пути. Даже от комаров он отмахивался как-то вяло.

Скользя взглядом по серо-рыжей растительности болота, молодой человек вовсе не замечал ее. Ему вновь и вновь представлялась сложенная из плитняка стена каземата. Вот сквозь толстые граненые прутья решетки просунулась рука, узловатые пальцы сжали ладонь Ивана. В полутьме тюремной камеры лихорадочно заблестело несколько пар глаз.

— Братишка! Беги ты от этого немца куда глаза глядят, не пусти он нас на волю. Вон батюшку как исполосовали — второй день не поднимается.

Иван с болью вглядывался в осунувшееся лицо старшего брата и, словно оправдываясь, бормотал:

— Нет, не брошу я тут вас. А особливо матушку с Аннушкой жалко... Право, поеду я...

За металлические прутья взялся второй брат. Приблизил лицо к самой решетке и тихо проговорил:

— Открой хоть, куда посылает тебя управитель.

— А, к вогулам... — Иван мотнул головой в сторону и отвел глаза.

— Ну, не хошь, не говори, — обиженно сказал брат.

Порывисто сжав его руку в ладонях, Иван просительно сказал:

— Немец не велел. Да и сам не хочу замечать — сорвется. Нельзя ль на родителя взглянуть... Напоследок.

Фигуры братьев растворились в полумраке. Через минуту возникли вновь. Иван увидел тело отца, подваченное четырьмя парами рук.

— Батюшка, благословите на путь шествующего, — сглотнув слезы, сказал Иван.

Старик какое-то время искал глазами младшего сына, потом кое-как поднял руку для крестного знамения, но тут же уронил ее и хрипло произнес: — Бог тебя храни, Ивашка. А мы тут, мы...

И снова закрыл глаза.

Занятый своими мыслями, Иван и не заметил, что сосняк стал погуще, да и деревца пошли более рослые и раскидистые. Только когда ветки несколько раз хлестнули его, молодой человек сообразил, что снова началась тайга, и пошел рядом с навьюченной лошадыю...

Лес стал редеть. Взгляд Ивана все чаще останавливался на могучих березах, стоящих в траве словно бы в чулках — кора была начисто снята на высоту человеческого роста. На стволах других деревьев попадались зарубки одного и того же вида. Невольно прибавив шагу, молодой человек шел теперь впереди лошади, нетерпеливо подергивая за уздечку.

Березняк кончился. На большой поляне, поросшей высокой шелковистой травой, было разбросано несколько строений — хранилище припасов на высокоопиленных стволах, лазазы, низкая землянка с берестяной крышей, усеянной черепами соболей. Несколько собак бросились навстречу Ивану, принялись молча обнюхивать его и лошадей. Пожилая скуластая женщина, возившаяся у камелька, прикрыв лицо рукавом, кинулась в землянку. Из-за кучи хвороста, из-за перевернутых нарт, из-за угла амбара на Ивана опасно смотрели несколько пар детских глаз.

Из землянки показался невысокий мужик-вогул с заспанным лицом, с короткой косицей, в которую был вплетен узкий ремешок. Он прикрикнул на собак, прыгавших вокруг лошади, и вопросительно посмотрел на Ивана.

— Здравствовать вам, дядя Евдя, со всем семейством. Поклон вам от крестового — Антипы из Терентьевой деревни, по прозванию Рябых.

— И ты, паря, здравствуй. И Антипе здравствовать. — Евдя говорил по-русски сносно, хотя и с типичными для вогулов придыханиями на каждом слове.

Некоторое время он молча разглядывал рослого, широкоплечего гостя, потом неуверенно спросил:

— Э-э, да ты не Ивашка ли?

— Он самый.

— Ну и разнесло тебя, паря, раскрасавило. За прошлый год гостевали, совсем ребяенок был.

— Осмнадцатый год пошел, матка сказывала.

Самбиндалов принял поводья и, ласково потрепав лошадей по щеке, повел к лабазу. Расседывая ее, он что-то бормотал по-вогульски, то и дело поглаживая холку, потом принялся почесывать щепкой спину животного. Принес плошку с тлеющими трутовиками, поставил ее так, чтобы дым несло в сторону лошади. Сказал:

— Ну вот, милая, теперь гнус не потревожит.

Перед входом в землянку тоже курился короб с трутовиками. Переступив через него, Иван попал в полутемное помещение, усталое оленьими шкурами. В одном углу висел кожаный мешок с привязанным к нему серебряным блюдом, в другом — небольшой образ.

Перехватив взгляд гостя, Евдя объяснил:

— На всякий случай и русскому богу Миколу молюсь, и нашему Ортику.

— Это у него что, рожка? — спросил Иван, указывая на блюдо.

— Рожка, стало быть. — Самбиндалов смущенно прокашлялся. — Знаешь, Ивашка, два бога лучше, чем один. Все какой-нибудь да заступится.

— Помолись, дядя Евдя, своему за меня — по тайге, знать, его власть сильнее! Да скажи, чтоб непогода не слал покамест — а то я вон, к тебе едучи, на небо глядел: с севера облака тащит, как бы холод не нагнало...

— Что тебе непогода?

— Да ведь по урманам ночевать придется, холод-то мне шибко не надобен.

Самбиндалов кивнул, но вопросов задавать не стал. Высунувшись из землянки, крикнул что-то по-вогульски и показал Ивану рукой на шкуры: садись.

Через минуту посреди землянки возник столик — на два чурбачка хозяйка положила широкую тесину. Появились угощение: квашеная рыба, рябчики, ягоды и орехи.

За трапезой вогул то и дело испытующе поглядывал на гостя, но от вопросов по-прежнему воздерживался. Иван, сидя на шкуре в непривычной позе — подогнув под себя ногу, — с аппетитом уписывал дичь. И тоже не спешил рассказывать.

Наконец молчание сделалось неловким и, отложив обглоданное крылышко, молодой человек заговорил:

— Беда у нас приключилась... Вся семья наша, и батюшка, и маманя, и невеста моя, — все в тюрьму заводскую угостили. Как бы, слышь, клеймо еще не наложили за провинность нашу...

Самбиндалов оставил еду и, горестно раскачиваясь, слушал.

Рисунок Вячеслава ПАВЛОВА, Москва

Рисунки Евгения СОКОЛОВА, Красноуральск

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

- «Смена» № 2. В. Матус I. 1. 19-14! 10:30 2. 8-2 15:33 3. 3:28! 32:12 4. 41:43x. Показана редчайшая тема: трехкратное «большинство», усиленное жертвой дамки, и оппозиция.
- II. 1. 42-37 36:47 2. 46-41 47:50 3. 19-13 8:19 4. 24:4 15:33 5. 41-36 35:24 6. 49-44 50:39 7. 37-32 27:38 8. 16:27 22:31 9. 4:28 33:22 10. 36:7x.
- «Смена» № 4. Е. Ткаченко I. 1. 46-41 37:46 2. 39-34 46:19 3. 24:15 35:24 4. 15-10 14-20 5. 10-4 5-10. 6. 4:15 24-29 7. 15:2 29:40 8. 2-35 40-45 9. 35-40 45:34 10. 33-29 34-29 34:23 11. 48-43 23-29 12. 43-39x.
- II. 1. 50-44 39:50 2. 30-24 50:8 3. 24:2 3-9 4. 2:16 27-32 5. 16:15 32:43 6. 15:38 43:32 7. 41-37x.
- «Смена» № 6. В. Гузинов I. 1. 42-37 31:33 2. 17-11 40:38 3. 11:2 33:44 4. 2:40 35:44 5. 50:39x.
- II. С. Юшкович 1. 29-23 25:34 2. 15-10 5:14 3. 23-19 14:23 4. 44-40 35:44 5. 49:7 38:49 6. 17-11 1:12 7. 45-40 49:19 8. 6-1 16:7 9. 21-17 12:21 10. 1:12 3:20 42:31 18! 13:22 11. 26:37x.
- «Смена» № 8. В. Матус I. 1. 10-5 38:49 (1... 38:27 2. 19-13x) 2. 9-4 49:27 3. 19-13 8:28 4. 5:49x.
- II. 1. 48-42 37:48 2. 47-41 48:14 3. 16-11 28:50 4. 11:2 35:44 5. 2:3 14:46 6. 3:5x.
- «Смена» № 11. I. В. Савин — А. Якименко 1. 27-22 18:27 2. 32:21 23:43 3. 49:38 16:27 4. 37-31 26:37 5. 41:21 17:26 6. 36-31 26:37 7. 48-42 37:48 8. 34-30 48:34 9. 40:16x.
- II. Ю. Рагозин — В. Савин 1... 18-22 2. 25:14 21-27 3. 32:12 23:32 4. 38:9 4:13 5. 14:23 7:27x.
- «Смена» № 12. В. Муляр I. 1. 20-15 6:17 2. 15:4 17-21 3. 4:22 21:41 4. 49-44 40:38 5. 29:36 34-39 6. 36-27 39-44 7. 27-22 44-50 (7... 44-49 8. 22-44x) 8. 22-6x.

- II. Г. Шестериков 1. 42-37 41-46 2. 37-31 46:28 3. 27-22 36:18 4. 40-34 30:39 5. 44:4.
- «Смена» № 17. К. Турий 1. 10-4 20-24 (если 1... 31-36, то 2. 23-28 36:47 3. 28-41 47:36 4. 19-13 36:9 5. 4:49 20-24 6. 49-38 24-30 7. 38-43 30-35 8. 43-48x) 2. 19:30 31-36 3. 30-24 36:47 4. 24-19 47-41 5. 23:46 38-43 6. 19-13 16-21 7. 46-28 21-26 8. 28-32x.
- II. 1. 46-14 a) 1... 30-35 2. 39-34 29:40 3. 14-19 45-50 (3... 40-44 4. 49:40 45:14 5. 5:23x) 4. 49-44 50:14 5. 5:45x. 6) 1... 29-34 2. 49-44 34:43 3. 44-40 45:10 4. 5:49x. в) 1... 45-40 2. 14-25 29-34 (2... 30-34 3. 39:30 40-35 4. 25-14x; 2... 30-35 3. 25-34x) 3. 5-19 34:43 4. 19:44 43-48 5. 44-39x.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ЗАДАЧНАЯ ИДЕЯ

В 4-й партии матча на первенство мира по шахматам Карпов — Каспаров (1985) белые осуществили интересную задачу идею.

Карпов — Каспаров

28. Ch5! Слон переводится на ослабленную диагональ b1-h7. 28... Cc8 29. Cg6 b5 30. Cd3. Слон отступает по диагонали, чтобы пропустить вперед себя ферзя. 30... b4 31. Fg4. Уже грозит 32. Fg6. В этом сдвоении по диагонали ферзя и слона и заключается главная стратегическая идея белых. 31... Fc8 32. e4 Cg5 33. Lc2 L:c2 34. C:c2 Fc6 35. Fe2 Fc5 36. Lf1 Fc3 37. ed ed 38. Cb1 Fd2 39. Fe5 Ld8 40. Ff5! Спустя 12 ходов белые осуществили свой замысел,

что в дальнейшем и обеспечило им успех в этой партии.

Тема сдвоения двух дальнобойных фигур с предварительным освобождением линии слабой фигурой (обратным движением!) для сильной с последующим ее движением в обратном направлении известна в композиции давно. Вот классический пример.

О. Вюрцбург, 1895

Мат в 3 хода

К цели ведет 1. Ch3! и на любой ход черного короля белые сдвигают ферзя по диагонали c8-h3 2. Fg4! с неизбежным матом (тематические варианты: 2... Kрb8 3. Fc8x и 2... Kрd8 3. Fd7x с правильными матами). Здесь идея выражена в чистом виде, без лишних ходов, как и положено в задаче. Красив и дополнительный вариант: 1... a5 2. Fa6+! Kр:a6 3. Cc8x.

Еще более интересна задачная идея сдвоения, когда сильная фигура освобождает линию для слабой и затем посылает ее вперед себя! Для чего? Один из ответов вы получите, решив следующую задачу.

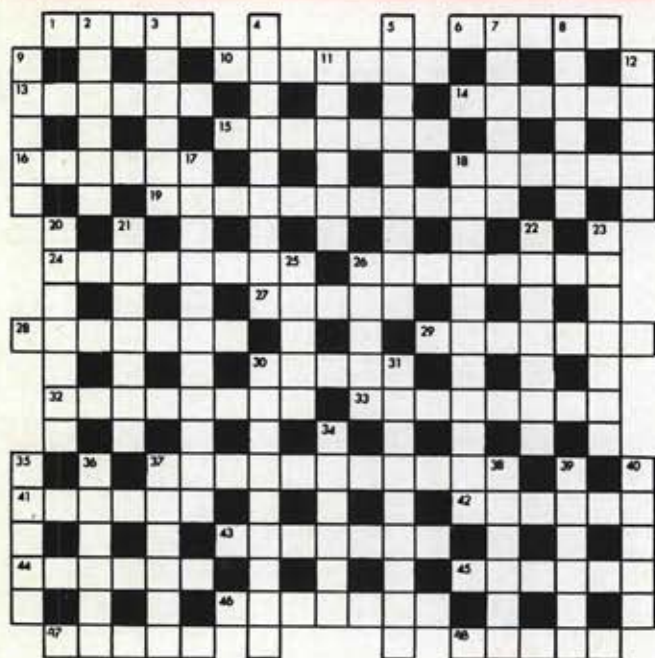

Мат в 4 хода

Публикуем решение задачи В. Руденко, помещенной в прошлом номере. 1. Cc3! с угрозой 2. b4! Kрa2 3. Ca4 и 4. La1x, 1... Kрa2 2. Lh8! Kрb1 3. La8 и 4. La1x, 1... g3 2. Ch5+ Kрc2 3. La1 и 4. Cd1x, все маты правильные.

КРОССВОРД

Составил М. АКУЛИЧ, Омск

По горизонтали:

- «Шел ... по берегу, шел издадека» (из песни).
- Автор романов «Машина времени», «Война миров».
- Судно для транспортировки топлива.
- Первая в России женщина-офицер.
- Русское название амаранта, овощного растения.
- Одно из преступных занятий миледи в романе А. Дюма «Три мушкетера».
- Медленный танец в классическом балете.
- Чемпионка XIV Олимпийских игр в парном катании на коньках.
- Метод изучения затрат времени на производстве.
- Работник аптеки.
- Деятельный член коллектива.
- Глубины земли.
- Архитектор, построивший здание Адмиралтейства в Петербурге.
- Знаменитый древнеримский оратор.
- Приправа к пельменям.
- Темно-бурая, с белыми пятнами таежная птица.
- Эмблема телепередачи.
- Способ заготовки кормов.
- Полуостров на севере Югославии.
- Бич фермеров Австралии.
- Речной боевой корабль.
- Героиня новеллы Стендаля.
- Единица объема, равная двум пинтам.
- Периодическое издание.
- Сельскохозяйствен-

ная машина. 48. Молодой спортсмен.

По вертикали:

- Вымершая степная лошадь.
- Античный философ, основатель сирийскую школу неоплатонизма.
- Съедобный гриб, который легко вырастить в подвале.
- Умножение, зовущее на героические дела.
- Летчик, штурман, бортмеханик (совокупное название).
- Монета, название которой легко встретить в романах А. Дюма.
- Высшая цель стремлений.
- Держатель патронов в пистолете.
- Пастух.
- Наука о птицах.
- Декоративное растение.
- Пригодность на металлообрабатывающих станках.
- Игроки на одной стороне волейбольной площадки.
- Богиня, покровительница искусств и ремесел в римской мифологии.
- Персонаж оперы К. Вебера «Волный стрелок».
- Русская сказка о коллективном труде.
- Сам алый, сахарный, кафтан зеленый, бархатный.
- Прибор, позволяющий определить угол дорожного ската.
- Лечебно-профилактическое учреждение.
- Денежная единица Венгрии.

Родина композитора и живописца М. Чюрлениса. 36. Снаряд, сделавший знаменитым Л. Жаботинского. 37. Луговая трава. 38. Столица республики, в которой воздвигнут памятник Давиду Сасунскому. 39. Французский пилот, первым перелетевший через Ла-Манш. 40. Порядок, устройство жизни, быта.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

- Зарезо. 6. Элегия. 10. Осыпь. 11. ... лозунг ... 13. Ириска. 14. Самарканд. 15. Труд. 17. Плаг. 18. Баски. 19. Эйзен. 24. Уверенность. 25. Хорей. 27. Марля. 28. Зависимость. 32. Напор. 33. Перец. 36. ... Уран. 38. Йота. 39. Щепотьева. 41. Барсуки. 42. Арроба. 43. Жилка. 44. Лантан. 45. Пальцы.

По вертикали:

- Золото. 2. Разруб. 3. Ванс. 4. Юскан. 5. ... спокойствие. 7. Лорд. 8. Гюстав. 9. Яранга. 12. Гасконь. 13. Инзер. 16. Даррелл. 20. Овраг. 21. Потамология. 22. Воробей. 23. ... честь ... 26. Тихеева. 29. Чалек. 30. Футбол. 31. Шафран. 34. Цюколь. 35. Татары. 37. Кыяка. 39. ... цука ... 40. Ария.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 04.10.85. Подписано к печати 17.10.85. А 04646. Формат 70x108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2701. Заказ № 1634. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

*Пусть осуществляется ваше
самое дерзкое, крайнее
желание.
Любви и счастья.
Мирного голубого неба.
Макагонов*

Редакция с удовлетворением отмечает, что сфера читательских интересов в спорте с каждым месяцем становится шире. Судя по письмам, у читателей все чаще возникает желание познакомиться в рубрике «Спортивный автограф» не только с нашими прославленными футболистами, хоккеистами и фигуристами, но и с не менее достойными представителями других видов спорта.

Об абсолютной чемпионке мира по самолетному спорту Халиде Макагоновой «Смену» просили рассказать П. Самохин (Уфа), М. Извеков (Краснодар), О. Воронова (Болград), К. Мизин (Пенза) и другие.

Ждем ваших предложений, уважаемые читатели!

Кем в детстве обычно мечтают стать девочки? Конечно же, актрисами, певицами, врачами, учительницами (это если повезет на влюбленного в свое дело педагога). Ей же снились по ночам морские дали и синее небо, пронзаемое самолетами. Грезы, казалось бы, сугубо мужские.

Но она пошла дальше грез... И не успокоилась, когда ей отказали в приеме в аэроклуб, объяснив, что самолетное отделение исключительно для мужчин. Но девочки, как потом выяснилось, особенно и не просились в небо. Халидэ же оказалась настойчивее многих. В 1972 году тренеры смягчились: зачислили Халидэ на отделение планеров. До самих полетов тогда было еще очень и очень далеко — целый год. Кропотливо занимаясь теорией, она задирала голову и смотрела, как в небе пока парят другие.

Излишне, наверное, спрашивать, завидовала ли она им. Конечно. Но это была добрая зависть. Абсолютная чем-

пионка мира Халидэ Макагонова и сейчас любит наблюдать за полетами соперниц. Порой ей кажется, что там, в небе, кто-то достиг почти идеального сочетания отваги и фантазии, — тут-то и проявляется спортивный азарт, без которого немислимы большие победы.

Но не все шло гладко. Ей долго не удавалось выполнить нормативы мастера спорта. Зато когда, наконец, она получила это звание, Халидэ почувствовала такую легкость и свободу, словно опять парила на планере. Она нашла в небе романтику, которую искала, и одновременно поняла, что спорт — это еще и очень серьезная работа. А самолетный спорт, несмотря на кажущуюся его индивидуальность, — труд коллективный.

За каждым летающим наблюдает, как правило, только что приземлившийся летчик, он же сообщает пилоту в небе по радиации ошибки, заметные с земли. Потом они вдвоем что-то долго чертят мелом на взлетной полосе аэродрома, споря порой до хрипоты, — иначе эти безнадежно «больные» небом люди жить, видимо, просто не умеют.

Добрая и отзывчивая, всегда готовая утешить товарища после неудачи, Макагонова крайне редко бывает довольна собой. На первом своем чемпионате мира она завоевала пятое место в многоборье. Все считали это удачей, она же — чуть не в слезы. Ей так хотелось выиграть, хотя и признавалась себе: пока не готова к этому.

— Мой тренер Касум Гусейнович Нажмуудинов не просто отправляет нас в воздух исполнять пилотажные фигуры. Он всегда спрашивает после приземления: «Ну, а что ты видела там, в небе?» Мы рассказываем ему о заводских трубах у линии горизонта, замеченной подходящей грозе. Безупречная ориентация в воздухе — летная аксиома. Отклонение в 5 градусов судьями наказуемо. Медики, между прочим, утверждают, что в этих пределах человеческий глаз не фиксирует градусных отклонений. Выход же за пределы пилотажного квадрата чреват пятьюдесятью штрафными очками. По меркам нынешних мировых чемпионатов, где счет идет на десятки доли очка, это много.

Сыну Халидэ маленькому Пете было семь месяцев, когда мама впервые надолго оставила его, уехав на сборы в Эссенуки. Муж Халидэ, в прошлом спортсмен-летчик сборной страны, сам подтолкнул ее к этому решению. Побед в семье давно уже добиваются сообща.

Освоение каждой новой модели Макагонова считает трудовой вехой. Облетывать свежую машину готова сутками. Однако на поршневой «Як-55», сошедший буквально с заводского конвейера, смотрела со смешанным чувством восхищения и тревоги: через месяц — первенство мира, и побеждать — а иначе зачем садиться в кабину — нужно будет именно на этой машине. Налет часов полу-мизерным, чуть более десяти по чемпионатской программе, но каждую фазу полета приходилось выполнять в соревновательном режиме, с максимальной внимательностью и самоотдачей.

На земле, как и в воздухе, Халидэ по душе нестандартные решения. Склонность к импровизации и объясняется прекрасное исполнение Макагоновой произвольной и финальной программ. В финальную композицию летчик волен включать любые фигуры. А в произвольную, спросите вы? Здесь фантазия

несколько ограничена каталогом Арести. Насчитывает каталог ни много ни мало 50 тысяч фигур, но летчики-творцы все же ухитряются придумать что-то новое, найти какие-то свои способы для выражения творческой индивидуальности.

Прошлогодний чемпионат мира, проходивший в Венгрии, складывался для Халидэ непросто. Сперва подвела обязательная программа: только четвертое место. Однако неудачное начало Макагонову не обескуражило. После произвольной она вышла в лидеры. Третьим видом многоборья у летчиков идет так называемая «темная» программа — задание на нее выдается спортсменам лишь за сутки до старта. Ничто, казалось, не предвещало неприятности: все сложнейшие фигуры были исполнены Макагоновой на загляденье чисто, оставалась одна-единственная, освоенная ею досконально еще в начале самостоятельных полетов. И тут самолет Халидэ вышел за квадрат, и те самые пятьдесят штрафных очков тяжелым балластом плюхнулись в кабину за ее спиной: небо не прощает небрежностей.

Злиться можно было только на саму себя. Но Халидэ уверена, что людям злым меньше везет в спорте — они, как правило, еще и трусливы. Сама же испытывала чувство страха только на земле, например, перед экзаменами в МАИ, где она заканчивает учебу. Не запаниковала она и тогда, в Венгрии. Четыре минуты длилась ее финальная программа. Отлетала Макагонова, по мнению судей и специалистов, блистательно. Итак, советская летчица-спортсменка — абсолютная чемпионка мира!

Имя сеньора Арести носит не только каталог фигур высшего пилотажа. Призванный служить символом нелегкости победы, девяностокилограммовый кубок Арести вручается чемпиону мира. Сейчас у нас в стране предполагается изготовить приз и для женщин — полечче и поизящнее. Кому-то он достанется в 1986 году? Абсолютная чемпионка мира 1984 года среди женщин Халидэ Макагонова не любительница прогнозов, но она сделает для победы все!

Сергей ИСТОМИН

Фото Петра НОВИКОВА

ХАЛИДЭ МАКАГОНОВА